

Мир После

Сьюзен И

В этом сиквеле международного бестселлера, в фантастическом триллере «Нашествие ангелов», выжившие после ангельского апокалипсиса начинают снова собирать вместе то, что осталось от современного мира. Когда группа людей пытается схватить сестру Пенрин — Пейдж, думая, что она монстр, ситуация перерастает в кровавую резню. Пейдж исчезает. Люди в ужасе. Мама с разбитым сердцем. Пенрин разъезжает по улицам Сан-Франциско в поисках Пейдж. Почему улицы так пустынные? Где все? Поиски приводят её в самое сердце тайных планов ангелов, где она случайно узнает об их мотивации, а также ужасающую правду о том, как далеко они готовы зайти. Между тем, Раффи охотится за своими крыльями. Без них он не может присоединиться к ангелам, не может занять свое законное место в качестве одного из их лидеров. Когда он сталкивается с необходимостью выбора между своими крыльями и жизнью Пенрин, что он выберет?

Все думают, что я мертва.

Моя голова покоится на коленях матери в кузове большого грузовика. Из-за стремительно наступающего рассвета горе на лице мамы становится видно все отчетливей, а гул двигателей заставляет вибрировать каждую кость в моем безвольном теле.

Мы часть автоколонны Сопротивления. Полдюжины военных грузовиков, фургонов и внедорожников мчатся сквозь стоящие на дороге мертвые автомобили подальше от Сан-Франциско. Позади нас все еще видна ангельская обитель, полыхающая после удара Сопротивления.

Витрины магазинов и стоящие вдоль дороги автомобили завалены газетами, что напоминает всем о Великой атаке. Мне не нужно читать газеты, чтобы понять, что в них написано. Все они были изданы еще в первые дни Нашествия, когда журналисты все еще пытались зафиксировать события, происходящие в мире. Я по-прежнему помню эти кричащие заголовки:

ПАРИЖ В ОГНЕ, НЬЮ-ЙОРК ПОД ВОДОЙ, МОСКВА РАЗРУШЕНА.

КТО СТРЕЛЯЛ В ГАВРИИЛА, ПОСЛАНИКА ГОСПОДА?

АНГЕЛЫ СЛИШКОМ ПРОВОРНЫЕ ДЛЯ РАКЕТ.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ ПОТЕРПЕЛИ ПОРАЖЕНИЕ.

КОНЕЦ СВЕТА.

Мы проезжаем мимо трех лысых мужчин, завернутых в серые простыни. Они расклеивают грязные и мятые листовки одного из культов Апокалипсиса. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем уличные банды, различные культы и члены Сопротивления, наконец, объединятся? Мне кажется, даже наступление Апокалипсиса не может удержать нас от желания сбиться в группы.

Члены культа останавливаются на тротуаре и смотрят, как мы проезжаем в своем переполненном грузовике. Моя семья, должно быть, выглядит крошечной — испуганная мама, темноволосая девушка-подросток и семилетняя девочка, сидящие в кузове, полном вооруженных людей. В любое другое время мы выглядели бы овцами в компании волков. Но теперь мы имеем то, что люди могли бы назвать «обществом».

Некоторые мужчины в нашем фургоне носят камуфляж и держат в руках винтовки. Некоторые люди все еще целятся из пулеметов в небо. Несколько новичков выжигают у себя на теле татуировки, обозначающие убитых ими. Тем не менее, эти люди держатся от нас на приличном расстоянии.

Весь последний час, что прошел после взрыва ангельской обители, моя мама раскачивается взад-вперед и скандирует нечто на выдуманном ею же самой языке. Ее голос поднимается и опускается, словно она ведет свои собственные дебаты с богом. Или, может быть, с дьяволом.

Слезы капаят с ее подбородка мне на лоб и на пол грузовика, и я знаю, что ее сердце сейчас разрывается на части. Это ломает меня, ее семнадцатилетнюю дочь, обязанностью которой была забота о семье.

Она думает, что я просто безжизненное тело, которое принес ей сам дьявол. Вероятно, она никогда не сможет выбросить из головы воспоминание о том, как я лежала на руках у Раффи, а его демонические крылья подсвечивал огонь.

Интересно, что бы она подумала, узнай о том, что Раффи самый настоящий ангел, которому достались крылья демона из-за предательства сородичей? Наверное, это будет более странно, чем, если бы ей сказали, что на самом деле я не мертва, а просто парализована жалом ангельского монстра-скорпиона. Мама бы просто решила, что этот человек еще более сумасшедший, чем она сама.

Моя младшая сестренка сидит у моих ног, словно замороженная. Ее глаза совершенно пусты, а спина неестественно прямая, несмотря на тряску в грузовике. Выглядит все это так, будто Пейдж закрылась в себе. Грозные мужчины продолжают поглядывать на нее, словно испуганные мальчишки, выглядывающие из-под своих одеял. Она похожа на помятую, сшитую куклу из кошмара. Я очень не хочу думать о том, через что она прошла, прежде чем стать такой. Какая-то часть меня хочет знать больше, но остальная радуется блаженному неведению.

Я делаю глубокий вдох. Рано или поздно мне придется встать. У меня просто нет выбора — я должна повернуться к миру лицом. К моему телу наконец-то вернулась чувствительность. Я сомневаюсь, что смогу сейчас бороться или делать что-то в этом роде, но, насколько я могу судить, я уже в состоянии двигаться.

Я сажусь.

Я предполагаю, что если бы все тщательно обдумала перед этим, то была бы подготовлена к ужасающим крикам. Главный среди крикунов — моя мать. Ее мышцы застыли от ужаса, а глаза неестественно широко распахнуты.

— Все хорошо, — говорю я. — Все в порядке.

Мои слова звучат невнятно, но я благодарна тому, что мой голос не как у зомби. Это было бы забавно, за исключением одной отрезвляющей мысли, надоедливо звучащей в моей голове: Сейчас мы живем в мире, в котором ты можешь быть убит лишь за то, что не похож на всех остальных.

Я протянула руки в успокаивающем жесте, попутно стараясь заверить их в том, что я не представляю опасности, но мои слова теряются в крике. Очевидно, паника распространяется молниеносно в таком маленьком пространстве, как кузов грузовика. Некоторые солдаты буквально расшвыривают друг друга, стараясь пробраться в заднюю часть грузовика. Многие из них выглядят готовыми выпрыгнуть из движущегося транспорта.

Солдат с сальным, прыщавым лицом нацеливает на меня свою винтовку, выглядя при этом так, словно собирается совершить первое в своей жизни убийство.

Я серьезно недооценила уровень первобытного страха, циркулирующего вокруг нас. Эти люди потеряли все: свои семьи, свою безопасность и даже своего Бога. И теперь на их глазах оживает труп и тянется к ним свои руки.

— Со мной все хорошо, — говорю я так ясно, как только могу. Мой взгляд направлен на солдата с намерением убедить его в том, что ничего сверхъестественного сейчас не произошло. — Я жива.

В данный момент я не знаю, расслабятся ли они или вышвырнут меня из грузовика,

стреляя при этом вслед. Меч Раффи все еще у меня, привязанный к спине и скрытый под курткой. Он дарит мне хоть какое-то утешение, но все же не сможет уберечь от пули.

— Послушайте, — мягко сказала я, стараясь не делать резких движений, — я просто была обездвижена. Вот и все.

— Ты была мертва, — возразил бледный солдат, который выглядел моим ровесником.

Кто-то постучал по крыше. Мы все подпрыгнули от неожиданности, и мне повезло, что солдат случайно не нажал на курок.

Заднее окно открывается, и из него выглядывает Тру. Наверное, он бы выглядел строгим, если бы не его рыжие волосы и лицо маленького мальчика, покрытое веснушками. Трудно всерьез относиться к парню с такой внешностью.

— Эй! Отойди от мертвой девочки. Она — собственность Сопротивления.

— Да, — произнес его брат-близнец Тра из машины. — Она нужна нам для вскрытий и других опытов. Вы думаете, так легко найти девушек, убитых демоническими принцами?

Как и всегда, я не могла различить близнецов, поэтому просто называла одного из них Тра, а другого Тру, особо не задумываясь, кто из них кем был.

— Не убивай мертвую девушку, — сказал Тру. — Я с тобой говорю, солдат!

Он указывает на парня с винтовкой и впивается в него взглядом. Можно подумать, что сходство с Рональдом Макдональдом [\[1\]](#) и такие прозвища, как Труляля и Траляля, лишат их власти. Но у этих парней, похоже, есть способности быстро переходить от шутки к смертельной угрозе. По крайней мере, я надеюсь, что они шутили о вскрытии.

Грузовик останавливается на стоянке. Это привлекает наше внимание, и мы озираемся вокруг. Возвышающееся перед нами глинобитное здание мне знакомо. Это не моя школа, но я видела ее множество раз. Перед нами средняя школа Пало-Альто, или, как ласково ее называют, Высокая Пэлли. Полдюжины грузовиков и внедорожников останавливаются на школьной автостоянке. Солдат все еще следит за мной, но, по крайней мере, он опустил свою винтовку на сорок пять градусов. Многие люди устали на нас, пока остальная часть нашей автоколонны искали, где припарковать автомобили. Все они видели меня в объятиях существа с демоническим крыльями, коим для них являлся Раффи, и все они думали, что я умерла. Их взгляды меня смущают, поэтому я сажусь на скамейку рядом со своей сестрой.

Один мужчина подходит, чтобы коснуться моей руки. Возможно, он хочет убедиться, теплая ли я, как живое существо, или холодная, как труп. Лицо моей сестры мгновенно меняется от отстраненного безразличия сломанной куклы до яростного оскала рычащего животного, поскольку она набрасывается на человека. Ее острые, как бритва, зубы лишь подчеркивают исходящую от нее угрозу. Когда мужчина отходит, она вновь возвращается на свое место с безразличным лицом и словно превращается в куклу из ночных кошмаров.

Мужчина оглядывается назад и переводит взгляд туда-обратно между нами с сестрой в поисках разгадок вопросов, на которые я не могу ответить. Все люди на автостоянке видели эту сцену, и в их взглядах также можно прочесть вопросы и страх.

Добро пожаловать в цирк шапито.

Глава 2

Пейдж и я привыкли к тому, что на нас все смотрят. Я просто игнорировала взгляды, а Пейдж улыбалась зевакам из своей инвалидной коляски. Очарованию Пейдж было трудно сопротивляться.

Так было раньше.

Наша мама вновь начала говорить на непонятных языках. На сей раз, она смотрит прямо на меня во время пения и создается ощущение, что она молится обо мне. Гортанные звуки, льющиеся из ее горла, заглушают приглушенный шум толпы. Мама может даже в дымном дневном свете выглядеть жутко.

— Ладно, давайте на выход, — произносит Оби сильным голосом.

Он примерно шесть футов ростом, с широкими плечами и мускулистым телом, но именно приказной тон и уверенность в себе отмечают его как лидера Сопротивления. Все смотрят и слушают, когда он ходит между грузовиками и внедорожниками, выглядя при этом, как самый настоящий командир в зоне военных действий.

— Очистить грузовики и главное здание. Держитесь подальше от открытого неба как можно дольше.

Приказ меняет настроение, и люди начинают прыгать из грузовиков. Люди в нашем грузовике пихают и толкают друг друга, спеша оказаться подальше от нас.

— Водители, — приказывает Оби. — Когда грузовики будут пусты, разместите ваши транспортные средства в пределах досягаемости. Скройте их посреди неработающего транспорта или там, где их будет сложно увидеть сверху.

Он идет через реку беженцев и солдат, раздавая приказы и направляя людей, которые иначе бы потерялись.

— Я не хочу, чтобы были видны признаки того, что это место обитаемо. Ничего не убираем и ничего не выбрасываем в пределах мили. — Оби делает паузу, когда видит, что Тра и Тру стоят рядом и смотрят на нас.

— Господа, — говорит Оби. Тра и Тру словно выходят из транса и смотрят на него. — Пожалуйста, покажите новобранцам куда идти и что делать.

— Хорошо, — сказал Тру, отсалютовав Оби с мальчишеской улыбкой.

— Новички! — требовательно произнес Тра. — Все, кто не знает что делать, следуйте за нами.

— Подходите, ребята, — сказал Тру.

Полагаю, что это относится к нам. Я неуклюже встаю и на автомате подхожу к Пейдж, но останавливаюсь прежде, чем коснусь ее. Похоже, какая-то часть меня считает, что она — опасное животное.

— Идем, Пейдж.

Я не уверена, что сделаю в том случае, если она не сдвинется с места. Но она встает и следует за мной. Я не знаю, привыкну ли когда-нибудь к тому, что она теперь может ходить на собственных ногах.

Мама тоже следует за нами, хотя не прекращает свое пение. Напротив, она поет более пылко и громко.

Все мы шагаем в поток новичков, идущих за близнецами.

Тра притормаживает, обращаясь к нам.

— Мы возвращаемся в среднюю школу, где наши инстинкты работают лучше всего.

— Если ты хочешь изрисовать стены граффити или избить своего старого учителя математики, — говорит Тру, — то лучшей сделай это там, где даже птицы не смогут тебя увидеть.

Мы идем к главному зданию. С улицы школа выглядит обманчиво маленькой. Тем не менее, позади главного здания есть целый комплекс современных построек, связанных между собой крытыми проходами.

— Если кто-то из вас ранен, то пройдите в этот замечательный класс. — Тру открыл ближайшую дверь и заглянул в нее. Это был кабинет с висящим на стенде скелетом в натуральную величину. — Кости составят вам компанию, пока вы будете ждать врача.

— И если кто-то из вас является врачом, — сказал Тра. — То ваши пациенты ждут вас.

— Это и есть все мы? — спрашиваю я. — Единственные оставшиеся в живых?

Тру посмотрел на Тра.

— Девочкам-зомби можно разговаривать?

— Если они симпатичные и готовы устроить бои в грязи с другой девочкой-зомби.

— Чууувак. Так держать.

— Это отвратительно, — я косо смотрю на них, но тайно рада, что они не волнуются о моем возвращении из мертвых.

— Не настолько, ведь ты еще не разлагаешься, Пенрин. Просто ты только что вернулась из мертвых.

— Только пусть будет с разорванной одеждой и прочей фигней.

— И с желанием съесть соскиииии.

— Он имеет в виду мозги.

— Это именно то, что я имел в виду.

— Вы не могли бы ответить на вопрос? — спрашивает парень в потрескавшихся очках. Судя по всему, он не в шутовском настроении.

— Конечно, — ответил Тру на полном серьезе. — Это наше место randevu. Остальные присоединятся к нам здесь.

Мы идем в слабом солнечном свете, и парень в очках плетется позади группы.

Тра наклоняется к Тру и шепчет ему довольно громко, чтобы я услышала:

— Сколько ты поставишь на то, что этот парень первым сделает ставку на бой девочки-зомби?

Они обмениваются усмешками и многозначительно шевелят бровями.

Октябрьский ветер просачивается сквозь мою блузку, и я не могу не посмотреть на пасмурное небо, выискивая там конкретного ангела с крыльями летучей мыши и грубоватым чувством юмора. Я с силой пинаю разросшуюся траву и заставляю себя отвести взгляд.

Окно класса завешано плакатами и объявлениями о требованиях к поступающим в колледжи страны.

Другое окно открывает вид на полки со студенческими работами. Фигурки из глины, деревесины и папье-маше всех цветов и стилей занимают каждый сантиметр свободного пространства на полках. Некоторые из них настолько хороши, что навевают грусть из-за осознания того, что эти дети еще долгое время не смогут заниматься искусством.

По мере продвижения через школу близнецы делают все возможное, чтобы остаться с моей семьей. Я отступаю немного назад, думая, что будет неплохо видеть Пейдж перед собой, где я могу присматривать за ней. Ее движения скованы, словно она еще не привыкла к

своим ногам. А я не привыкла видеть ее в таком состоянии, и мой взгляд то и дело останавливается на сырых стежках, покрывающих ее тело. Они делают ее похожей на куклу вуду.

— Так это твоя сестра? — спрашивает Тру тихим голосом.

— Да.

— Та, ради кого ты рисковала своей жизнью?

— Да.

Близнецы вежливо кивают, но делают это словно на автомате. Обычно так выглядят люди, когда не хотят сказать что-то оскорбительное.

— Ваша семья лучше? — спрашиваю я.

Тру и Тра оценивающе смотрят друг на друга.

— Нет, — говорит Тру.

— Не совсем, — одновременно отвечает Тра.

* * *

Класс истории — наш новый дом. На стенах полно дат и плакатов по истории человечества. Месопотамия, великая пирамида в Гизе, Османская империя, династия Мин.

И Черная Смерть.

Мой учитель истории говорил, что Черная Смерть уничтожила от тридцати до шестидесяти процентов населения Европы. Он попросил нас представить, каково это — шестьдесят процентов твоего мира мертво. Я не могла тогда этого представить. Это было настолько нереально.

Являя собой странный контраст, все эти древние исторические плакаты затмевает картина с астронавтом на луне с голубой Землей позади. Каждый раз, когда я вижу наш бело-голубой шар в космосе, я думаю, что это, должно быть, самая прекрасная вещь во вселенной.

Но и она тоже выглядит нереальной.

Снаружи все больше грузовиков грохочет на стоянке. Я подхожу к окну, а мама начинает толкать столы и стулья в одну сторону. Я выглядываю и вижу одного из близнецов, ведущего в школу ошеломленных новичков, словно Гамельнский Крысолов [\[2\]](#).

Позади меня моя маленькая сестренка говорит: “Есть”.

Я деревенею, и различные гадости переполняют мою голову.

Я вижу отражение Пейдж в окне. В размытом потустороннем мире этого отражения она смотрит на маму, как любой другой ребенок, ждущий ужина. Но в искривленном стекле ее голова искажается, увеличивая стежки и удлиняя ее острые зубы.

Мама наклоняется и гладит волосы своего ребенка. Она начинает напевать ей навязчивую песню-извинение.

Я устроилась на койке в углу. Лежа спиной к стене, я могу видеть всю комнату при свете луны.

Моя младшая сестра лежит на койке у стены напротив меня. Пейдж выглядит крошечной под своим одеялом. Прямо над ней расположены плакаты исторических деятелей в натуральную величину: Конфуций, Флоренс Найтингейл, Ганди, Хелен Келлер, Далай-лама [\[3\]](#).

Стала бы она похожей на них, если бы мы не жили в Мире После?

Скрестив ноги, моя мама расположилась у кровати Пейдж, продолжая напевать свои мелодии. Мы попытались накормить мою сестру тем, что мне удалось раздобыть в беспорядке школьного кафетерия, который с утра должен превратиться в кухню. Но она не смогла удержать в себе ни консервированный суп, ни протеиновый батончик.

Я перемещаю свой вес на край раскладушки, стараясь найти положение, в котором рукоять моего меча не будет давить на ребра. Держать его все время при себе — лучший способ предупредить попытки забрать его и обнаружить, что лишь я единственная могу поднять его. Последнее, что мне нужно, так это объяснять, где я раздобыла ангельский меч.

То, что я сплю с оружием, никак не относится к тому, что я нахожусь в одной комнате с сестрой. Совершенно не относится. Также это не имеет ничего общего с Раффи. Меч — это не единственная вещь, напоминающая мне о времени, проведенном с ним. У меня есть еще множество порезов и синяков, напоминающих мне о тех днях, которые я провела в компании ангела, моего врага. Того самого, которого я, наверное, больше никогда не увижу. До сих пор никто не расспрашивал меня о нем. Лучше так, чем думать о том, что наша группа все еще не распалась

Я пытаюсь прогнать эту мысль и закрываю глаза. Моя сестра снова недовольно стонет поверх маминого пения.

— Спи, Пейдж, — говорю я.

К моему удивлению, ее дыхание выравнивается и она засыпает. Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Мелодия моей матери исчезает в небытие.

Мне снится, что я в лесу, где произошло массовое убийство. Я недалеко от старого лагеря Сопrotивления, где погибли солдаты, пытаюсь защитить себя от низших демонов.

Кровь стекает с веток и капает на опавшие листья, словно дождь. В моем сне нет тел, которые должны быть везде, как и нет перепуганных солдат, стоящих спина к спине с винтовками на взводе. Это просто поляна с капающей кровью.

В центре стоит Пейдж. На ней старомодное платье с цветочным принтом, как на одной из тех девочек, которых мы видели висящими на дереве. Ее волосы в крови, так же как и ее платье. Я не уверена, что сложнее — смотреть на кровь или на следы стежков, пересекающих ее лицо.

Она протягивает руки ко мне, как будто ждала меня долгое время, чтобы ее забрали, хотя ей сейчас всего семь лет.

Я уверена, что моя сестра не была частью той резни, но, тем не менее, она здесь.

Откуда-то из лесу слышится мамин голос:

— Посмотри ей в глаза. Они такие же, какими и были всегда.

Но я не могу. Я вообще не могу смотреть на нее. Ее глаза уже не те. Они не могут быть теми же.

Тогда я поворачиваюсь и бегу от нее прочь. Слезы текут по лицу, и я кричу, обращаясь к лесу в противоположной стороне от девочки позади меня.

— Пейдж! — звенит мой голос, — Я иду. Держись. Я скоро буду.

Но единственный признак моей сестры — хруст опавших листьев после новой Пейдж, бегущей за мной через лес.

Я просыпаюсь от того, что моя мама что-то выскребает из кармана своего свитера. Она кладет это на подоконник, освещенный рассеянным утренним светом. Это желто-коричневая слизь и измельченная яичная скорлупа. Она очень осторожна, пытаясь заставить эту гадость капнуть на подоконник.

Пейдж дышит ровно и, кажется, что она все еще спит. Я пытаюсь выкинуть из головы свой сон, но его обрывки все еще преследуют меня.

Кто-то стучит в дверь.

Дверь открывается, и в нашей комнате появляется веснушчатое лицо одного из близнецов. Я не знаю, которого из них, поэтому просто думаю о нем как о Тру-Тра. Он морщит нос с отвращением, когда чует запах тухлых яиц.

— Оби хочет видеть тебя. У него есть пара вопросов.

— Чудесно, — сонно отвечаю я.

— Да ладно. Это будет весело, — он посылает мне очень яркую улыбку.

— Что если я не хочу идти?

— Ты нравишься мне, детка, — говорит он. — Ты бунтарь.

Он прислоняется к косяку и одобрительно кивает.

— Но если честно, никто не обязан кормить вас, давать вам кров, защищать, быть добрым с вами, относится по-человечески.

— Хорошо, хорошо. Поняла, — я вылезаю из постели, радуясь тому, что спала в футболке и шортах.

Мой меч с глухим стуком падает на пол. Я забыла, что он был со мной под одеялом.

— Тсс! Ты разбудишь Пейдж, — шипит мама.

Глаза Пейдж немедленно открываются. Она лежит как мертвая, уставившись в потолок.

— Крутой меч, — чересчур небрежно говорит Тру-Тра.

В моей голове раздаются тревожные звоночки.

— Почти такой же хороший, как и электрический хлыст для коров.

Я почти ожидаю, что мама стукнет его своим хлыстом, но он невинно висит на спинке ее раскладушки.

Меня гложет чувство вины, когда я понимаю, насколько счастлива, что у моей мамы есть хлыст, на случай если ей придется защищать себя от... людей.

Больше половины людей здесь носят какой-то из видов самодельного оружия. Меч является одним из лучших, я рада, что мне не приходится объяснять, зачем ношу его. Но есть в нем что-то, что привлекает больше внимания, чем мне бы хотелось. Я поднимаю меч и прикрепляю ремнем через плечо, чтобы помешать любой попытке поиграть с ним.

— У него есть имя? — спрашивает Тру-Тра.

— У кого?

— У твоего меча, — он говорит так, будто бы это нечто, само собой разумеющееся.

— Ой, пожалуйста, только не начинай, — я выбираю одежду из случайных комплектов, собранных мамой прошлой ночью.

Она также принесла с собой пустые бутылки из-под содовой и прочий хлам неизвестного происхождения, но к той куче я даже не притронулась.

— Я знал парня, у которого была катана.

— Была что?

— Японский меч самураев. Превосходный, — он хватается за сердце так, словно влюбился. — Его звали "Меч света". Я продал бы свою бабушку в рабство за него.

Я понимающе киваю.

— Можно, я дам имя твоему мечу?

— Нет. — Я достаю джинсы, которые должны подойти, и один носок.

— Почему?

— У него уже есть имя. — Я продолжаю копаться в грудe одежды в поисках носка.

— Какое?

— Мишка Пуки.

Его дружелюбное лицо вдруг стало серьезным.

— Ты назвала свой уникальный, прекрасный меч, созданный для того, чтобы калечить, убивать и ставить на колени твоих врагов, выслушивая при этом плач их женщин, — Мишка Пуки?

— Да, тебе нравится?

— Даже шутить так — преступление против природы. Ты это понимаешь, не так ли? Я отчаянно пытаюсь не сказать кое-чего против девушек, но из-за тебя это довольно-таки тяжело.

— Да, ты прав, — я пожимаю плечами. — Мне следовало бы вместо этого назвать его Тоттошкой или Флосси. Как думаешь?

Он смотрит на меня так, будто я еще более сумасшедшая, чем моя мама.

— Я ошибаюсь? У тебя на самом деле карманная собака в ножнах?

— О, мне интересно, смогу ли я найти розовые ножны для Мишки Пуки. Может быть, со стразиками? Что? Это слишком?

Он выходит, качая головой.

Его так легко дразнить. Я не спеша переодеваюсь и выхожу за дверь следом за Тру-Тра.

Кажется, будто коридор переполнен, как стадион Окленда во время ежегодного чемпионата по бейсболу.

Несколько мужчин среднего возраста обменивают перо на пузырек с лекарством. Я думаю, что в Мире После это версия наркосделки. Другой показывает что-то похожее на мизинец, потом убирает его обратно, когда парень тянется за ним. Они начинают спорить шепотом.

Две девушки идут, съжившись над несколькими банками супа, как будто бы они держат в руках горшочек золота. Они нервно оглядывают каждого, пока плетутся по коридору. Рядом с главным входом несколько человек со свежесбрившими головами расклеивают листовки одного из Культов Апокалипсиса.

Снаружи заросший газон, устрашающе пустынный с мусором, разлетающимся от ветра. Любой, кто смотрит вниз с неба, может предположить, что это здание такое же заброшенное, как и другие.

Тру-Тра рассказывает мне о том, что уже превратилось в большую шутку: высший состав Сопротивления занял место в учительской, а Оби вступил в должность директора школы. Мы пересекаем школьный двор, следуя в кирпичное здание Оби, не покидая крытого перехода, даже учитывая тот факт, что так путь будет гораздо длиннее.

Вестибюль и залы в основном здании еще больше заняты, чем в моем, но, похоже, у этих людей есть цель. По коридору мчится парень, волоча за собой кабель. Несколько человек

перемещают столы и стулья из одной комнаты в другую.

Подросток толкает тележку, заставленную сэндвичами и кувшинами с водой. Когда тележка проезжает мимо, люди хватают еду и напитки, как будто они имеют право на доставку еды, если работают в этом здании.

Тру-Тра берет пару сэндвичей и протягивает мне один. Как будто я часть толпы.

Я проглатываю свой завтрак до того, как кто-то поймет, что я не отсюда. Но с полным ртом я едва не давлюсь, когда вижу кое-что.

У людей в этом здании удлиненное оружие. Оно выглядит так, будто на него надели глушители, как это делают в фильмах убийцы.

Если на нас нападут ангелы, шум не будет иметь значения, потому что к этому моменту они уже будут знать, где мы находимся. Но если мы будем отстреливать друг друга...

Еда во рту вдруг стала на вкус как обычная холодная ветчина со специями и черствым хлебом, вместо того восхитительного угощения, коим была минуту назад.

Тру-Тра вваливается в дверь.

— ... ошибка, — звучит мужской голос из комнаты.

Люди сидят перед компьютерами в несколько рядов, полностью погруженные в мониторы. Я не видела ничего подобного со времен Нашествия. Некоторые из них не сочетаются с обстановкой, учитывая их очки и татуировки в виде дьявольского рога.

Многие люди настраивают компьютеры на задних рядах и смотрят большой телевизор, стоящий перед доской. Похоже, что Сопротивление придумало, как получить постоянный источник питания, по крайней мере, для одной комнаты.

Оби находится в центре всей этой активной деятельности. Шеренга людей следуют за ним, ожидая его согласия на что-то. Несколько человек в комнате следят за ним и за чем-то еще.

Боуден сидит рядом с ним. Его нос до сих пор опухший и в синяках из-за нашей драки во дворе предыдущего лагеря Сопротивления, произошедшей пару дней назад. Может быть, в следующий раз он научится разговаривать с людьми как с людьми, вместо того чтобы издеваться над ними, пусть даже они такие маленькие девушки, как я, и кажутся легкой целью.

— Это была поправка в планах, не ошибка, — говорит Боуден. — И ни за что на свете это не было "предательством человечества". Сколько раз я должен объяснять это?

Удивительно, возле двери стоит корзинка с шоколадками. Тру-Тра прихватил две и протянул мне одну. Когда я чувствую батончик Сникерса у себя в руке, я понимаю, что это священная вещь.

— Опережать события — это не значит менять планы, Боуден, — говорит Оби, просматривая документы, которые передал ему сварливый солдат. — Мы не сможем следовать военной стратегии, если позволим пехотинцу выбирать время действий только потому, что он не может держать рот на замке и рассказывает обо всем кому попало. Каждый прохожий и каждая продажная шлюха уже знают об этом.

— Но это не...

— Твоя вина, — отвечает Оби — Я знаю. Тошнит уже от того, сколько раз ты это сказал. — Оби скользит взглядом в мою сторону, когда слушает следующего в ряду.

После минутной фантазии о вкусе шоколадного батончика я засовываю его в карман куртки.

Может, я могу убедить Пейдж съесть это.

— Боуден, ты пока что свободен, — Оби приглашает меня войти.

Когда мы проходим мимо друг друга, Боуден рычит.

Оби усмехается мне. Женщина, сидящая в следующем ряду, изучающе смотрит на меня с более чем профессиональным интересом.

— Приятно видеть тебя живой, Пенрин, — говорит Оби.

— Приятно быть живой, — отвечаю я. — У нас ночь кино?

— Мы создаем дистанционную систему наблюдения вокруг Бей-Бридж, — говорит Оби. — Это окупает наличие такого большого количества гениев в Долине, которые могут сделать невозможное возможным.

— Двадцать пятая камера подключена, — кричит кто-то из последнего ряда. Остальные программисты продолжают печатать на компьютерах, но я чувствую их волнение.

— Что ты ищешь? — спрашиваю я.

— Что-нибудь интересное, — отвечает Оби.

— У меня есть кое-что, — кричит программист позади нас. — Ангелы в Саннивэйл на автостраде Лоуренс.

— Переведи это на главный монитор, — говорит Оби.

В передней части аудитории включается один из больших телевизионных экранов.

Экран телевизора загорается.

Ангел с голубыми крыльями гордо идет, огибая завалы на заброшенной улице. На дороге гигантская трещина, делающая зигзаги к центру города, с одним краем выше, чем другой.

Другой ангел идет за первым, а за ними еще два. Они смотрят вокруг и затем выходят из кадра.

— Ты можешь повернуть камеру?

— Не эту, извини.

— У нас есть еще один! — говорит программист справа от меня. — Эта камера из СФО. — Мне всегда было интересно, как у них получилось сократить Международный аэропорт Сан-Франциско до аббревиатуры СФО.

— Выведи на экран, — говорит Оби.

Перед доской оживает другой телевизор.

Ангел впереди наполовину хромает, наполовину бежит по асфальту. Одно из его белых крыльев сломано и волочится за ним.

— Мы заполучили хромую птицу, — говорит кто-то позади меня. Его голос звучит взволновано.

— От чего он бежит? — спрашивает Оби скорее самого себя.

Камера не может четко показать изображение. Она переключается от слишком яркого до слишком темного. Она настроена на регулирование освещения по яркому фону, делая черты ангела темными, трудно различимыми.

Однако, когда он подходит ближе, то оборачивается, чтобы посмотреть на преследователей, давая нам возможность хорошенько рассмотреть его лицо.

Это Велиал, демон, который украл крылья Раффи. Он в плохой форме. Интересно, что случилось?

Кажется, только одно из его украденных крыльев работает. Оно продолжает открываться и закрываться, будто рефлекторно пытается взлететь, в то время как другое крыло только тащится в пыли. Я не хочу видеть, как с великолепными крыльями Раффи обращаются таким образом, и стараюсь не думать, что такого же обращения они удостоились от меня.

Что-то не так с коленом Велиала. Он хромает и придерживает ногу, даже когда пытается бежать.

Он движется быстрее, чем смог бы любой раненный человек, но я предполагаю, что это всего лишь половина его нормальной скорости.

Даже с такого расстояния я вижу ярко-красное пятно, просачивающиеся сквозь его белые брюки, чуть выше сапог. Забавно, что демон стал носить одежду белого цвета, возможно, с тех пор, как он заполучил новые крылья.

Когда он приближается к камере, то снова поворачивает голову, чтобы посмотреть назад. На его лице знакомая усмешка.

Высокомерный, разозленный, но на этот раз еще и испуганный.

— Чего он боится? — Оби задается тем же вопросом, что и я.

Велиал хромает из кадра, оставляя только разделительную полосу пустой посадочной

полосы.

— Мы можем увидеть, что за ним? — спрашивает Оби.

— Зависит от того, насколько камера может повернуться.

Проходит несколько секунд, и возникает чувство, будто комната задержала дыхание.

И тогда преследователь Велиала показывается на экране во всей своей славе.

Демонические крылья простираются над его головой. Свет отражается от изогнутых крючьев, скользя вниз по краю его крыла, когда он преследует свою добычу.

— Иисус Христос, — говорит кто-то позади меня.

Преследователь, кажется, не торопится, будто он наслаждается моментом. Его голова опущена вниз, а крылья прикрывают лицо, делая его черты еще более трудно различимыми, чем у Велиала. И в отличие от Велиала, он не повернул голову, чтобы дать нам взглянуть на свое лицо.

Но я знаю его. Даже с его новыми демоническими крыльями, я знаю его.

Это Раффи.

Все в нем — его походка, его изогнутые крылья, его лицо в тени — это совершенный пугающий образ дьявола, преследующего свою добычу.

И хотя я уверена, что это Раффи, мое сердце дрожит от страха при виде него.

Это не тот Раффи, которого я знала.

Признает ли Оби в нем того самого парня, с которым я пришла в первый раз в лагерь Сопrotивления?

Я предполагаю, что нет. Не уверена, что и я бы узнала Раффи, не ведая о его новых крыльях, даже при том, что каждая черточка его лица и тела врезалась в мою память.

Оби обращается к своим людям.

— Мы сорвали куш! Хромой ангел и демон. Я выдвинусь на охоту к аэропорту через две минуты.

Близнецы двигаются прежде, чем отдан приказ.

— Будет сделано, — говорят они в унисон и выбегают за дверь.

— Пошли! Пошли! Пошли! — Я никогда не видела Оби таким взволнованным.

Оби останавливается в дверном проеме, чтобы сказать:

— Пенрин, присоединяйся. Ты единственная, кто был рядом с демоном.

Они всё ещё думают, что демон нес меня к моей семье, когда я как бы была мертва.

Я закрываю рот, прежде чем смогу сказать, что ничего не знаю. Я бросаюсь догонять группу, которая спешит вниз по коридору.

Международный аэропорт Сан-Франциско находился в двадцати минутах к северу от Пало-Альто без учета пробок. Конечно же, шоссе сейчас было сильно загружено, и езда со скоростью в шестьдесят миль в час была невозможной и явно плохой идеей. Но никто, кажется, не сказал об этом Тра-Тру. Он прижимает наш внедорожник к обочине, петляя между брошенными машинами и наезжая на бордюры, как пьяный автогонщик.

— Меня, кажется, сейчас стошнит, — говорю я.

— Приказываю тебе не делать этого, — говорит Оби.

— Ах, не говори так, — говорит Тра-Тру. — Она рождена мятежницей. Она блеванет лишь для того чтобы настоять на своем.

— Ты здесь по определенной причине, Пенрин, — говорит Оби. — И заблевать машину не входит в часть нашего плана. Сопrotивляйся, Солдат.

— Я не твой солдат.

— Пока нет, — говорит Оби, широко улыбаясь. — Почему ты не хочешь посвятить нас в то, что происходило в обители? Расскажи нам все, что ты видела и слышала, даже если ты думаешь, что это бесполезно.

— А если тебя все-таки стошнит, — говорит Тра-Тру, — целься в Оби, а не в меня.

В конце концов, я рассказываю им почти все, что видела. Я опускаю подробности о Раффи, но рассказываю им о бесконечных ангельских вечеринках в обители с шампанским и закусками, костюмами, слугами и совершенном декадансе всего этого. Затем я рассказываю им о зародышах ангелов-скорпионов в подвале лаборатории и о людях, скормленных им.

Я сомневаюсь над тем, рассказывать ли им об экспериментах над детьми. Смогут ли они сложить два и два и начать подозревать, что эти дети могли быть теми низшими демонами, которые разрывали на части людей у дороги? Начнут ли они подозревать, что Пейдж может быть одной из них? Я не знаю, что делать, но, в конце концов, туманно рассказываю им, что детей оперировали.

— Так твоя сестра... С ней все в порядке? — спрашивает Оби.

— Да, я уверена, что она скоро придет в себя, — без колебаний говорю я. Конечно, она в порядке. Разве может быть иначе? Или у нас есть выбор? Я пытаюсь говорить уверенно, несмотря на то, что меня гложет волнение.

— Расскажи больше об ангелах-скорпионах, — говорит другой наш пассажир. У него кудрявые волосы, очки и темно-коричневая кожа. Он выглядит как ученый, дорвавшийся до любимой темы.

Довольная тем, что мы сменили тему о Пейдж, я рассказываю им все, что могу вспомнить. Об их размере, о стрекозых крыльях, о полном отсутствии единообразия, что сильно отличалось от лабораторных образцов, которые мы видели в фильмах. Что некоторые из них выглядели словно зародыши, а остальные — почти сформировавшимися. Я рассказала им о людях, закрытых в резервуарах вместе с ними, высасывающими из них жизнь.

Когда я закончила, возникла пауза, во время которой все впитывали мой рассказ.

Только я подумала, что это "интервью" будет легким, они спросили о демоне, который принес меня и положил на кузов грузовика Сопrotивления во время атаки на обитель. Я понятия не имела, что сказать, поэтому моим ответом было:

— Я не знаю. Я была без сознания.

Несмотря на это, я удивляюсь тому, как много они спрашивают о "демоне".

— Это был дьявол? Он говорил что-то о том, что он здесь делает? Где ты его встретила?

Ты знаешь, куда он направлялся? Почему он принес тебя к нам?

— Я не знаю, — в который раз говорю я. — Я была без сознания.

— Ты сможешь связаться с ним снова?

От этого последнего вопроса мое сердце слегка дрогнуло.

— Нет.

Тра-Тру быстро развернулся, чтобы не вылететь на боковую дорогу.

— Хочешь рассказать нам что-то еще? — спрашивает Оби.

— Нет.

— Спасибо, — говорит Оби. Он оборачивается, чтобы посмотреть на другого пассажира. — Сэнджай, твоя очередь. Я слышал, у тебя есть теория насчет ангелов, которой ты можешь поделиться с нами?

— Да, — говорит ученый, показывая карту мира. — Я думаю, что большинство убийств во время Великой Атаки могли быть непредвиденными. Будто побочный эффект от прибытия ангелов. Моя гипотеза состоит в том, что когда пара ангелов приходит в наш мир, это местный феномен.

Сэнджай вкалывает в карту булавку.

— В нашем мире создана дыра, которая позволяет им входить сюда. Это, вероятнее всего, вызывает какие-то местные колебания погоды, но ничего критичного. Но когда проходит целый легион, происходит то, что происходило.

Он ударяет отверткой по бумаге. Ее ручка и его рука проходят насквозь, разрывая карту.

— Моя теория заключается в том, что мир разрывается, когда они приходят. Это вызывает землетрясения, цунами, непорядки с погодой — все катастрофы, которые порождают большое количество разрушений и смертей.

По небу проносится гром, будто соглашаясь с его словами.

— Не сами ангелы контролируют природу после их вторжения, — говорит Сэнджай. — Именно поэтому они не создали огромного цунами, которое смыло бы нас, когда мы напали на обитель. Они не могут. Они такие же живые, дышащие существа, как и мы. У них могут быть способности, которых нет у нас, но они не богоподобны.

— Ты говоришь нам, что они убили такое количество людей, не приложив к этому никаких усилий?

Сэнджай запускает свои длинные пальцы себе в волосы.

— Что ж, они убили кучку людей после того, как мы убили их предводителя, но они могут и не быть такими всемогущими, как мы первоначально думали. Естественно, у меня нет доказательств. Это лишь теория, подогнанная под то немногое, что мы знаем. Но если вы, ребята, сможете притащить нам парочку тел для изучения, мы сможем пролить на это немного света.

— Хочешь, чтобы я конфисковал пару кусочков ангела из прихожей? — спрашивает Тра-Тру.

Я не шучу насчет того, откуда они с братом достали части ангела просто потому, что это правда.

— Нет никакой гарантии в подлинности этих частей, — говорит Сэнджай. — На самом деле, я буду удивлен, если какая-то из них настоящая. Кроме того, нам сильно поможет исследование всего тела.

Ключки бумаги с изображением нашего мира лежат, свесившись с колен Сэнджая.

— Скрестите пальцы, — говорит Оби. — Если нам повезет, мы сможем принести тебе несколько живых экземпляров.

Я дрожу от волнения. Но говорю себе, что они не поймают Раффи. Не смогут. С ним все будет в порядке.

Оживает рация, и голос говорит:

— Что-то происходит в старой обители.

Оби хватает трубку и спрашивает:

— Что значит "что-то"?

— Ангелы в воздухе. Их слишком много, чтобы начать охоту.

Оби достает бинокль из кармашка для перчаток и смотрит в направлении города. В большинстве мест у него бы не было нормального обзора, но мы недалеко от воды, поэтому у него есть шанс что-то увидеть.

— Зачем они поднялись? — спрашивает Тра-Тру.

— Понятия не имею, — говорит Оби, глядя в бинокль. — Хотя их там много. Происходит что-то интересное.

— Мы уже почти на полпути к городу, — говорит Тра-Тру.

— Он сказал, их слишком много для атаки, — нервно говорит Сэнджай.

— Правда, — говорит Оби. — Но это шанс узнать об их замыслах. И ты хочешь тела ангелов для изучения. Обитель — лучшее место для их добычи.

— Босс, я думаю, это будет либо одно место, либо другое, — говорит Тра-Тру. — Если мы поедем в аэропорт, то нам придется взять с собой всех, кто у нас остался.

Оби вздыхает, выглядя сомневающимся. Он говорит в рацию.

— Изменения в планах. Весь транспорт направляйте в старую обитель. Подходите крайне осторожно. Повторяю, крайне осторожно. Был замечен противник. Пока это наблюдательная миссия. Но если у вас будет шанс, принесите образец птички. Живым или мертвым.

Ледяной дождь барабанит по моему лицу, пока мы мчимся через брошенные в груды мусора автомобили. Ну, гонки это сильно сказано для внедорожника, едущего тридцать миль в час, но в эти дни такая скорость головокружительна в буквальном смысле, так как я сижу на окне внедорожника и держусь изо всех сил.

— Танк на два часа, — кричу я.

— Танк? Серьезно? — спрашивает Тру-Тра. Он вытягивает шею, чтобы увидеть дорогу над захламлением мусора. Его голос звучит возбужденно, хотя мы оба знаем, что ангелы услышали бы танк издалека.

— Я не шучу. Выглядит заглохшим.

С моих промокших волос вода стекает по шее и следует ледяными прикосновениями вниз по спине. Это слабый дождь, такой, как большинство дождей в Сан-Франциско, но его достаточно, чтобы промокнуть насквозь. Влажный холод замораживает мои руки, и становится трудно держаться за поручень.

— Автобус на двенадцать часов, — говорю я.

— Да, я это вижу.

Автобус лежит на боку. Я не сильно удивлюсь, если он перевернулся из-за одного из землетрясений, которые встряхнули мир, когда ангелы пришли, или был подхвачен и брошен мстительным ангелом, когда Соппротивление ударило по их обители. Мне кажется, что он был брошен, так как в дороге возле автобуса образован большой кратер с перевернутым в нем хаммером.

— Э, большой кратер...

До того как я смогла закончить предложение, Тру-Тра свернул машину в сторону. Я крепко держусь, наклоняясь вправо. Какое-то мгновение я думаю, что врежусь лицом в асфальт.

Он делает сумасшедший зигзагообразный маневр, прежде чем выровнять машину.

— Можно было сказать чуть пораньше, — говорит Тру-Тра нараспев.

— Можно было вести чуть ровнее, — говорю я, подражая его тону. Твердый металл двери машины вдавливается в мои бедра, оставляя синяки каждый раз, когда мы наезжаем на тротуар.

И, будто и так все недостаточно плохо, на протяжении всего пути я не видела ни единого намека на крылья летучей мыши, прикрепленные к телу, подобному телу Адониса. Не то чтобы я ожидала увидеть Раффи.

— Вот и все. Очки на нем или нет, сейчас очередь Сэнджая.

Я скольжу со своего насиженного места и опускаюсь на заднее сидение, тем временем Сэнджай взбирается и садится в открытое окно со своей стороны.

Мы приближаемся к Финансовому району со стороны, противоположной той, которой шли Раффи и я пару дней назад. Эта часть города выглядит так, будто и не была самым красивым районом изначально, но несколько зданий все еще стоят, только края опаленные.

Разноцветные бусины разбросаны по тротуару перед магазином с вывеской «Бусы и Перья». Но нет ни одного пера в поле зрения. Награда, которую кто-то установил за части ангелов, все еще в силе. Интересно, все ли куры и голуби будут общипаны? Их перья должны стоять намного больше, чем мясо, если сойдут за перья ангела.

Мой желудок, кажется, наполняется льдом, когда мы приближаемся к зоне бедствия, которая когда-то была финансовым районом.

Сейчас район пустынный, нет даже падальщиков, ищущих остатки неприкосновенных запасов или крохи пищи.

— Где все?

Финансовый район по-прежнему стоит, по крайней мере, пара его кварталов. В центре — зияющая дыра, оставшаяся от здания, которое раньше было обителью. Пару месяцев назад это был шикарный отель в стиле ар-деко. Потом ангелы захватили его и превратили в свою обитель. Теперь это просто груда обломков, с тех пор как Сопротивление протаранило отель грузовиком, полным взрывчатки.

— О, это не хорошо, — говорит Тру-Тра, взглядываясь в небо.

Я вижу это одновременно с ним.

Стая ангелов кружит у места, где раньше была обитель.

— Что они тут делают? — шепчу я.

Тру-Тра сворачивает к обочине и выключает двигатель. Не говоря ни слова, он берет две пары binoculars из бардачка и протягивает мне один. У Оби уже есть свой, так что я думаю, что должна поделиться своим с Сэнджаем.

Оби хватается за винтовку и выходит. Я следую за ним с колотящимся сердцем в груди.

Я волнуюсь о том, что ангелы слышали наши двигатели, но они продолжают летать, не глядя в нашу сторону.

Мы перемещаемся пешком от автомобиля к автомобилю к старой обители. Не похоже, что Оби и Тру-Тра хотят повернуть назад.

Ангел с белоснежными крыльями взлетает в покрывало облаков. Мой взгляд следует за ним, хотя я знаю, что у Раффи больше нет таких крыльев.

Чем ближе к разрушенному зданию, которое когда-то было ангельской обителью, тем больше все покрыто пылью. Бетонная пыль покрывает автомобили, улицы и мертвые тела. Автомобили лежат, перевернутые или боком на тротуарах, на других автомобилях и частично торчащие из близлежащих зданий.

Под нашими ногами хрустит сломанный бетон, пока мы шмыгаем между автомобилями и мусором. Ангелы не были рады атаке в разгар вечеринки, и они покинули место происшествия, как ребенок покинул бы город «Лего» после вспышки гнева.

Тела лежат на улице, и они все человеческие. У меня появляется нехорошее чувство, что нападение не нанесло такой ущерб ангелам, как мы первоначально думали. Где тела ангелов?

Я смотрю на Тру-Тра и вижу по глазам, что его это тоже заинтересовало. Мы останавливаемся достаточно близко, чтобы увидеть, что же происходит.

Старая обитель — просто груда разбитых камней и погнутой арматуры. Стальные стержни, что поддерживали высотную гостиницу, сейчас стоят обломанные и обнаженные, как кровоточащие кости.

Я ожидала, что обитель будет горой щебня. Вместо этого щебень разлетелся повсюду.

Место кишит ангелами.

Крылатые тела в беспорядке валяются среди обломков, в то время как другие уложены в ряд на асфальте. Ангелы откапывают громадные валуны и отбрасывают их от того, что раньше было обителью. Некоторые из них перетаскивают тела ангелов и выкладывают их на дороге.

Мое сердце колотится так сильно, что клянусь, мне придется все время сглатывать, чтобы оно не выпрыгнуло изо рта.

Воин с пятнистыми крыльями выходит из ближайшего здания с ведром в каждой руке, расплескивая воду при ходьбе. Он пинает ногой ближайшее тело.

Предположительно мертвый ангел стонет и начинает шевелиться.

Воин поливает водой тела на дороге. Они были мокрыми от мелкого дождя, но теперь они полностью промокли.

Как только тела обрызгали, они начинают двигаться.

— Что за... — Говорит Сэнджай, слишком пораженный, чтобы помнить, про то, что нужно быть тихим.

Пара ангелов, лежащих на асфальте, немедленно воскресают и энергично стряхивают капли со своих волос, как собаки. Другие стонут и двигаются медленно, как будто утреннее замешательство спало раньше, чем ожидалось.

Некоторые из них явно с вытащенными пулями, это ясно по уродливым точкам, куда вошла пуля, и еще более уродливым, где пуля вышла, они выглядят как кровавые рваные цветы.

Воин с пятнистыми крыльями хватается за другое ведро и выливает воду на остальные тела. Он также пинает несколько раненых, всё ещё лежащих на асфальте.

— Вставайте, личинки! Вы думаете, это что? Тихий час? Вы ошибаетесь.

Очевидно, Сэнджай не единственный, кто забыл, что нужно вести себя тихо, потому что один из ангелов хватается за обломок бетона и бросает его в автомобиль, как если бы кто-то кидал камень в крысу. И, подобно крысам, два наших человека перебегают за другое укрытие, когда кусок бетона врезается в автомобиль, оставленный ими.

Пара других ангелов хватают арматуру и бросают её в нас. Мне едва хватает времени, чтобы упасть на тротуар, когда окна автомобиля, за которым мы прячемся, рушатся.

Я вскакиваю и бегу так быстро, как могу. К тому моменту как я оказываюсь в дверном проеме, мне нужно отдышаться.

Я бросаю быстрый взгляд на ангелов. Они не преследуют нас, как и человек не стал бы преследовать крысу на мусорной свалке.

Оби и Тру-Тра видят меня из своего укрытия позади грузовика и перебираются в мой дверной проем. Мы теснимся и смотрим в бинокль.

Группа ангелов спускается в центр развалин, выбрасывая мусор влево и вправо. Когда они находят тела, они оставляют мертвых людей и выносят раненых ангелов, которые могут проснуться в любой момент.

Ангелы, которые копают, крупнее тех, которых они выносят. Большие носят мечи на талии, насколько я понимаю, это воины. И также я вижу, что все пострадавшие меньше и не носят мечей.

Сейчас, когда я задумываюсь об этом, то задаюсь вопросом, сколько воинов я видела, когда мы шли с Раффи через Обитель. Там были охранники. Несколько были и в коридорах. И комната, полная воинов, где стоял тот отморозок альбинос Иосия. Кроме них никто больше не носил мечи. Они стали администраторами и занялись другими не боевыми профессиями в нашем мире? Поварами? Медиками? И если так, то когда была атакована обитель, где были воины?

Я издаю стон.

— Что? — спрашивает Оби.

Я пытаюсь подумать, как поговорить с ними, чтобы нас не услышали. Тру-Тра, должно быть, понимает, чего я хочу, потому что достает из кармана ручку и блокнот и вручает мне.

Я пишу:

“Как много ангелов-воинов ты видел в Обители прошлой ночью?”

Тру-Тра качает головой и разводит указательный и большой пальцы всего на дюйм,

говоря мне, что очень мало.

Он бросает взгляд на ангелов, и я вижу, как понимание озаряет его лицо.

Он пишет:

"Здесь больше, чем во время нашего удара."

"Возможно, они были на миссии?"

Он кивает.

По счастливой случайности, Соппротивление напало на Обитель, когда почти все бойцы ушли.

Неудивительно, что многие ангелы сдавались без борьбы. Я помню хаос в холле, когда и люди, и ангелы бежали во всех направлениях в начале атаки. Были и ангелы, которые выбегали под огонь пулемета, пытаясь улететь. Я думала, что это было чистое безрассудство, но, возможно, это была просто неопытность и паника.

Тем не менее, даже гражданские ангелы — это сила, с которой приходится считаться; тогда они захватили грузовик Соппротивления, раскидали солдат и сокрушили обезумевшую толпу.

Сейчас некоторые из ангелов, лежащих на асфальте, выглядят серьезно ранеными. Некоторые из них настолько плохи, что даже не могут летать самостоятельно. Воины дергают их за руки, как будто это поможет им взлететь.

Насколько я могу судить, никто из них не мертв.

Выражение лица Оби говорит о том, что он начинает понимать силу их исцеления. Во время сеанса вопрос-ответ я сказала им, что ангелы могут исцелиться даже от таких ран, которые бы точно убили человека, но, кажется, только сейчас Оби поверил этому.

Когда воины прокапывают развалины до земли, один из них издает сигнал, и большинство ангелов оставляют раненых и улетают. Оставшиеся ангелы выглядят обиженными. Я подозреваю, что воинам не нравится делать черную работу.

И хотя я не вижу яму, которую они роют, я слышу визг. Я узнаю звук, такой же издавала тварь, что напала на меня в подвале обители. Там все еще есть несколько оставшихся в живых зародышей скорпиона.

Воин обнажает меч и прыгает в яму.

Скорпион визжит. Судя по звуку, его пронзили насквозь.

Немного спустя улицы погружаются в тишину. С самого начала было не очень много выживших скорпионов, а теперь, я готова поспорить, их и вовсе не осталось.

Мужские тела вылетают из ямы и скрываются в облаках. Один из них несет обмякшего ангела, единственного, который кажется мертвым.

Где-то вдали раздаются раскаты грома. Ветер гуляет по коридорам здания.

Мы ждем до тех пор, пока встать и оглядеться не кажется нам безопасным. Я была бы очень удивлена, если бы нам удалось достать хотя бы образец ангельской кожи.

Мы приближаемся к булыжникам, стараясь не высовываться как можно дольше, хотя спуск кажется безопасным.

Мы уже в двух шагах от дымящихся обломков, когда один из валунов скользит вниз по склону. Я замираю, наострив глаза и уши.

Другие камни катятся следом, образуя тем самым маленький оползень.

Кто-то поднимается из подвала, заваленного обломками камней. Мы все прячемся за ближайшим автомобилем, не сводя глаз с обвала.

Еще больше каменных осколков сыплется вниз и проходит какое-то время, прежде чем руки появляются на вершине горы из обломков и щебня.

Появляется голова. На мгновение мне кажется, что это какой-то демон вырыл туннель из ада. Но в этот момент существо вытягивает остальную часть своего тела из-под завала, задыхаясь и хрипя при этом.

Это старая женщина.

Но я никогда не видела кого-то, похожего на нее. Она сморщенная, хрупкая и костлявая. Но самое поразительное в ней — ее кожа. Она настолько высушена, что похожа на вяленую говядину.

Тру-Тра и я смотрим друг на друга, пораженные этим зрелищем. Она выбирается наверх и начинает идти вдоль развалин, при этом шатаясь так, будто у нее артрит.

Она одета в старый медицинский халат, который больше неё раз в пять. Он весь покрыт грязью и пятнами ржавого цвета, и трудно поверить в то, что когда-то он был белый. Она запахнула его, осторожно ступая по щебню, смотря под ноги и словно обнимая себя.

Ветер бросает ей волосы в лицо, и она поднимает голову, чтобы убрать их в сторону. Есть что-то странное в ее густых волосах и этом жесте. Мне требуется минута для того, чтобы понять, в чем здесь дело.

Когда в последний раз я видела старуху, откидывающую волосы со своего лица?

И ее волосы, темные от кончиков и до самых корней, хотя последним пискком постапокалиптической моды для пожилых женщин является хотя бы дюйм отросших седых волос.

Когда мы выходим из-за автомобилей, она замирает и смотрит на нас словно испуганное животное.

Даже несмотря на то, что ее лицо словно высушено, она мне кого-то напоминает, и это не дает мне покоя.

Тогда память настигает меня.

Перед глазами всплывает изображение двух маленьких детей, висящих на заборе и смотрящих вслед матери, которая направляется в Обитель.

Их мама оборачивается, чтобы послать прощальный воздушный поцелуй.

В итоге она стала обедом для одного из зародышей ангельских скорпионов. Тогда я разбила резервуар мечом, но оставила ее там, так как должна была постоять за себя.

Она жива.

Только теперь выглядит как пятидесятилетняя. Когда-то у нее были красивые глаза, которые теперь потерялись на морщинистом лице.

Ее щеки настолько впалые, что я почти вижу кости за ними. Ее когтистые руки покрыты тонкой кожей.

В ужасе она карабкается с удвоенной силой, так как видит нас, выходящих из своих укрытий. Она пытается убежать на четвереньках, и мое сердце разрывается, так как я помню ее красивой и здоровой, какой она была до того, как до нее добрались монстры. Она не может далеко убежать в таком состоянии, поэтому прячется за почтовый ящик.

Она совершила ошибку, но выжила, и я должна это уважать. Она имеет право уйти подальше от того места, где была похоронена заживо, и для этого ей не мешает подкрепиться. Я роюсь в карманах и нахожу батончик Сникерс. Я оглядываюсь вокруг, надеясь найти что-то менее ценное, но ничего нет.

Я делаю несколько шагов по направлению к бедняжке, которая съежилась в своем укрытии.

Моя сестра гораздо опытнее в таких вещах, нежели я. Но мне кажется, я тоже кое-что усвоила, наблюдая за тем, как Пейдж помогает брошенным животным и раненым детям. Я кладу шоколадный батончик на дорогу, где женщина может его видеть, а затем отступаю на несколько шагов назад, на безопасное для нее расстояние.

Какое-то время женщина смотрит на меня, словно побитое животное, а затем хватается батончик быстрее, чем я могла бы оказаться рядом. В доли секунды она срывает обертку и запихивает шоколадку себе в рот. Ее напряженное лицо расслабляется, поскольку она ощущает немислимый, сладкий аромат Мира До.

— Мои дети, мой муж, — говорит она сиплым голосом. — Куда все ушли?

— Я не знаю, — отвечаю ей я. — Но многие люди перешли в лагерь Сопротивления. Возможно, они тоже там.

— Что за лагерь Сопротивления?

— Сопротивление борется с ангелами. Люди приходят, чтобы присоединиться к нам.

Она моргает.

— Я помню тебя. Ты умерла.

— Никто из нас не умер, — говорю я.

— Я это сделала, — произнесла она. — И попала в ад.

Она вновь обхватила себя руками.

Я не знаю, что на это сказать. Какая, в сущности, разница — умерла она или нет? Она прошла через ад и знает это.

Сэнджай подходит к нам с таким видом, словно перед ним бездомная кошка.

— Как вас зовут?

Она смотрит на меня, словно спрашивая разрешения. Я киваю.

— Клара.

— Я Сэнджай. Что с вами произошло?

Она смотрит на свою трясущуюся руку

— Меня досуха высосал монстр.

— Что за монстр? — спросил Сэнджай.

— Ангельские скорпионы, о которых я тебе рассказывала, — говорю я.

— Адский доктор сказал, что меня отпустят, если я приведу их к своим маленьким девочкам, — говорит она бесцветным голосом, — Но я бы не отказалась от них. Тогда он сказал, что монстр будет разжижать мои внутренности и пить их. Сказал, что взрослые не пройдут весь путь и не будут убивать, но развивающиеся будут.

Клара начинает дрожать.

— Он сказал, что это будет мучительнейшей вещью, которую я когда-либо испытывала. — Она закрывает глаза, словно пытается сдержать слезы. — Слава Богу, что я не поверила ему. — Она словно задыхается. — Слава Богу, я не знала ничего лучше.

Она начинает плакать без слез, как будто из нее действительно высосали всю жидкость.

— Ты не сдалась и твои дети живы, — говорю я. — Это единственное, что имеет значение.

Она кладет свою трясущуюся руку на мою и бросает взгляд на Сэнджая.

— Монстр почти убил меня. И вдруг, откуда не возьмись, появляется она и спасает меня.

Сэнджай смотрит на меня с уважением. Я беспокоюсь, что она может рассказать о Раффи, но оказывается, что она потеряла сознание сразу же после того, как увидела меня и умирающего скорпиона. Так что у нее не очень много воспоминаний о том дне.

Ужасное состояние Клары разъедает меня изнутри, словно кислота, пока мы пробираемся через обломки. Сэнджай садится рядом с ней на тротуаре, спрашивая что-то тихим голосом и делая заметки. Утешение таких людей, как она, было бы обязанностью моей сестры в Мире До.

Мы находим нескольких мертвых скорпионов, но не обнаруживаем ничего от самих ангелов. Ни капли крови, ни частицы кожи. Ничего, что помогло бы нам узнать о них больше.

— Одна маленькая ядерная бомба, — говорит Тра, пробираясь через завалы. — Это все, чего я прошу. Я не жадный.

— Да, и еще нам нужен детонатор, — говорит Тру, разгребая ногами обломки бетона. Его голос полон отвращения. — Неужели им так необходимо было прятать от нас ядерное оружие? Мы бы просто играли с ним и взрывали пастбища, полные коров или чего-то такого.

— О, парень, — говорит Тра. — Это было бы круто. Можете себе представить? Бууум! — Он изображает в воздухе гриб от ядерного взрыва. — Муу!

Тру посылает ему страдальческий взгляд.

— Ты такой ребенок. Ты не можешь потратить ядерную бомбу впустую. Нужно рассчитать траекторию так, чтобы после взрыва на твоих врагов посыпались радиоактивные коровы.

— Прямо на них, — говорит Тра. — Одних раздавят, других заразят.

— Конечно, ты должен будешь расставить коров вокруг эпицентра взрыва, достаточно близко к нему, чтобы они взлетели, но достаточно далеко, чтобы они не превратились в радиоактивную пыль, — говорит Тру. — Я уверен, что после небольшой практики мы сможем направить коров правильно.

— Я слышал, что израильтяне сбросили на ангелов атомную бомбу. Их унесло прямо в небо, — сказал Тра.

— Это ложь, — ответил Тру. — Никто бы не взорвал целую страну из-за надежды

взорвать нескольких ангелов, находящихся в это время в небе. Это просто безответственная трата ядерного оружия.

— В отличие от радиоактивных коров, — говорит Тра.

— Именно.

— Кроме того, — продолжил Тра. — Они могут быть единственными антисупергероями, которым не страшна радиация. Возможно, они бы просто поглотили радиацию и стреляли бы ей обратно в нас.

— Они не супергерои, ты, идиот, — говорит Тру. — Они просто люди, которые могут летать. Их разорвет на осколки точно так же, как и кого-либо другого.

— Тогда почему здесь нет ангельских тел? — спрашивает Тра.

Мы стоим в центре развалин и смотрим в отверстие, которое раньше было подвалом.

Переломанные человеческие тела разбросаны по всему периметру развалин, но ни у одного из них нет крыльев

Поднимается ветер, бросая на нас холодные капли дождя.

— Возможно, они просто ранены или мертвы и находятся под завалами, — говорит один из парней, приехавший на другой машине. — Может такое быть?

Мы переглядываемся, не желая озвучивать свои мысли.

— Они забрали с собой некоторые тела, — наконец произносит Тру.

— Да, — говорит Тра. — Но, насколько мы знаем, они могли быть просто без сознания.

— Где-то здесь должен быть мертвый ангел, — говорит Тру, отодвигая один осколок и смотря вниз.

— Согласен. Там должно что-то быть.

Но там ничего нет.

В итоге единственное, что мы принесли обратно — это останки нескольких мертвых скорпионов, которых мы обнаружили разбросанными под каменной кладкой, и одну спасшуюся жертву — Клару.

Когда мы припарковываемся напротив школы, Сэнджай отходит с ней, чтобы, не привлекая внимания, задать несколько вопросов. Мне не нужно спрашивать, чтобы узнать, что она хочет найти своих мужа и детей. Все, кто смотрит, как она уходит, выглядят так, будто считают, что она заразная.

Когда я вхожу в наш класс истории, вонь тухлых яиц ударяет сразу же, как я открываю дверь. Подоконники заставлены коробками со старыми яйцами. Моей маме каким-то образом удалось найти тайник с ними.

Мама вышла. Я не знаю, что она делает или где находится, но это довольно нормально для нас.

Пейдж сидит на своей кроватке, опустив голову, так, что ее волосы прикрывают шов, и я могу почти не притворяться, что не замечаю его. У нее блестящие и здоровые волосы, как у любого семилетнего ребенка. Она одета в платье с цветочным рисунком, колготки и высокие розовые кроссовки, которыми болтает возле края кроватки.

— Где мама?

Пейдж мотает головой. Она больше ни слова не сказала с тех пор, как мы нашли ее.

На кресле перед ее кроваткой стоит кружка куриного супа с торчащей из нее ложкой. Похоже, что маме так и не удалось ее покормить. Когда в последний раз Пейдж ела? Я беру чашку и сажусь в кресло.

Поднимая полную ложку супа, я подношу ее к ней. Но Пейдж не открывает рта.

— Иии... паровозик заезжает в тоннель, — я по-клоунски улыбаюсь, когда пихаю ей в рот ложку, — Чу-чу! — Это срабатывало, когда она была совсем маленькой.

Она украдкой глядит на меня и пытается улыбнуться. И прекращает, когда стежки начинают изгибаться.

— Давай же, это вкусно.

Он с мясом. Я ввела правило и объявила, что, как только у нас начнутся проблемы с поиском пищи, Пейдж больше не будет вегетарианкой. Может, это удерживает ее от того, чтобы попробовать суп?

А может, и нет.

Пейдж качает головой. Она не отказывается, но и есть тоже не будет.

Я кладу ложку обратно в чашку.

— Что случилось, пока ты была у ангелов? — спрашиваю так мягко, как только могу, — Можешь об этом рассказать?

Она смотрит в пол. Слезинка искрится на ее ресницах.

Я знаю, что она способна говорить, ведь она звала меня «Рин-Рин», как тогда, когда была маленькой, и «мама» или «мамочка». И «голод». Она произнесла это несколько раз.

— Это останется между нами. Больше никто не услышит. Ты хочешь рассказать мне, что случилось?

Она медленно кивает, разглядывая свои ноги. Слеза падает ей на платье.

— Окей, мы не будем разговаривать об этом прямо сейчас. И никогда не будем об этом

говорить, если ты не захочешь, — Я ставлю чашку на пол, — Но ты знаешь, что можешь есть?

Она вновь кивает. «Голод». Шепот такой тихий, что я еле слышу его. Ее губы с трудом открываются, чтобы говорить, но я успеваю заметить ее бритвенно острые зубы.

Мои внутренности сжимаются.

— Ты можешь сказать, чего ты хочешь? — Часть меня отчаянно желает узнать ответ. Но все остальное во мне в ужасе от того, что она может сказать.

Она колеблется перед тем, как вновь отрицательно качнуть головой.

Мои руки поднимаются независимо от моего желания. Я поглаживаю ее волосы, как делала это всегда. Она поднимает на меня взгляд, и ее волосы открывают швы.

Грубые, неровные стежки крест-накрест пересекают ее лицо. Швы, пролегающие от губ до ушей, перерезают его неестественной улыбкой. Красные, черные и синюшные, они так и бросаются в глаза. Они сбегают вниз по шее и под платье. Я желаю, чтобы ни один из них не проходил через ее горло так, будто ей пришили голову к телу.

Моя рука дрожит возле ее головы, почти касаясь волос, но не совсем.

Затем я опускаю ее обратно.

Я отворачиваюсь от Пейдж.

Груда одежды разбросана по раскладушке моей матери. Я роюсь в поисках джинсов и свитера. Мама не заботится о том, чтобы срывать ярлычки, но она всегда вышивает желтые звезды на нижней части штанин для защиты от бугимена. Меня это не волнует до тех пор, пока вещи сухие и не слишком воняют тухлыми яйцами.

Я переодеваю мокрую одежду.

— Собираюсь посмотреть, можно ли найти еще какую-нибудь еду для тебя. Я скоро вернусь, окей?

Пейдж кивает, вновь смотря на пол.

Я уйду, желая, чтобы у меня была сухая куртка, в которую можно завернуть мой меч. Я, было, решаю надеть мокрую, но передумываю.

Школа располагается на самом углу между улицами с роццей, принадлежащей Стэнфордскому Университету, и элитным торговым центром. Я бреду к магазинам.

Мой папа всегда говорил, что в этом краю слишком много денег, и даже торговые центры указывают на это.

В прошлые дни, в Мире До, ты мог увидеть Стива Джобса, основателя Apple, завтракающего здесь, пока он не стал жителем Кремниевой Долины. Или застать Марка Цукерберга, основателя Facebook, перекусывающим с друзьями.

Для меня все они выглядели как средней руки менеджеры, но мой отец варился во всем этом. Технократы, называл он их.

Уверена, что несколько дней назад в лагере видела Цукерберга, копающего выгребную яму рядом с Раффи. Думаю, и за миллиард долларов нельзя купить много уважения в Мире После.

Я проношусь от машины к машине, как будто случайный выживший на улице. Автостоянка и дорожки в основном пусты, но по магазинам слоняются люди. Некоторые собирают одежду.

Неплохое место для того чтобы найти куртку, но прежде еда.

Вывески ларьков с бургерами, закусок с буррито и магазинов с соками заставляют мой рот наполниться слюной. Было время, когда я могла зайти в любой из них и заказать

еды. В это трудно поверить.

Я направляюсь в супермаркет. Внутри линия, стоя до которой, люди не видны сверху. Я не была в супермаркете с самых первых дней Нашествия.

Полки некоторых магазинов были опустошены паникующими людьми, в то время как другие были закрыты, чтобы никто до них не добрался. Банды, образовавшиеся в Мире После, держат магазины со дня начала Большого Нашествия, с тех пор, как стало ясно, что не осталось ничего определенного.

Подвешенное на двери окровавленное перо говорит мне, что этот супермаркет принадлежит банде. Но, судя по находящимся здесь людям, банда либо щедро поделится с частью из нас, либо потеряет часть добычи, вступив в борьбу с Сопротивлением.

Оставленный на дверном стекле грязный отпечаток окровавленной ладони заставляет задуматься над тем, что банда не слишком счастлива от того, что ей приходится делиться своими богатствами.

Внутри члены Сопротивления раздают небольшое количество еды. Пригоршню крекеров, черпак орехов, лапшу быстрого приготовления. Здесь почти столько же солдат, сколько было во время нападения на обитель.

Они стоят на страже продовольственных прилавков с выставленными напоказ обрезками. — Народ, это все, что вы получите, — говорит один из работников, — Держитесь, и скоро мы сможем начать готовить. Надо просто продержаться до того, как мы получим кухонные плиты.

Солдат рявкает:

— Один пакет на одну семью! Никаких исключений!

Предполагаю, что никто им не говорил, что еду доставляют в штаб-квартиру Оби. Я оглядываюсь и оцениваю ситуацию.

Здесь ребята моего возраста, но я никого не могу узнать. Хотя многие из них высоки, как взрослые, они стараются не отходить от своих родителей. Некоторые девушки держатся за руки своих мам и пап, как маленькие. Им кажется, что они в безопасности и защищены, оберегаемы и любимы, что они кому-то нужны.

Я задаюсь вопросом, каково это. Так ли это хорошо, как выглядит со стороны?

Я понимаю, что обхватываю локти, будто хочу обнять себя. Я расслабляю руки и выпрямляюсь.

Язык тела многое говорит о твоём месте в мире, и последнее, что мне нужно, это выглядеть уязвимой.

Я замечаю кое-что ещё. Множество людей смотрят на меня, одинокую девочку-подростка в очереди. Мне говорили, что выгляжу младше своих семнадцати, возможно, потому что маленькая.

Здесь большие парни с молотками и битами, которые, я уверена, предпочтут держать меч, подобный тому, который у меня за спиной. Пушки была бы лучше, но их сложно украсть, а на данном этапе игры, похоже, они есть только у крупных парней.

Я смотрю на мужчину, который смотрит на меня, и знаю, что в Мире После не существует такого понятия, как безопасное убежище.

Без причины точеное лицо Раффи всплывает в моём сознании. Есть у него раздражающая привычка так делать.

Тем временем я оказываюсь впереди очереди, я сильно голодна. Не хочу даже думать о том, что может чувствовать Пейдж. Я достигаю стола раздачи и кладу на него руки, но

парень кидает на меня один-единственный взгляд и отрицательно качает головой.

— Один пакет на одну семью, прости. Твоя мама уже была здесь.

— О, — а, вот оно, благословение и проклятье славы. Мы, наверно, единственная семья, которую узнает половина людей в лагере.

Парень смотрит на меня так, будто уже все это слышал — и устал от объяснений, почему он должен отдать больше еды,

— В кладовке есть тухлые яйца, если тебе нужно больше коробок с ними.

Восхитительно.

— А она взяла тухлые яйца или немного нормальной еды?

— Уверен, что она получила нормальную еду.

— Спасибо. Я это ценю, — разворачиваюсь. Я могу почувствовать давление взглядов, смотрящих, как я иду одна по направлению к темнеющей парковке. Я даже не сообразила, что становится поздно.

Краем глаза я замечаю мужчину, кивающего другому, который потом сигнализирует еще одному парню.

Все они здоровые и вооруженные. Один перекидывает через плечо битую. У другого рукоятка молотка выглядывает из кармана куртки. У третьего заткнут за пояс большой кухонный нож.

Они будто случайно выскальзывают вслед за мной.

Глава 11

Я планировала заскочить в магазин за курткой, но не вижу в сгущающихся сумерках пути туда из-за этих тупиц позади меня.

Я направляюсь к открытой парковке, перебегая от машины к машине, как нас учили.

Парни за спиной делают то же самое.

Инстинкты из Мира После кричат мне бежать. Моя первобытная сущность знает — меня будут выслеживать, на меня будут охотиться.

Но мой мозг из Мира До говорит, что они ничем мне не угрожают. Они просто прогуливаются позади меня, ну куда они еще могут пойти, кроме как через улицу к школе?

Я оборачиваюсь к полуорганизованной группе. Не могу я вести себя как дикарка, как параноидальный шизофреник.

Верно.

Я срываюсь на бег.

Так же делают парни позади меня.

Они топают быстрее и ближе ко мне с каждым сделанным мною шагом.

Их ноги длиннее и сильнее моих. Несколько секунд, и они меня догонят.

Мой центр тяжести ниже, чем их, и я могу петлять, как никто больше, но это подарит мне всего несколько секунд.

Я пробегаю мимо нескольких человек, которые пригибаются позади машин по дороге в школу. Не похоже, чтоб кто-то был готов помочь.

Стандартный совет для защиты от грабителей — отбросить все и улепётывать, как будто за тобой гонятся черти, потому что твоя безопасность стоит намного больше, чем твой кошелек. Это тупость. Но не тогда, когда это касается меня или меча Раффи. Я не могу сдаться.

Адреналин выбрасывается в кровь, и все во мне кричит от ужаса. Но мои тренировки берут верх, и я на автомате просчитываю варианты.

Я могу завизжать. Люди Оби появятся тут сию же секунду. Но также могут появиться и ангелы, если находятся в зоне слышимости. Это и есть причина, по которой нужно быть тише воды, ниже травы. Я бы могла рискнуть и закричать, но солдаты бы расстреляли всех нас из своих пистолетов с глушителями, чтобы я заткнулась.

Я могу побежать к дому Оби. Но он слишком далеко.

Я могу остановиться и сражаться. Но мои шансы против троих вооруженных мужчин чересчур малы.

Мне не нравится ни один из этих вариантов.

Я бегу так быстро и так далеко, как могу. Мои легкие горят и колет в боку, но чем ближе я подбираюсь к дому Оби, тем выше вероятность, что его люди увидят нас и остановят преследователей.

Когда спиной ощущаю, что они слишком близко, я разворачиваюсь и выхватываю меч.

Проклятье, я бы очень хотела знать, как им пользоваться.

Мужчины тормозят и зажимают меня в кольцо.

Один поднимает биту в ударную позицию. Другой достает из карманов пиджака два молотка. Третий вытаскивает из-за пояса нож.

Я окружена.

Люди замирают, чтобы осмотреться — несколько лиц в окнах, мать и ребенок в дверном проеме, пожилая пара под навесом.

— Позовите людей Оби, — громким шепотом обращаюсь к паре.

Они крепко хватаются друг за друга и скрываются.

Я выхватываю меч, как легкую саблю. Это единственный меч, который я держала в руках. Я тренировалась на ножах, но меч — это совсем другой зверь. Думаю, я могу колотить их им, как битой. Или, может, если кину его в них, у меня появится шанс сбежать.

Но блеск в их глазах говорит мне, что они просто нашли легкую добычу, у которой можно отнять оружие.

Я начинаю сдвигаться в сторону от линии, на которой они стоят, так, чтобы они помешали друг другу, если бросятся на меня одновременно. Но прежде, чем я успеваю занять позицию, один из парней швыряет в меня молоток.

Я пригибаюсь.

Они набрасываются.

Затем все случается так быстро, что я могу с трудом поспевать за происходящим.

Мне не хватает места для замаха, потому я тараню одного из нападающих рукоятью меча. Я чувствую, как хрустят его ребра, когда он падает.

Я пытаюсь повернуть клинок к другим мужчинам, но руки хватают меня и толкают, лишая равновесия. Я группируюсь в ожидании основного удара, надеясь, что он будет нанесен битой, а не молотком.

Мне, как всегда, не везет — оба оружия находятся в руках одного человека. Бита и молоток, темные силуэты напротив сумеречного неба в этот волнительный момент до того, как они нанесут сокрушительный удар.

Рычащее пятно врежется в мужчин, опрокидывая их обоих на землю.

Один из них изумленно смотрит на себя. Кровь просачивается через его майку. Он в замешательстве осматривается.

Наши глаза прикованы к чему-то, припавшему к земле, рычащему в тени, явно собирающемуся наброситься снова.

Когда нечто выходит из тьмы, я вижу знакомое платье с цветочным узором, колготки и розовые кроссовки моей сестры.

Толстовка свисает с плеч, и волосы покрывают ее лицо, обнажая устрашающие швы и острые зубы. Пейдж, крадется к людям, приближаясь, как гиена, припадая чуть ли не на четвереньки.

— Какого черта, — произносит один из нападающих с земли, пятясь назад.

Меня пугает видеть ее такой. Со всеми этими порезами на лице и блеском металла на зубах, она выглядит как оживший кошмар, от которого я должна убегать. Я могу сказать, что другие думают так же.

— Тише, — нерешительно обращаюсь к Пейдж. — Все в порядке.

Она издает низкий гортанный рык. Собирается наброситься на одного из парней.

— Полегче, малышка, — говорю я. — Я в порядке. Давай просто уйдем отсюда, хорошо?

Она даже не смотрит на меня. Ее губы подрагивают, когда она наблюдает за добычей.

Слишком много людей наблюдают.

— Пейдж, надень капюшон, — шепчу я. Меня не волнует, что думают нападающие, но я переживаю об историях, которые могут рассказать очевидцы.

К моему удивлению, Пейдж набрасывает капюшон. Некоторая напряженность спадает.

Пейдж понимает и слушается меня.

— Все в порядке, — шепчу я, медленно подходя к ней, борясь с желанием бежать от нее, — Эти плохие дяди собираются уйти и оставить нас в покое.

Мужчины встают, не отрывая глаз от Пейдж.

— Держи этого урода подальше от меня, — говорит один из них.

— Эта тварь — не человек.

Мама подкралась к нам так, что никто из нас не заметил.

— Она намного человечнее тебя.

Она сует электрический хлыст ему под ребра. С глухим воплем он бросается прочь.

— В ней больше человеческого, чем у всех нас, — шепот моей мамы больше походит на крик.

— Это должно быть убито, — сказал парень, держащий биту.

— Ты должен быть убит, — сказала моя мама, приближаясь к нему с хлыстом.

— Не подходи ко мне, — без своей биты и прикрывающих дружков он выглядит как парень обычного роста с обычным отсутствием храбрости.

Мама тычет хлыстом в него, попадая в воздух.

Он отпрыгивает назад, едва увернувшись.

— Ты чертова сумасшедшая.

Он разворачивается и убегает.

Моя мама бежит за ним, несущимся в здание.

Вечер у чувака будет не очень хороший.

Дрожащими после выброса адреналина руками засовываю в ножны мой меч.

— Пойдем, Пейдж. Давай зайдем внутрь.

Пейдж идет впереди. В капюшоне она выглядит послушной маленькой девочкой. Но пару под навесом не обманешь. Они видели, что случилось и с ужасом уставились на Пейдж. Интересно, сколько других делают то же самое?

Я почти кладу руку ей на плечо, но мне не хватает смелости сделать это. Я позволяю своей руке упасть, не прикасаясь к ней.

Мы заходим в наш дом, ощущая на спинах давление их взглядов.

Той ночью мне снится причудливый сон.

Я в деревне, состоящей из глиняных домов с соломенными крышами. Большой костер освещает ночь, и все едят, пьют и бегают вокруг в костюмах. Вопит музыка, и люди танцуют вокруг костра, швыряя в него разные вещи.

Налицо все признаки празднования, но люди чересчур встревожены. Они украдкой оглядываются в темноту за их спинами, и слышится лишь несколько смешков. Большой костер отбрасывает длинные тени на склон, которые выплывают, словно зловещие существа.

Возможно, я пугаюсь потому, что люди в костюмах монстров, для меня слишком натуральных. Нет резины и пластика, которые напоминали бы мне, что это всего лишь костюм. Эти люди носят кожу, головы животных и когти, которые выглядят слишком по-настоящему, чтобы чувствовать себя комфортно.

Раффи возвышается неподалеку в тени, наполовину открыв свои белоснежные крылья. Вид его широких плеч, мускулистых рук и ореола крыльев за спиной захватывает дух. Тот факт, что у него больше нет крыльев вне этого сна, огорчает меня.

Сельские жители смотрят на него, особенно когда проходят мимо, но их взгляды не шокированные или испуганные, как я ожидала. Они ведут себя так, словно привыкли видеть ангелов и не уделяют им слишком много внимания.

Правда, только мужчины не уделяют.

Женщины, напротив, околачиваются рядом с ним. Почему-то я не удивлена.

Женщины носят темные платья, похожие на штормы. Вокруг их глаз нарисованы темные круги, а губы пылают кроваво-красным. У одной есть рог дьявола. У некоторых на руках когти. У остальных есть козьи шкуры с копытами и рогами и слишком яркий макияж.

Они выглядят странно, по-варварски, и вспышки пламени делают их вид еще более первобытным.

Несмотря на крылья, Раффи — единственный, кто выглядит "нормально".

Странно, но мой разум во сне — это разум Раффи. Я вижу людей так, как их видит он, а его мнение довольно грубо. Сравнивая с идеальностью ангелов, эти Дочери Человеческие уродливые и воняют, как свиньи. Он пытается представить, что его Хранители могли бы увидеть в них. Он же не видит ничего, стоящего даже незначительного выговора, намного меньшего, чем Преисподняя.

Даже если он мог бы закрыть глаза на их внешность и поведение, у них нет крыльев. Как его ангелы могли переварить это?

— Где наши мужья? — спрашивает одна из женщин.

Она говорит на гортанном языке, который я бы не поняла наяву.

— Их приговорили к Преисподней за то, что они женились на Дочерях Человеческих, — он хорошо контролирует свой голос, но в нем проскакивают оттенки злости.

Они были его лучшими воинами и хорошими друзьями.

Женщины начинают плакать.

— Надолго ли?

— До Судного Дня, когда им вынесут приговор. Вы не увидите их снова.

Женщины рыдают в объятиях друг друга.

— А как же наши дети?

Раффи молчит. Как можно сказать матери, что он здесь затем, чтобы выследить и убить её детей? Он пришел на землю, чтобы избавить Хранителей от боли убийства своих детей. Даже если они нефилимы — монстры, которые едят человеческое мясо, — какое же это извращенное наказание для отца?

Он не мог этого позволить, особенно своим солдатам.

— Ты здесь, чтобы наказать нас?

— Я здесь, чтобы защитить вас, — он не планировал защищать жен.

Но Хранители просили его. Умоляли. Он не мог понять того, что его свирепые воины о чем-то умоляли, тем более за Дочерей Человеческих.

— От чего?

— Жены Хранителей будут отданы адским тварям. Они придут за вами сегодня ночью. Нам нужно увести вас в безопасное место. Пойдемте.

Я оглядываюсь вокруг на костюмы и на костер и понимаю, что это должно быть какая-то древняя версия Хэллоуина, когда монстры и демоны якобы бродили по улицам. И сегодня ночью они действительно придут.

Женщины, испугавшись, хватаются друг за друга.

— Я сказала тебе оставаться вне дел ангелов и богов, — сказала седая женщина, которая обнимает женщину моложе. Она одета в шкуру ягненка с мордой, которая опущена на её лоб. К морде прикреплены клыки, наподобие саблезубого зверя.

Раффи выходит из деревни.

— Вы можете пойти со мной или остаться. Я могу помочь только тем, кто хочет принять помощь.

Старая женщина подталкивает молодую в сторону Раффи. Другие идут следом, сбившись в кучу и спешат идти быстрее, как какой-то странный зверинец.

Музыка играет возле костра, когда они уходят от него. Темп ускоряется, и ритм пульсирует, пока женское дыхание не выравнивается в такт ему.

Лишь я думаю о том, что вот-вот грянет крещендо, как музыка останавливается.

В ночи плачет ребенок.

И внезапно замолкает, прямо на середине крика. Обрывается слишком резко, чтобы причина его остановки была естественной, и гнетущая тишина заставляет волосы на моем затылке встать дыбом.

Душераздирающе рыдает женщина. В этом плаче нет удивления, только боль и траур.

Мне хочется бежать одновременно и к огню, чтобы проверить в порядке ли ребенок и прочь от этих варварских местных жителей. Женщины, кажется, в основном не удивлены и не обеспокоены тем, что произошло у огня, как будто все это часть обычного ритуала.

Я хочу сказать Раффи, что не все люди такие же. Сказать, что я не похожа на этих людей. Но я всего лишь призрак в своем собственном сне.

Раффи в полной готовности бесшумно достает меч.

Они приближаются.

Когда музыка звучит снова, на этот раз в сопровождении голоса, Раффи оборачивается, чтобы посмотреть назад.

По склону скользят тени.

Глава 13

Бегущие и припадающие к земле. С чахлыми черными крыльями. Похожие на истощенных мужчин.

Я не знаю, кто они, но первобытные инстинкты в моем мозгу узнают их даже во сне, так как мое сердце ускоряет свой ритм, а инстинкты шепчут: беги, беги, беги.

Тени прыгают на нас.

Двое из них приземляются на женщину, сбивая ее с ног. Они цепляются за нее. Она умоляет Раффи помочь, ее глаза полны ужаса.

Один из его воинов любил эту Дочь Человеческую. Отдал свою жизнь за нее. Переживал за нее даже тогда, когда отправлялся в Преисподнюю. Раффи не понимал почему, но все же сочувствовал ему.

Раффи скидывает одну из адских тварей, приземлившуюся на него, и атакует мечом демонов, нападающих на женщин.

Затем происходит что-то странное.

Странное даже для сна.

Движения Раффи замедляются.

А также и все остальное, за исключением меня.

Я раньше никогда не видела замедленные сны. Я вижу почти каждую его мышцу, поскольку Раффи перемещает меч в руке и обрушивает его на адских тварей, цепляющихся за падших женщин. Когда одна из тварей издает предсмертные крики, я получаю возможность как следует рассмотреть ее. У нее морщинистое и сплющенное лицо летучей мыши с острыми клыками. Очень уродливое, по моему мнению. Я инстинктивно поднимаю руку, чтобы заблокировать медленно движущиеся брызги крови, но тут понимаю, что меч Раффи у меня в руках, даже не смотря на то, что сейчас передо мной он убивает этим мечом адских тварей.

Видна каждая черта Раффи, крошащего демонов, которые продолжают его атаковать. Поскольку движения замедленны, я могу перенять его позицию, то, как он переносит вес и держит меч.

Когда он значительно сокращает ряды монстров, сон словно останавливается. А потом повторяется сначала.

Это как обучающее видео органического вида.

Должно быть, меня сильно расстроило неумение обращаться с мечом, раз я смогла придумать все это.

Во сне моя голова начинает болеть из-за подобных мыслей.

Я поднимаю свой меч, подражая позиции Раффи. Почему бы и нет? Он самый лучший фехтовальщик, и, возможно, мое подсознание просто воспроизводит те детали, которые мой бодрствующий мозг не смог вспомнить. Я пытаюсь повторить движение за Раффи, но должно быть, делаю что-то неправильно, так как то же движение повторяется заново.

Я пробую снова. Раффи переходит к следующему движению и выписывает мечом круг, отклоняется назад, а после совершает в воздухе полную восьмерку.

Я делаю то же самое.

Удар слева, поворот вверх и вокруг, затем удар справа и отведение меча обратно по кругу. Он повторяет это еще несколько раз, а затем меняет тактику и движения. Наверное,

это неплохая идея для того, чтобы движения были непредсказуемы.

Меч помогает приспособиться и улучшает мою технику. Он практически работает сам, тем самым позволяя мне сосредоточиться на движении ног Раффи. В течение многих лет я изучала самооборону и знаю, что положение ног так же важно, как и работа рук и ладоней.

Он скользит вперед и назад, словно танцор, при этом, никогда не скрещивая ноги. Я копирую его танец.

Мускулистые руки вырываются из-под земли, раскидывая повсюду грязь, словно в замедленной съемке, и пытаются схватить женщин. Они вытягивают себя на поверхность, разрывая землю и выплевывая ее изо рта до тех пор, пока не оказываются наверху.

Некоторые женщины паникуют и бегут в ночь.

— Оставайтесь со мной! — кричит Раффи.

Но уже слишком поздно. Адские твари набрасываются на них, и крики становятся громче.

Раффи хватается ближайшую к нему женщину, так как ее тянут под землю демонические руки. Слово в замедленной съемке, я вижу, как острые когти впиваются в плоть и женщину охватывает паника.

Раффи вытягивает ее из грязи, одновременно размахивая мечом, лишая монстров конечностей.

Это героический бой.

Я повторяю его движения, жалея о том, что не могу помочь.

Мы, Раффи и я боремся на протяжении всей ночи.

Дрожа, я просыпаюсь в темноте. Сейчас стоит то тихое время, что бывает лишь незадолго до рассвета. Этот сон был настолько ярким, что кажется, будто я физически была там. Проходит несколько минут, прежде чем мой пульс замедляется, и адреналин покидает мое тело.

Я перемещаюсь так, чтобы мой меч не упирался мне в ребра под одеялом. Я лежу и прислушиваюсь к ветру, задаваясь вопросом, где же сейчас Раффи.

Она не ела уже три дня.

Моя сестра пьет немного воды и это всё, что ей удается удержать в желудке. Мама и я уговариваем ее съесть пару ложек тушеной оленины, но её рвет. Мы пробовали все, от бульона до овощей. Ничего из этого она не может удержать в желудке.

Мама очень переживает. Настолько, что она не покидает Пейдж с тех пор, как мы нашли ее в подвальной лаборатории обитали. Кожа у Пейдж белая, как у трупа. Как будто вся ее кровь вытекла через грязно-красные неровные отверстия швов.

— Посмотри ей в глаза, — говорит моя мать, как будто она понимает, что отличия Пейдж более заметны, когда я смотрю на неё.

Но я не могу. Я смотрю на неровные стежки, когда предлагаю ей кукурузный хлеб. Шрам на её щеке изогнут так, будто хирург не потрудился уделить этому внимание.

— Посмотри ей в глаза, — говорит мама снова.

Я заставляю себя поднять глаза. Сестра делает мне одолжение и смотрит в сторону.

Это не взгляд зверя. Это было бы слишком просто. Это подавленный взгляд второкласника, который слишком хорошо знаком с понятием "отклонение от нормы". Это выражение появлялось на её лице, когда другие дети указывали на неё, когда она вертела колеса своей инвалидной коляски.

Я могла бы пнуть себя. Я вынуждаю себя смотреть на неё, но она не собирается встречаться со мной взглядом.

— Не хочешь немного кукурузного хлеба? Я взяла его из духовки только что.

Она немного трясет головой. В ней нет ничего угрюмого, просто печаль, как будто она задается вопросом, не злюсь ли я на нее или не думаю ли я о ней плохо. Где-то позади её шрамов и синяков я вижу одинокую потерянную душу своей сестры.

— Она голодает, — говорит Мама. Она стоит в удрученной позе, с опущенными плечами.

Моя мама далеко не оптимист. Но я не видела её в такой в таком состоянии безнадежности с того несчастного случая с Пейдж, когда она перестала ходить на ногах.

— Как ты думаешь, сможешь съесть немного сырого мяса? — я ненавижу спрашивать это.

Я так привыкла, что она строгая вегетарианка и, кажется, что я уже перестаю понимать, что Пейдж — это Пейдж

Она украдкой глядит на меня. В её взгляде вина и застенчивость. Но и желание тоже. Она снова смотрит вниз, словно пристыженная. Она совершенно очевидно сглатывает. Её рот наполняется слюной при мысли о сыром мясе.

— Я пойду и попробую найти для неё что-нибудь, — я кладу свой меч.

— Давай, — говорит мама. Её голос плоский и безжизненный.

Я выхожу, решив найти что-то, что сможет съесть Пейдж.

В кафетерии, как обычно, очередь. Мне нужно придумать историю, которая убедит работников кухни дать мне сырое мясо. Это не должна быть простая причина. Даже собака съест готовое мясо.

Поэтому я неохотно отворачиваюсь от столов с едой и направляюсь в рощу, расположенную за Эль Камино Реал. Я мужаюсь и начинаю изображать пещерную женщину,

надеясь, что смогу поймать белку или кролика. Конечно, я понятия не имею, что я буду делать с тушкой животного.

Для моего всё ещё цивилизованного мозга мясо хранится в упаковке в холодильнике. Но, если мне повезет, я узнаю на собственном опыте, почему Пейдж решила стать вегетарианкой в три года.

На пути к роще я делаю крюк и сначала решаю зайти в небольшой магазин. Вчерашняя шутка с Тра-Тру заставила меня задуматься. Парни хотят оружие. Кругую машину для убийств, основная задача которой — запугать, когда ты махаешь им вокруг. Но если тот же острый меч был бы замаскирован как безобидная игрушка, тогда плохой большой дяденька не стал бы его красть.

Удачи улыбается мне. В торговом центре есть отдел игрушек. Я иду в красочный магазин, полный огромных кубиков и радужных воздушных змеев, и меня затягивает ностальгия. Я просто хочу скрыться в игровом уголке, окружить себя мягкими игрушками и читать книжки с картинками.

Моя мама никогда не была нормальной, но она вела себя лучше, когда я была маленькая. Я помню, как бегала вокруг такого же игрового уголка, или как мы с ней пели песни, или как я сидела у нее на коленях, когда она читала мне. Я провожу рукой по мягкой плюшевой панде и гладкой пластмассе игрушечных поездов, вспоминая время, когда медведи, поезда и мамы позволяли мне чувствовать себя в безопасности.

Немного времени уходит у меня на то, чтобы разобраться, что именно нужно сделать. В конце концов, я решаю отрезать нижнюю часть от игрушечного медведя и надеть на рукоять. Если мне нужно будет использовать меч, то я просто сниму медведя.

— Давай, признайся, Мишка Пуки, — говорю я мечу. — Тебе же нравится твой новый стиль. Все остальные мечи будут завидовать.

К тому времени, как я пересекаю улицу и иду по направлению к роще, мой мишка одет в многослойную шифоновую юбку, сделанную из фаты, которую я нашла в одном из магазинов. В ванной я покрасила фату грязной водой, оставшейся от стирки новой одежды, чтобы она больше не была такой белоснежно белой и не привлекала внимания. Юбка падает чуть ниже конца ножен, скрывая их полностью — ну или так будет, когда она высохнет. С задней стороны есть разрез, так что я могу вытащить медведя с юбкой, не задумываясь об этом.

Это выглядит нелепо, и говорит обо мне многое. Но, что бы не подумали другие, они не поймут, что это ангельский меч. И этого достаточно.

Я пересекаю улицу и оказываюсь у рощи, окруженной забором высотой мне по грудь. Местность здесь открытая, но деревьев достаточно, чтобы отбрасывать негустую тень от полуденного солнца. Прекрасное место для кроликов.

Я скидываю игрушечного медведя, удовлетворенная тем, что снять его было так легко. Я стою на разросшейся траве с мечом ангела, держа его словно волшебную палочку. Определенный ангел, который должен оставаться неназванным, потому что я пытаюсь не думать о нём, сказал, что этот небольшой меч необычный. В моей жизни достаточно странностей, но иногда с ними нужно просто смириться.

— Найди кролика.

Белка, цепляющаяся за ветку дерева, разразилась серией хохота, похожего на щебет.

— Это не смешно, — На самом деле это очень серьезно. Сырое мясо животного — моя самая большая надежда помочь Пейдж. Я даже не хочу думать о том, что может случиться,

если она не съест его.

Я целюсь в белку, моя рука тянется за мечом. Но белка убегает.

— Прости, белка. Еще одна вещь, в которой можно обвинить ангелов.

Лицо Раффи вырисовывается в моей голове — ореол огня вокруг его волос, оттеняет линии горя на его лице. Интересно, где он. Страдает ли от боли. Приспосабливаться к новым крыльям, наверное, как приспособляться к новым ногам: болезненно, одиноко и, учитывая войну, опасно.

Я поднимаю меч над головой. Я не могу смотреть и не могу не смотреть, так что я нахожусь в странной позиции, поворачиваю голову и шурюсь, ровно настолько, чтобы прицелиться.

Я замахиваюсь мечом.

Мир вдруг наклоняется, отчего моя голова кружится.

Мой желудок выворачивает.

Мое зрение размывается, и перед глазами темнеет.

Секунда — меч опускается на белку.

Еще секунда — меч поднимают к небу.

И рука, что держит этот меч, принадлежит Раффи. И небо — не мое небо.

Он возглавляет армию ангелов, которые стоят позади него в строю. Его великолепные крылья, еще белоснежные и целые, обрамляют его тело, делая его похожим на статую греческого бога.

Раффи вздымает меч в воздух. Легион ангелов поднимают свои мечи в ответ. Боевой клич зазвучал громче после того, как ряд крылатых мужчин взлетает.

Это захватывающее зрелище — столько ангелов поднимается в строю. Легион во главе с Раффи летит к сражению.

В моей голове звучит голос понимания.

Слава.

Затем, через удар сердца, голубое небо и ангелы исчезают.

Мы находимся в поле ночью.

Орда страшных летучих мышей с лицами демонов бросаются на меня, издавая адские крики. Раффи ступает вперед, размахивая мечом с совершенной точностью, как и в моем сне.

Рядом с ним сражаются, защищая его со спины, ангелы-воины, некоторых я видела раньше в старой обители. Они шутят и подзадоривают друг друга так же, как и борются и защищают друг друга от чудовищ ночи.

Другая мысль появляется в моей голове.

Победа.

Сцена меняется снова, и мы находимся в небе, только на этот раз это в середине бури. Гром грохочет через темные тучи и молнии освещают место действия.

Раффи и небольшая группа воинов парят под дождем, наблюдая за другой группой ангелов в цепях.

Заключенные летят с зубчатыми кандалами вокруг их запястий, лодыжек, шеи и головы. Шипы находятся на внутренней части, впиваясь в их плоть. Кровь смывается дождем с их лиц, рук и ног, образуя ручейки.

Демоны с крыльями, как у летучих мышей, сидят на плечах каждого заключенного. Демоны держатся за цепи, прикованные к воротнику, используя их в качестве уздечки. Они дергают цепи в одну сторону, а потом в другую, безжалостно вбивая шипы в их тела, из-за чего заключенные летят, как пьяницы. Длинная цепь висит на кандалах лодыжек и запястий и связывает заключенных друг с другом.

Некоторые из этих ангелов воевали рядом Раффи. Они смеялись с ним и защищали его спину. Теперь они смотрят на него с дикой болью в глазах, все они похожи на замученный скот.

Другие ангелы смотрят с огромной печалью, некоторые склонив голову. Но Раффи единственный, кто отделяется от группы, касаясь рук нескольких пленников на его пути вниз к земле.

Как только видение исчезает, другое слово проявляется в моей голове.

Честь.

А потом я стою под деревьями в роще Стэнфорда.

Мой желудок переворачивается, поскольку я заканчиваю замах и вбиваю лезвие в землю, где белка стояла секунду назад. Мои руки сжаты так плотно на рукоятке, что мои пальцы чувствуют, что могли бы раздавить её.

Белка прыгнула на дерево и наблюдает за мной. Это выглядит незначительным и маловажным после всего, что я только что видела.

Я выпускаю меч и приземляюсь на задницу.

Я не знаю, как долго я так сижу, тяжело дыша, но подозреваю, что очень долго. Есть только октябрьское синее небо, запах травы и необычная тишина, которая воцарилась с тех пор, как люди бросили свои машины.

Меч может общаться со мной? Он посылает мне сообщения, чтобы показать, что сделан для эпических сражений и славы, а не для преследования белки и не для того, чтобы быть одетым, как жалкое чучело животных?

Конечно, это бред.

Но нет большего бреда, чем то, что я только что видела.

Я хочу, чтобы мои мысли исчезли. Попахивает безумием, и это не тот запах, за которым я бы последовала. Но я позволю себе сделать это только один раз.

Раффи сказал, что меч своего рода живой. Если каким-то невероятным чудом это правда, то может быть, у него есть чувства. Может быть, у него есть воспоминания, которыми он может поделиться со мной.

В ночь, когда эти люди напали на меня, уловил ли он, что я понятия не имела, как его использовать во время боя? Может, для меча это стыдно, что им будет владеть кто-то, кто размахивает им, как мельница? И он пытается научить меня, как использовать его, через эти видения?

Это пугает меня. Я должна переключиться на пистолет или что-то другое, что немного менее агрессивно настроено и имеет меньше собственных убеждений. Я встаю, поворачиваюсь спиной к нему и делаю несколько шагов вперед.

Но, конечно, я не могу оставить его.

Это меч Раффи. Он собирается вернуть его назад когда-нибудь.

По пути обратно я колеблюсь около продовольственной линии. Это новая группа людей, но линия примерно такого же размера. Сопrotивление создало систему, которая предусматривают ограничение пищи два раза в день. Рядом ещё много новичков, кто пришел за своей порцией еды.

Я вздыхаю и перехожу в конец очереди.

Когда я возвращаюсь в нашу комнату, то вижу, что в ней никого нет. Я не уверена, что для Пейдж хорошо быть среди людей, но я думаю, что они вернуться в ближайшее время. Я кладу три гамбургера на учительский стол. Я не спрашивала, что за мясо это было, так как я сомневаюсь, что это телятина.

Я попросила пирожки, они были очень редкие, особенно упоминая слово "кровавый", но я не могла добраться до них, не вызывая подозрений. Но я разочаровываюсь, обнаружив, что мясо едва розовое в середине.

Я срезаю эту часть из сырого центра и откладываю ее в сторону для Пейдж. Я могу, по крайней мере, попытаться узнать, может ли она удержать в себе сырое мясо. Я пытаюсь не думать слишком много об этом.

Я подозреваю, что она не всегда была в лаборатории в ее новой форме, иначе она бы

знала, что ей можно есть. Меня мучает мысль: что если бы я нашла ее на день раньше, могла бы я спасти ее от этого?

Я прячу эти мысли далеко в темном уголке моего ума и методично ем свой бургер. Салат и помидор не очень похожи на себя, но, по крайней мере, они напоминают мне о зелени, да и на вкус довольно неплохи. Хорошо, что хлеб, по крайней мере, вкусный и, похоже, только, что из печи. Видимо, в Лагере нашли кого-то, кто знает, как испечь хлеб с нуля.

Я вытаскиваю меч Раффи и кладу лезвие на голые колени, поглаживая пальцами металл.

Свет попадает на него, образуя жидкие извилины на стали, они отливают голубовато-серебряными волнами, которые украшают его.

Если расслабиться, я могу почувствовать неясный поток горя, идущего из него. Меч в трауре. Не нужно быть гением, чтобы понять это.

— Покажи мне больше — говорю я, хотя не уверена, что могу выдержать ещё хоть одно видение.

Мои ноги слабеют, и я чувствую себя истощенной. Даже в мире, где ангелы существуют, это все еще шок для меня, что какая-то вещь может делиться своими воспоминаниями со мной.

— Расскажи мне о Раффи.

Ничего.

— Хорошо. Давай хотя бы попрактикуемся в сражении, — говорю я восторженным голосом, как будто я разговариваю с маленьким ребенком. — Я могла бы взять у тебя больше уроков.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза.

Ничего.

— Ладно. Думаю, мне сейчас ничего не остается, кроме как украсить мишку лентами и бантиками. Что ты думаешь о темно-розовом?

Комната вращается перед моими глазами, затем преобразовывается.

Во снах время бывает своего рода забавным, и мне кажется, тоже и с воспоминаниями. Около десяти лет я практикуюсь со своим мечом, сражаясь с врагами бок о бок с Раффи.

Адские твари были в ярости, когда он выхватил некоторых жен ангелов из их челюстей и взял то, что, как они думали, принадлежало им. Они разыскивали его с тех пор, охотясь на любого, кто, возможно, был связан с ним. Полагаю, что демоны не те, кто могут простить и забыть.

Эпоха за эпохой, всё везде одинаково. Средневековые деревни, поля битвы Первой мировой войны, буддистские монастыри в Тибете и бары в Чикаго.

Раффи идет по слухам о нефилимах, убивает адских тварей и всех остальных, которые терроризируют местных жителей, а затем исчезает в ночи. Он улетает от каждого, к кому он, возможно, привязался в процессе, чтобы избежать их смерти.

Один.

Только Раффи и его меч.

И теперь у него даже его нет.

Как раз в то самое время, когда я думаю, что уроки закончены, память меча показывает мне то, что почти ломает меня.

Как только я появляюсь, меня сильно отбрасывает от него.

Раффи ревет от ярости и боли.

У него серьезные неприятности. Мучительная боль. Но хуже всего шок.

Мое призрачное тело колеблется, оно теряет свои границы, заставляя чувствовать себя полностью дезориентированной. Переживания Раффи так сильны, что захлестывают мои собственные мысли и ощущения.

Его прерывистое дыхание — это все, что я слышу. Это все, что он слышит. Руки и колени удерживают его, но кровь на его коже заставляя его руки скользить. Раффи пропитан собственной кровью.

Боль растекается от его спины по всему телу. Сокрушая кости. Пронзая глаза. Выбивая легкие.

Кровь растекается по асфальту.

Большие руки перемещают что-то белое в угол его видения. Он отчаянно не хочет смотреть, но не может иначе.

Крылья.

Белоснежные крылья.

Отрубленные и лежащие на грязной дороге.

Его дыхание становится резче, и все, что он видит, это белые перья на черном асфальте.

Капля чьей-то крови капает на перо. Демон Велиал стоит над крыльями Раффи так, будто они теперь его.

— Эй! — Кричит кто-то, и Раффи слабо реагирует на это крик.

Он заставляет себя посмотреть вверх.

Всё размыто перед его глазами, из-за боли и пота. Он моргает несколько раз, пытаясь сосредоточиться, несмотря на жуткую боль в спине.

Перед ним тощая дочь человеческая, она выглядит крошечной около одного из нападавших. Она наполовину скрыта за темно-оранжевыми крыльями воина, но Раффи

видит ее и знает, что она та, кто кричал ему.

Это я. Неужели я действительно выгляжу так незначительно рядом с ангелами?

Она бросает ему что-то изо всех своих щедушных сил.

Его меч? Как такое возможно?

У него нет времени на вопросы. Его меч сделает для него все, даже позволит человеку прикоснуться к нему, лишь бы помочь.

Волна ярости придает ему силы. Он вырывается из захвата своих противников и поднимает руку. Его рука дрожит от усилий.

Его мир сужается до своего меча, Велиала и ангелов перед ним.

Он ловит меч и этим же движением разрезает живот Велиала. Раффи почти теряет равновесие.

Затем он перенаправляет импульс, чтобы разрезать ангела рядом с ним.

Сцена не замедляется, как и другие бои. Так не должно быть. Я чувствую каждую дрожавшую от боли и силы мышцу, каждый шаг, его прерывистое дыхание.

Он испытывает головокружение и едва удерживается от падения на асфальт. Нападавшие улетают, он видит, как воин с темно-оранжевыми крыльями бьет человека. Она падает на дорогу, и Раффи думает, что она мертва.

Сквозь пелену агонии он задается вопросом, кто она и почему дочь человеческая принесла себя в жертву, чтобы помочь ему.

Он заставляет себя держаться на ногах. Удерживать свой меч наготове из-за Жженого, который приценивается к нему, отбирает практически все силы. Ноги Раффи дрожат, и он почти теряет сознание, но не выключается из-за упрямства и ярости.

Жженный, очевидно, слишком труслив, чтобы сражаться с ним в одиночку, он сдается и тоже улетает. Раффи падает на асфальт, как только Жженный исчезает из вида.

Лежа на дороге, его сознание медленно погружается во тьму. Звук его дыхания заполняет уши, но он концентрируется, чтобы услышать ещё что-нибудь.

Звуки ног за закрытыми дверьми. В зданиях люди шепчут и спорят о том, безопасно ли выйти. Они говорят о том, сколько Раффи стоил бы, если бы они разорвали его на части.

Но это не то, о чем стоит беспокоиться. Есть более страшные звуки, скользящие шумы.

Мягкие шаги, будто тараканы в стенах.

Они здесь, адские твари нашли его. Они всегда находят всё, что им нужно, в конце концов.

На этот раз они поймали удачу за хвост. На этот раз он совершенно беспомощен. Они заташат его в ад и будут медленно пытаться его на протяжении веков.

Он отчаянно пытается сконцентрироваться на внешнем мире, но тьма медленно забирает его.

Кто-то взывает к своей матери. Голос сильный и решительный.

Это, наверное, галлюцинация из-за лихорадки, потому что никто не будет настолько глупо вести себя в месте, где полно человеческих банд.

Тихие шаги на лестничных клетках. Шепот человеческих крыс, уверенных, что у девочки должна быть своя группа поблизости, вот почему она не боялась последствий от своего глупого поступка. Что еще сделало бы девчонку настолько смелой?

Адские твари останавливают свое движение. Они недостаточно умны, чтобы выяснить много, иначе они добрались бы до него уже давным-давно, иначе они бы не двигались наугад и напали. Они в замешательстве. Атаковать или бежать?

Он пытается переместить свое тело с открытой местности, но взгляд снова затуманивается, и сознание исчезает.

Кто-то переворачивает его. Боль взрывается и вонзает когти в его спину.

Маленькая рука дает ему пощечину.

Он открывает глаза на мгновение.

На фоне света луны и черного неба темные волосы девушки развеваются на ветру. Напряженные глаза с длинными ресницами. Губы такие красные, наверное, девушка постоянно кусает их.

Ему требуется время, чтобы понять, что она та, кто рисковал собой, чтобы помочь ему.

Она спрашивает его о чем-то. Ее голос настойчив, но мелодичен. Это хороший звук перед смертью.

Боль усиливается из — за того, что она двигает его. Он продолжает ожидать, что она убьет его или что адские твари нападут на них. Вместо этого она перевязывает его тело и сажает в инвалидное кресло, которое для него слишком маленькое.

Девчонка ворчит и переигрывает, давая понять, что он очень тяжелый — вероятно, чтобы показать, насколько она сильна — он не может не удивиться, даже через туман боли. Она — ужасная актриса.

Всем известно, что дочери человеческие плотны и тяжелы по сравнению с ангелами, и есть что-то безумно забавное в ее притворстве.

Возможно, Хранители женились на своих женах, потому что они нашли их интересными. Многие осудили бы его в Преисподней, но это — первое о чем он подумал.

Вокруг отчетливо слышны шаги на тротуаре, это человеческие крысы, которые хотят добраться до Раффи. Адские твари также подкрадываются ближе.

Он пытается предупредить дочь человеческую.

Но нет такой необходимости. Она уже бежит в тених, толкая его так быстро, как только может.

Если она сможет оставаться впереди них достаточно долго, может быть, адские твари отвлекутся на сочных человеческих крыс.

Последняя мысль перед потерей сознания была о том, что Хранителям понравилась бы эта девушка.

К тому времени, как я просыпаюсь, за окнами уже длинные тени. Меня все еще трясет из-за того, что я пережила опыт Раффи. Я не просто знаю, о чем он думал: я фактически ощущала тоже, что и он, мыслила так же, как и он.

Действительно ли меч был так близок Раффи? Может быть, только в чрезвычайных ситуациях. Каждый раз опыт был странен и причудлив.

Я провожу дрожащей рукой по теплому лезвию, говоря своему телу, что все в порядке.

Я сопоставляю факты. Некоторые поступки Раффи теперь имеют больше смысла.

Он не мог вскочить и кинуться помогать мне во время моих общественных боев в последнем лагере Сопротивления. Это бы породило слухи о нас. Адские твари всегда могли выследить его. Это было бы лишь сочетанием удачи, слежки и прислушивания к человеческим сплетням. Рассказ о том, что он бросился защищать меня, безусловно, сыграл бы им на руку. Он участвовал в пари лишь для того, чтобы доказать всем, что мы не друзья и его не заботит моя судьба.

И он выслеживал низших демонов, даже после того, как они сбежали, потому, что они пришли из ада, не так ли? Если бы кто-нибудь из них выжил и рассказал о том, что он пришел на помощь к дочери человеческой, то со временем они бы добрались до меня.

Но, после нашего поцелуя, нужно ли ему было говорить о том, что я даже не понравилась ему? По-моему, этого не требовалось.

Поцелуй.

Словно прорастающее семя, во мне растет желание спросить об этом у меча.

Это стыдно, глупо и, наверное, даже мелко, особенно после того, как я только что видела, через что пришлось пройти Раффи. Но после этого видения мне хочется увидеть Раффи в различных ситуациях. Особенно в тех, где он дерзкий и контролирующий себя. Тех, где он испытывает нечто иное, нежели боль или угроза, хотя бы в течение двух секунд.

Ладно, я просто умираю от желания узнать, что же почувствовал он во время нашего поцелуя.

Я знаю, что это не имеет никакого значения. Я знаю, что это ничего не изменит. Я знаю, что это по-детски.

Но все же.

Разве девушка не может быть просто девушкой хотя бы пять минут?

— Покажи мне свои воспоминания о поцелуе.

Я закрываю глаза. Мои щеки горят, что глупо, учитывая тот факт, что меч находился там при самом поцелуе и все видел. Таким образом, что меняется от моего желания узнать его чувства?

— О, да ладно? Неужели мы должны проходить через это снова?

Ничего.

— То последнее воспоминание было просто ужасно. Мне нужно немного комфорта. Это всего лишь маленькая услуга. Пожалуйста?

Ничего.

— Я добавлю больше лент и бантов для тебя, — обращаюсь я к нему. — Может быть, даже сделаю блестящий макияж для плюшевого мишки.

Все еще никакой реакции.

— Предатель, — я знаю, что это смешное заявление, так как меч верен Раффи, но мне плевать.

Я убираю меч обратно в ножны, прислоненные к стулу, и надеваю мишку на рукоять.

Я перекидываю ремень через плечо, чтобы попытаться найти маму и Пейдж.

Коридоры все еще переполнены, как впрочем, и всегда. Два одинаковых парня со светлыми волосами протискиваются через толпу, по пути со всеми здороваясь. Кажется, что они всем нравятся. Мне требуется секунда, чтобы узнать в них Тру и Тра. Их волосы теперь цвета «песочный блонд».

Тру тихо разговаривает с Тра, показывая ему что-то, спрятанное в ладони, и Тра резко отводит глаза, пытаясь не рассмеяться. Я думаю, что Тру просто что-то у кого-то украл, что-то, что они не должны иметь.

Они машут мне, и я их жду.

— Что случилось с вашими волосами? — спрашиваю я.

— Мы мастера шпионажа, помнишь? — спрашивает Тру.

— Как и мастера маскировки, — добавляет Тра.

— Хорошо, — говорит Тру, потирая краску у корней волос. — "Мастер" — это, пожалуй, сильное слово.

— Как и "маскировка", — отвечаю я с усмешкой.

— Чувак, ты прекрасно выглядишь, — обращается Тра к Тру. — Красив как никогда.

— Что вы украли? — Я понижаю свой голос на тот случай, если у владельца нет чувства юмора.

— Ох, братан, ты теряешь хватку. Она видела. — Тра оглядывается по сторонам, чтобы убедиться в том, что никто не подслушивает.

— Ни в коем случае. Мое прикосновение подобно маслу, — Тру показывает свои, уже пустые, ладони и шевелит пальцами.

— Она просто умна, вот и все. Они может понять такие вещи.

— Да, и именно поэтому мы очень плохо себя чувствуем, рассматривая твою кандидатуру для боев. Кстати, как ты относишься к костюму монашенки?

— А еще лучше, к очкам, как у горячей библиотечарши. — Тру кивает мне, словно дает совет.

— Разве так будет лучше? — глаза Тру широко открыты от удивления.

Они смотрят друг на друга и одновременно выдают:

— Грязевые бои библиотечарш! — Они пожимают друг другу руки, словно возбужденные маленькие мальчики.

В коридоре все на нас смотрят.

— Видите? Посмотрите только на их интерес, — говорит Тру.

Но в этот момент коридор очищается, так как все люди выбегают через дверь. Что-то случилось.

— Что происходит? — спрашиваю я у кого-то, когда он выглядывает на улицу.

— Понятия не имею, — он выглядит испуганно, но заинтриговано. — Из-за толпы я ничего не вижу. Ха, и ты тоже?

Женщина проносится мимо нас.

— Кто-то был найден мертвым или покалеченным. Что-то такое. — Она выходит за дверь, впуская холодный воздух.

Мертвым или покалеченным...

Я следую за ней.

Снаружи, перед главным зданием, небольшая толпа, над которой витает напряжение.

Солнце все еще низко висит над горизонтом, но пасмурная погода слово истощает цвета, окутывая все вокруг оттенками серого.

Люди смотрят на противоположную сторону дороги Эль Камино. Там находится роща, где я преследовала белку. Днем это красивое и мирное место с деревьями, расположенными достаточно далеко друг на друга, чтобы образовывать пятнистые тени, но не погружать рощу во тьму. Но поскольку стоит пасмурная погода, роща выглядит зловеще и предвещает что-то дурное.

Несколько человек бегут из здания прямо в рощу, другие же колеблются, прежде чем направиться туда. Многие остаются у здания, надеясь на то, что здесь безопасно, и искоса смотрят в сторону рощи, пытаясь разглядеть то, что происходит в тени деревьев. Я останавливаюсь, пытаюсь разобраться в ситуации, а затем присоединяюсь к тем, кто бежит к роще. Я не могу не задать вопрос, что тянет их в этот тусклый свет. По пути я слышу обрывки разговоров, дающих мне кое-какие ответы.

Я не единственная волнуюсь о тех, кого люблю. Многим людям пришлось разделиться во время хаоса, воцарившегося после ангельского вторжения, или атаки на Обитель. Теперь они волнуются об оставшихся членах семьи, боясь, что им могли навредить. Другим было просто любопытно и они, ободренные большим количеством людей, шли за ними, чтобы узнать, что случилось.

В любом случае, нас достаточно для того, чтобы образовать очередь у прохода в заборе. Он представляет собой проволочное ограждение в металлической раме, достигающее мне до груди. Поскольку забор ограждает рощу с обеих сторон и тянется на несколько кварталов во всех направлениях, остается только перелезть его.

Под деревьями собирается небольшая толпа. Я могу чувствовать их беспокойство и слышать напряжение в их голосах. Меня одолевает нетерпение. Здесь произошло что-то серьезное и почему-то я уверена, что это как-то касается моей семьи.

Я мчусь вперед, расталкивая толпу.

То, что я вижу, я не смогу стереть из памяти на протяжении всей своей жизни.

Моя младшая сестра борется в тени.

От нее тянутся веревки, удерживаемые мужчинами. Одна веревка обвязана вокруг ее шеи, две других вокруг запястий и еще две вокруг лодыжек.

Мужчины борются с веревками, словно пытаются удержать дикого коня.

Волосы Пейдж спутаны и покрыты кровью. Кровь также покрывает ее лицо и платье с цветочным принтом. На ее бледной коже темная кровь и стежки, покрывающие лицо, создают жуткий контраст, делая ее похожей на восставшую из мертвых.

Она сражается с веревками словно одержимая. Она чуть не падает, когда мужчины дергают веревки, чтобы попытаться получить над ней контроль. Даже при таком освещении я вижу на ее шее и запястьях кровавые полосы от веревок, появившиеся из-за того, что она дергается и крутится, словно жуткая кукла вуду.

Мой первый инстинкт — издать леденящий душу вопль и вытащить меч.

Но я вижу что-то, лежащее перед Пейдж.

Шок от того, что ее так жестоко связали, словно какое-то животное, не давал мне увидеть все сцену целиком. Но теперь я вижу нечто темное и неподвижное, как скала. Оно напоминает мне кое-что такое, во что я не хочу верить.

Это тело.

Это парень с битой, который напал на меня со своими друзьями.

Я отвожу взгляд. Я не хочу осмысливать то, что только что видели мои глаза. Я не хочу видеть отсутствующие у него куски мяса.

Я не хочу думать о том, что это значит.

Я не могу...

Пейдж высовывает язык и слизывает кровь со своих губ.

Она закрывает глаза и глотает. На мгновение ее лицо расслабляется.

Спокойствие.

Она открывает глаза и смотрит на тело у своих ног. Словно ничего не может с собой поделать.

Часть меня все еще ждет, что ее передернет от отвращения при виде трупа. Отвращение есть. Но есть еще и вспышка тоски. Голод.

Она бросает взгляд на меня. Стыд.

Она перестает сопротивляться и смотрит прямо на меня. Она видит, что я колеблюсь. Она видит, что я больше не рвусь ее спасать. Она видит решение в моих глазах.

— Рин-Рин, — плачет она.

Ее голос наполнен потерей. Слезы текут вниз по ее окровавленным щекам, оставляя за собой четкие следы. Она больше не выглядит, как жестокий монстр. Она вновь стала маленькой испуганной девочкой.

Пейдж вновь начинает бороться. Мои запястья, лодыжки и шея сочувствуют тому, как веревки впиваются в ее плоть, оставляя кровавые следы.

Мужчины раскачиваются на концах веревки, так что трудно сказать, она у них в плену или они у нее. Я видела, каким сильным может быть ее новое тело. У нее достаточно мощи, чтобы бросить им реальный вызов и принять бой. На этой неровной поверхности она, возможно, сможет вывести их из равновесия и заставить упасть.

Вместо этого она просто безрезультатно дергается.

Просто для того, чтобы веревки могли навредить ей. Просто для того, чтобы наказать себя. Просто для того, чтобы никто другой больше не пострадал.

Моя младшая сестра плачет, убитая горем.

Я снова начинаю бежать. Не зависимо от произошедшего, она этого не заслуживает. Ни одно живое существо не заслуживает подобного.

Солдат справа поднимает свою винтовку и направляет прямо на меня. Она так близко, что я могу смотреть прямо в небольшое отверстие глушителя.

Я останавливаюсь, почти что скользя.

Другой мужчина стоит рядом с ним, направив винтовку на Пейдж.

Я поднимаю руки с раскрытыми ладонями,

Мужчина хватается меня за руки, и по его грубости я понимаю, что он ожидает сильного сопротивления. Мы — юные девицы — заработали себе репутацию.

Мужчина расслабляется, когда видит, что я не пытаюсь бороться. Рука в руке — это одно, но оружие все еще направлено на меня. Все что я могу делать — оставаться живой, пока не подвернется шанс действовать.

Но у моей матери своя логика

Она выбегает из тени, беззвучно, словно призрак.

Она прыгает на солдата, наставляющего винтовку на Пейдж.

Другой солдат поднимает свою винтовку и бьет маму в лицо с противным чмокающим звуком.

— НЕТ! — я пинаю парня, держащего меня за руки.

Но прежде, чем он падает на землю, прежде чем я могу освободиться, трое других парней прыгают на меня. Они прижимают меня к земле как опытные бандиты, прежде чем я получаю шанс устоять.

Мама вскидывает вверх руки, чтобы закрыться от еще одного удара прикладом винтовки.

Моя сестра продолжает борьбу, но теперь в ней паника и ярость. Она визжит, запрокинув лицо к небу, словно молит Небеса прийти к ней на помощь.

— Заткните ее, заткните же ее! — раздается чей-то громкий шепот.

— Не стрелять! — громким шепотом отдает приказ Сэнджай. — Она нужна нам живой для изучения.

Он бросает на меня быстрый виноватый взгляд. Я не знаю, злиться мне или быть благодарной.

Я должна помочь моей семье. Мой мозг вопит об оружии, но что я могу сделать? Лежать здесь, пока они пытаются мою младшую сестренку и мать?

Трое мужчин по-прежнему прижимают меня к земле. Один держит мои руки за головой, другой вцепился в мои лодыжки, третий сидит на животе. Похоже, меня недооценивают. Так тому и быть.

Я хватаю за запястья парня, держащего мои руки, используя его в качестве рычага.

Я выкручиваю и напрягаю ноги, брыкаюсь и пинаю того, кто держит мои лодыжки. Это трудно для кого бы то ни было, большого или маленького, соотносить силу удара с захватом рук.

Затем, я подтягиваю свободную ногу и со всей силы бью его в лицо.

Освободив ноги, я изворачиваюсь и обвиваю ногами шею парня, сидевшего на мне.

Я тяну ноги к земле, опрокидывая его назад. Я выдергиваю ногу из-под него и наношу удар по его открытой промежности.

Я ударяю его настолько сильно, что он отползает от меня по траве, задыхаясь от собственного крика. От него можно не ожидать проблем какое-то время.

К тому времени парень, держащий меня за запястья, стал ослаблять хватку, пытаюсь уйти. Если бы я думала, что он отпустит меня и позволит мне остаться, то я бы с радостью дала ему уйти.

Но есть слишком большая вероятность того, что он задумается о борьбе со мной, пока я внизу. Парни иногда идут на это, особенно когда дело касается проигрывания маленькой женщине. Они приписывают это к удаче или чему-то такому.

Моя хватка на нем тверда. Используя его, как рычаг, я кручу и вращаю бедрами, как делала бы это при беге по стене, только сейчас я использую эти движения, лежа на земле.

Я раскачиваю свою ногу, опираясь на бедро, и бью парня по голове.

Бьюсь об заклад, он и не думал, что я могу двигаться.

Я подпрыгиваю вверх, оглядываясь вокруг и готовясь к новому нападению.

Моя мама лежит на земле, дергая на себя солдата с винтовкой. Она дергает ствол до тех пор, пока он не указывает прямо на нее. Она либо не понимает, что ему нужно всего лишь нажать на курок, чтобы убить ее, либо ее это не волнует.

Моя сестра кричит в небо, словно какой-то монстр. Все они думают, что она им и является. Вены на ее шее и лбу вздуваются так, что, кажется, будто они вот-вот разорвутся.

Двое из тех мужчин, что держали ее веревки, лежат теперь на земле. Я наблюдаю за тем, как падает третий.

Я бросаюсь к маме, надеясь на то, что успею что-нибудь предпринять прежде, чем винтовка выстрелит.

К счастью, этот солдат — обычный ополченец, молодой и неопытный. Надеюсь, он еще ни в кого не стрелял и не хочет, чтобы отчаявшаяся мать стала его первой жертвой.

Мы все бездумно смотрим вверх.

Затем, я осознаю, что с неба идет непонятное гудение, такое низкое, что практически на границе слышимости.

И оно нарастает.

Сквозь просвет между деревьями, я вижу темное пятно на сумеречном небе. Оно приближается с пугающей быстротой.

Низкое гудение ощущается скорее в костях, чем воспринимается на слух. Этот зловещий звук, такой знакомый на первый взгляд, в нем словно слились все подсознательные страхи.

Прежде, чем я распознаю его, люди поворачиваются и бегут.

Никто не кричит, не окликает друг друга. Люди просто молча и отчаянно бегут.

Паника заразительна. Человек, держащий мою маму, отпускает ее и присоединяется к всеобщему бегству. Почти тотчас парни, удерживающие мою сестру, швыряют веревки и бросаются бежать.

Пейдж замерла, уставившись в небо как зачарованная.

— Беги, — отчаянно кричу я. Это выводит ее из оцепенения.

Моя сестра поворачивается и бежит в противоположную от лагеря Сопротивления сторону. Она несется вглубь рощи, веревки вьются за ней по грязи, как скользящие тенями змеи.

Мама бросает на меня взгляд. Кровь сочится из пореза возле глаза. Даже в неверном свете сумерек я вижу, как наливается синяк.

Коротко поколебавшись, мать кидается вдогонку за моей сестрой под деревья

Я стою, замерев, пока гудящий звук становится все громче. Должна ли я следовать за ними или бежать назад в безопасный лагерь?

Решение приходит ко мне, когда темное облако приближается настолько, что можно различить отдельные формы среди массы темноты.

Крылатые люди со скорпионьими хвостами.

Дюжина их затеняет небеса. Они снижаются.

Должно быть, вне обители была еще одна или несколько партий.

Я бегу.

Я улепетываю от них к школе, как все остальные. Я последняя, и представляю собой легкую мишень.

Скорпион устремляется вниз и приземляется прямо передо мной.

В отличие от тех тварей, что я видела в обители, этот полностью сформирован. Лохматый, с львиными клыками, но его руки и ноги почти человеческие, за исключением слишком развитой мускулатуры. Его тело, на первый взгляд, человеческое, но живот, грудь и пресс похожи на сочленения кузнечика.

Зубы так велики, что чудовище не может закрыть рот и с губ стекает слюна. Оно рычит на меня и вздымает свой толстый скорпионий хвост над головой.

Страх захлестывает меня с небывалой силой.

Я снова переживаю атаку скорпиона в обители. Моя шея становится сверхчувствительной, каждую секунду я ожидаю, что ядовитое жало вонзится в нее.

Еще один скорпион приземляется рядом со мной. Этот обнажает зубы-иголки, издавая

шипение.

Я в ловушке.

Я срываю игрушечного медведя и обнажаю меч. Он чувствует себя в моих руках более уверенно. Это все, на что я могу рассчитывать.

Палят выстрелы, но в основном ночь наполнена громогласным ревом крыльев и пронзительными воплями людей.

Мне едва хватает времени принять стойку, которую я отработывала во сне. Монстр нападает на меня.

Я наклоняю клинок под углом сорок пять градусов, намереваясь рубануть в основание шеи, где та граничит с плечом. Вместо этого срезаю жало с хвоста, метнувшегося ко мне.

Монстр кричит по-человечески. Неожиданно слышать эти звуки из пасти, полной клыков.

Нет времени прикончить его, так как второй скорпион тянет жало ко мне.

Я закрываю глаза, дико раскачиваясь в жуткой панике. Это все, на что я способна, слишком живы воспоминания о параличе от яда.

К счастью, у меча нет таких проблем. Ликование накатывает волной, когда он легко взлетает вверх и с силой опускается вниз.

Когда я открываю глаза, второй скорпион валяется на земле, истекая кровью, его хвост подергивается в конвульсиях. Второй исчез, может, полетел залечивать раны, а может — уполз умереть с миром.

Я — единственное живое существо в моей части рощи. Я скольжу в тень от ближайших деревьев, пытаюсь восстановить дыхание.

Скорпионы все еще приземляются, но далеко от меня. Их привлекает толпа людей, застрявшая у забора.

Они хватают людей и жалят их под разными углами, словно упражняясь или наслаждаясь этим. Даже, когда они присасываются к жертвам, чтобы выпить их, другие скорпионы продолжают жалить одних и тех же жертв.

Люди кричат и толкают друг друга на забор, пытаюсь вскарабкаться на него. Они бросаются в рассыпную, пытаюсь найти место, где можно перебраться через ограду, но их настигают скорпионы.

Тем немногим счастливым, кому удастся перебраться, повезло. Скорпионы, словно ленивые хищники, заняты ближайшими жертвами и не обращают внимания на тех, кто ускользнул.

Когда жертвы соскальзывают на землю, скорпионы присасываются к ним. В то же время твари теряют интерес к тем, кто перебрался через ограду и бежит к школе через улицу. Скорпионы взлетают и вертятся как облако насекомых, прежде чем раствориться в темнеющем небе.

Что-то шуршит за моей спиной, и я разворачиваюсь с мечом наготове.

Это мама идет ко мне шаркающей походкой.

Мы единственные люди,двигающиеся по эту сторону забора. Остальные кажутся мертвыми. Я продолжаю прятаться в тени на случай, если скорпионы вернуться, но вокруг тихо и спокойно.

Мама в замешательстве смотрит на меня.

— Она пропала. Я потеряла ее.

Слезы сверкают на ее окровавленном лице. Шатаясь, она идет к забору, не обращая

внимания на упавших людей.

— Я в порядке, мам. Спасибо, что спросила. — Я хватаю медведя и вытираю кровь с меча его шифоновой юбкой. — Ты в порядке? Как ты выжила?

— Конечно ты в порядке, — она продолжает идти. — Ты невеста дьявола, а это его создания.

Я вкладываю меч в ножны и надеваю наверх медведя.

— Я — не невеста дьявола.

— Он вынес тебя из огня и позволил воскреснуть из мертвых. У кого еще есть такие привилегии, как не у невесты дьявола?

Она единожды увидела меня на руках у парня и сразу же поженила нас. Интересно, что подумает Раффи о том, что моя мама будет его тещей.

— Ты видела, куда пошла Пейдж?

— Пропала, — ее голос сорвался. — Я потеряла ее в лесу.

Моя реакция на эти слова была бы однозначной на прошлой неделе. Теперь же я не знаю, что испытываю — панику или облегчение. Возможно, и то и другое.

— Ты спряталась от скорпионов? — спрашиваю я. — Как ты выжила?

Ни слова в ответ.

Если бы кто-то сказал мне, что у моей мамы есть магические способности, я бы без проблем поверила в это. Это даже особенно не удивило меня, что она выжила каким-то чудесным образом.

Я следую за ней к забору. Весь путь усеян жертвами, лежащими в неудобных, неестественных позах. Хотя на них больше не нападают, они продолжают съеживаться и усыхать как вяленое мясо. Роща выглядит как поле боя, усыпанное человеческими телами.

Мне хочется успокоить жертв, сказать им, что они поправятся и все будет отлично, но, учитывая размах нападения, я не уверена, что так и будет.

Пара скорпионьих тел лежит на поле среди жертв. Один застрелен в живот, второй — в голову.

Мама осматривает тела, словно ищет кого-то. Она вытаскивает одного, с застывшей гримасой ужаса на лице, и тащит его к упавшей секции ограды.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Подношение, — отвечает она, с трудом таща беднягу. — Нам нужно отыскать Пейдж, а значит, нам нужно подношение.

— Ты пугаешь меня, мам, — тяжело вздыхаю я.

Она не просит моей помощи, вскидывает вверх мужчину и насаживает на кол. Он соскальзывает обратно на кучу тел.

Я хочу остановить ее, но когда в ее голове созрел безумный план, ничто на свете не остановит ее.

Опускается ночь. Облако скорпионов давно исчезло вдали, и в небе нет ни одного отбившегося от стаи.

Мысль о том, чтобы бродить в роще в темноте, разыскивая мою демоническую сестру, не совсем совпадала с моими представлениями о хорошо проведенном времени. Однако она не могла путешествовать одна по многим причинам. И будет намного лучше, если ее найду я, а не перепуганные люди из Соппротивления.

Так что я оставляю маму делать то, что она там задумала, и возвращаюсь в тень рощи.

Уже почти что ночь, когда я возвращаюсь к резне у ограждения. В тумане вокруг жертв блуждают люди. Некоторые склонились над павшими близкими, другие погрузились в плач и выглядят испуганными. Несколько человек роют неглубокие могилы.

Моя мать закончила свой проект, хотя ее саму нигде не видно. Мужчина, которого она тащила, теперь сидит на груди тел, руки его вытянуты через забор, словно он испуганное и пугающее чучело. Она привязала его к месту кусками веревки, которые, скорее всего, нашла у одного из парней, что поймали Пейдж.

Ярко-красная помада акцентирует внимание на его искаженных в крике губах. Рубашка на пуговицах распорота, обнажая почти безволосую грудь. На ней, в сообщении, написанном помадой, говорится:

"Тронь меня — и займешь мое место".

Устрашающий эффект от работы моей матери весьма высок. Каждый старается обходить тело стороной.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Когда я прохожу мимо тел, к женщине, лежащей вблизи, нагибается мужчина и проверяет ее пульс.

— Послушайте, — говорю я. — Эти люди могут быть и не мертвы.

— Но не эта. — Он продвигается к следующему телу.

— Может казаться, что они мертвые, но они могут быть просто парализованы. Это действие жала. Оно парализует и заставляет тебя выглядеть мертвым во всех отношениях.

— Ну да, отсутствие сердцебиения тоже. — Он качает головой, выпускает запястье парня, которое проверял, и движется к следующей жертве.

Я следую за ним, в то время как солдаты целятся своими винтовками в небо в поисках любых признаков повторного нападения.

— Но вы можете и не прощупать пульс. Думаю, яд замедляет все. Я считаю...

— Ты доктор? — спрашивает он без остановки в своей работе.

— Нет, но...

— Что ж, я доктор. И могу сказать, что если нет сердцебиения, то нет никакого шанса, что человек жив. Кроме очень редкого случая, такого как падение ребенка в замерзший пруд. Лично я не вижу здесь ни одного ребенка, упавшего в замерзший пруд, а ты?

— Знаю, звучит безумно, но...

Двое мужчин изнуренно поднимают женщину и волокут ее к неглубокой могиле.

— Нет! — кричу я.

На ее месте могла быть я. Каждый думал, что я была мертва, и если бы обстоятельства сложились по-другому, они могли бы бросить меня в яму и похоронить заживо, пока я наблюдала, парализованная, но будучи полностью в сознании.

Я подбегаю и встаю между мужчинами и ямой.

— Не делайте этого.

— Оставьте нас в покое. — Мужчина постарше даже не смотрит на меня, мрачно неся жертву.

— Она может быть жива.

— Моя жена мертва. — Его голос срывается.

— Послушайте меня. Есть шанс, что она жива.

— Ты можешь оставить нас в покое? — Он бросает свирепый взгляд из уголков глаз. —

Моя жена мертва. — Слезы хлынули из его покрасневших глаз. — И останется мертвой.

— Она, вероятно, слышит вас прямо сейчас.

Лицо мужчины краснеет так, что становится больно на него смотреть.

— Она никогда не вернется. А если вернется, то уже не будет нашей Мэри. Это будет некая мерзость. — Он указывает на девушку, одиноко стоящую у дерева. — Подобно той.

Женщина выглядит хрупкой, потерянной и одинокой. Даже с коричневым шарфом, обернутым вокруг ее головы, и перчатками на руках я узнаю сморщенное лицо Клары, женщины, которая выбралась из руин обители. На ней тусклого цвета пальто, которое говорит о ее нежелании быть замеченной. Предполагаю, присутствие людей определенно не приветствуются.

Она обхватывает себя, словно цепляясь за мужа и детей, которых стремиться найти. Все, что она желала — это найти свою семью.

Семья Мэри подтаскивает ее парализованное тело к неглубокой могиле.

— Вы не можете этого сделать. — Говорю я. — Она полностью в сознании. Она знает, что ее хоронят заживо.

Молодой парень спрашивает:

— Папа, думаешь...

— Твоя мать мертва, сын. Она была славным человеком, и у нее будут достойные похороны. — Он поднимает лопату.

Я хватаюсь за него.

— Отойди от меня! — Он отряхивает мою руку, дрожа от ярости. — Просто потому, что у тебя не хватает порядочности делать то, что правильно для твоей семьи, не означает, что ты вправе мешать другим принимать правильные решения для их семей.

— Что это должно значить?

— Ты должна была покончить с сестрой милосердно и с любовью, пока посторонним не пришлось вмешаться и сделать это для тебя.

Мужчина берет лопату, полную земли, и бросает ее в яму на свою жену.

Она падает на ее лицо, покрывая его.

В темнеющей роще, Оби подзывает одного из своих парней.

— Пожалуйста, определи госпожу Янг и ее мать и убедись, что они будут в безопасности в течение ночи.

— Ты арестовываешь меня? — спрашиваю я. — За что?

— Это для твоей защиты, — говорит Оби.

— Защиты от чего? Конституции США?

Оби вздыхает.

— Мы не можем позволить тебе или твоей семье быть на свободе и вызывать панику.

Мне нужно сохранять порядок.

Человек Оби навел мне на грудь глушитель пистолета.

— Следуй по улице и не доставляй мне никаких неприятностей.

— Она пытается спасти жизни людей, — говорит дрожащий голос.

Это Клара, она запахивает свое огромное пальто, как будто желая исчезнуть.

Никто не обращает на нее внимания.

Я посылаю Оби взгляд, говорящий: "Ты это серьезно?". Но он занят, подзывая другого парня.

Он указывает на жертв маминого издевательства.

— Почему эта отвратительная груда тел до сих пор здесь? Я сказал вам убрать их.

Человек Оби говорит двум другим парням убрать тела. Скорее всего, он не хочет делать это сам.

Оба парня машут головами и отступают. Один из них крестится. Они поворачиваются и бегут к школе, как можно дальше от тел.

Мой охранник сопровождает меня через место кровавой расправы, я слышу Сэнджая, приказывающего людям складывать неопознанные тела в фургон для вскрытия.

Я отшатываюсь от них. Просто не могу смотреть. Может эти люди, действительно, мертвы. Надеюсь, что это действительно так.

Меня швырнули на заднее сидение полицейской машины, припаркованной на дороге. Мама уже здесь.

Между передним и задним сидениями полицейской машины есть металлическая сетка. На задних окнах решетка. Под задним стеклом есть одеяла и несколько бутылок воды. Моя нога ударяет ведро с крышкой, дополненное комплектом гигиенических салфеток.

Мне хватает минуты, чтобы понять, что они никуда не повезут нас. Это наша камера.

Великолепно.

По крайней мере, охранник не забрал мой меч. Он даже не обыскал меня на наличие оружия, так что предполагаю, что он не был копом в Мире До. Тем не менее, вероятно он забрал бы мой меч, если бы тот не выглядел как постапокалиптический уютный мишка.

Я делаю маленький глоток воды, которого едва хватает на утоление жажды, в расчете на то, чтобы в ближайшее время мне не захотелось писать.

Люди лихорадочно спешат, пытаясь закончить свою работу до наступления полной темноты, является ли их работой перетаскивание тел в фургон для вскрытия или захоронение своих близких. Каждую минуту они поглядывают на небо, но когда темнота скользит над ними, люди начинают нервно оглядываться, как будто бы беспокоятся, что кто-

то подкрадется к ним.

Я понимаю. Было что-то ужасающее в том, что бы остаться одному в темноте, особенно с теми, кто, как вы думаете, умер.

Я стараюсь не думать, что это слишком напоминает жертв. Парализованные, но осознающие действительность, оставшиеся беспомощными во тьме полной монстров и лишенные семьи.

Когда последнее неопознанное тело заброшено в фургон, рабочие захлопывают его и уезжают.

Те, кто не поехал в фургоне, рысью побежали по улице к школе. Тогда семьи, не зависимо от того, закопали ли они своих близких, побросали лопаты и бегут за рабочими, очевидно, не желая отставать.

Мама начинает издавать тревожные животные звуки, когда видит, что все уходит. Когда ты параноик, последнее что бы ты хотела, быть в ловушке в машине, когда не можешь бежать и спрятаться.

— Все в порядке, — сказала я. — Они вернуться. Они отпустят нас, когда успокоятся. И мы отправимся на поиски Пейдж.

Она дергает ручку двери, потом перепрыгивает на мою сторону попробовать другую. Стучит в окно. Гремит экраном, отделяющим переднее сидение от заднего. Ее дыхание становится тяжелым.

Она всерьез сходит с ума.

Последнее, что нам нужно, так это массовая истерия в пространстве меньшем, чем диван.

Когда последние отставшие солдаты пробегают мимо моего окна, я кричу:

— Поместите меня в другую машину!

Они даже не смотрят в мою сторону, пробираясь в темноте по улице.

И я оказываюсь застрявшей в очень ограниченном пространстве с мамой.

Много чего крутится в моей голове.

Я делаю глубокий вдох. Стараюсь убрать все заботы в сторону и сосредоточиться на том, что важнее.

— Мама? — Мой голос тих и спокоен.

То, что я действительно хочу сделать, это спрятаться и уйти с ее пути, когда она в таком состоянии. Но это не выход.

Я протягиваю бутылку воды.

— Ты хочешь немного воды?

Она смотрит на меня так, будто я безумна.

— Прекратите пить! — Она хватается бутылку из моей руки и прячет ниже заднего окна. — Мы должны сохранить ее.

Ее глаза осматривают всё вокруг нашей тюрьмы. Ее отчаянное беспокойство видно в каждой линии ее лица. Кажется, что вокруг ее рта и около бровей стало гораздо больше морщин. Напряжение убивает ее.

Она роется в своих карманах. С каждым разбитым яйцом, которое она находит в них, она приходит в бешенство. К моему облегчению, кто-то забрал у нее кнут. Я очень не хочу думать, сколько силы пришлось приложить тому, кто забрал его.

— Мама?

— Заткнись! Заткнись! Заткнись! Ты позволила тем мужчинам забрать ее!

Она захватывает металлическую сетку с одной стороны и спинку с другой. Она сжимает их так сильно, что вся кровь уходит из ее рук, превращая их в белые когти.

— Ты позволила тем монстрам делать все те ужасные вещи с ней! Ты продала себя тому дьяволу и не могла даже спасти свою сестру? — Линии между бровями делают ее лицо кошмарным. — Ты не могла даже смотреть ей прямо в глаза, когда она нуждалась в тебе больше всего. Ты там охотилась на нее, не так ли? Таким образом, ты могла бы убить ее сама! Разве не так? — Слезы текут по ее замученному лицу.

— Что хорошего в тебе? — Она кричит мне в лицо с такой силой, что ее собственное лицо становится малиновым, будто оно готово взорваться. — Ты бессердечная! Сколько раз тебе говорила держать Пейдж в безопасности? Ты хуже, чем бесполезна!

Она хлопает рукой по сетке несколько раз, пока я не думаю, что таким образом она сможет навредить себе.

Я пытаюсь это остановить.

Но независимо от того, сколько раз я слышала, как она орет на меня, ее слова до сих пор звучат во мне.

Я вжимаюсь в свой угол, пытаюсь отдалиться от нее как можно дальше. Она придумает то, что для нее соответствует её сумасшедшей логике и затем вернется ко мне.

Я готовлю себя ещё к одной её бури ярости. Это не то, что я хочу испытать в тюрьме настолько маленькой, что мы даже не можем лечь. Это не то, что я хочу испытать в любое время, в любом месте.

Если дело дойдет до этого, я достаточно сильна, чтобы победить её в бою, но она не остановится, даже если я причиню ей боль. Лучше всего, если я смогу просто успокоить ее.

Но я не знаю, что сказать ей, чтобы успокоить. Пейдж всегда была той, кто делал это.

Так что единственное, что приходит мне на ум, это музыка.

Я напеваю.

Это песня, которую она пела нам, когда была плохом настроении. Я думаю, это что-то вроде ее песни-извинения. Закаты, замки, прибой, обрывы...

Она могла бы проигнорировать меня или она могла бы прийти в бешенство. Это могло успокоить ее или сделать ее ещё более сердитой, чем когда-либо. Если и есть одна вещь, в которой вы можете быть совершенно уверены, так это то, что моя мама совершенно не предсказуема.

Пощечина.

Она бьет так сильно, что отпечаток ладони на моей щеке, как я думаю, никогда не исчезнет.

Она бьет меня снова.

В третий раз я хватаю ее за руку прежде, чем она снова притронется к моему лицу.

В этой жизни меня резали, били, пинали, пихали, толкали и душили все мои встречные противники. Но ничто не причиняет боль так, как удар от собственной матери.

Я напоминаю себе, что она уже несколько дней, как не принимает лекарства, но это не облегчает жало боли и обиды за ее действия.

Я готовлю себя к её подчинению, надеясь не причинить ей много боли, и что это не выйдет из-под контроля. К счастью, этого уже не нужно.

Выражение ее лица меняется от яростного к тоскливому. Ее пальцы ослабли на металлической сетке. Она сутулится, и сворачивается клубком около двери.

Она дрожит от слез на её лице. Она рыдает и кричит как маленький ребенок.

Ее муж бросил ее с монстрами.

Демоны забрали её дочерей.

Миру пришел конец.

И никто её не понимает.

Если бы Пейдж была здесь, то она подержала бы маму и гладила бы по волосам. Пейдж успокаивала бы ее до тех пор, пока она не заснула. Она делала это, бесчисленное количество раз, даже после того, как наша мать причинила ей боль.

Но я не Пейдж.

Я свернулась в своем собственном углу, сжимая мягкий мех моего плюшевого медведя.

Мне снится, что я снова с Раффи.

Местность выглядит знакомо. Мы находимся в гостевом коттедже, в котором ночевали с Раффи в ночь, когда покинули офис. В ночь, когда я узнала его имя, в ночь, когда он из заложника превратился в партнера, и, наконец, в ту ночь, когда он держал меня в своих руках, в то время как я тряслась в ночном кошмаре.

Стук дождя за окном наполняет хибару.

Я оглядываюсь на себя тогдашнюю, спавшую на диване под тонким одеялом.

Раффи лежит на другой софе, наблюдая за мной. Его мускулистое тело вытянуто вдоль диванных подушек. Мысли, которые я не могу услышать, тонут в водовороте его темно-синих глаз. Будто бы меч, после того, как рассказал мне столько про Раффи, сейчас скрывает свои мысли. Возможно, я слишком сильно надавила, когда спросила про тот поцелуй.

Эта мягкость во взгляде Раффи, которую я больше никогда не увижу. Не то, чтобы я испытываю тоску или нежную любовь, или еще что-нибудь в этом роде. Да даже, если и так, оно остается лишь в моих запутанных фантазиях.

Нет, я не грежу о нем.

Это больше похоже на то, как крутой парень, который не любит кошек, может смотреть на котенка и на первый взгляд решить, что он, должно быть, милый. На такую разновидность неохотного, личного признания, что, возможно, не все кошки плохи.

Момент беспечности занимает один удар сердца. Взгляд Раффи скользит в сторону коридора.

Он что-то слышит.

Он напрягается.

Я жду, напряженно вглядываясь.

Две пары красных глаз становятся больше, когда подползают ближе, безмолвные, как смерть. Они заглядывают в гостиную из темноты коридора, наблюдая за мной.

Воу. Почему я ничего не знала о них?

В миг Раффи оказывается на ногах, на бегу по дороге в холл, выхватывая свой меч.

Адские тени прыгают и отскакивают обратно к спальне, абсолютно черные на темно-сером. Они бросаются через открытую дверь, откуда, как с реки, веет холодом.

Раффи и твари входят в режим стоп-кадра, будто сражаясь за разбитое окно около кровати.

Завеса дождя, как занавеска, сквозь разбитое стекло танцует в замедленном темпе на ветру.

Я знаю, мне нужно повторять движения Раффи, когда он атакует, но я слишком занята, наблюдая за тем, что происходит. Создания бегут, не нападая.

Они шпионят за ним? Возвращаются за подкреплением?

Адские твари могли удрать через окно, если бы первый не пихнул второго в занавеску, из-за чего второй в панике вцепился в первого.

Пока они разбираются, Раффи бьет мечом одного из них, разрубая почти пополам. Затем он рубит второго, перерезая ему глотку.

Раффи выглядывает в окно, чтобы убедиться, что эти двое были единственными адскими тварями.

Он, пошатываясь, опускается на кровать и кривится от боли, сгибаясь, чтобы отдышаться. Повязки на его спине расцветают темными кровавыми пятнами в тех местах, где должны были быть крылья.

Он только проснулся от своего исцеляющего сна, и с тех пор, за несколько часов, это уже третья битва. Один раз со мной, один с уличной бандой, что ворвалась в наше офисное здание, и сейчас с этими ползучими тварями. Не могу даже представить, насколько ему нелегко. Одно дело, быть отрезанным от своих и находиться в окружении врагов, и совсем другое, когда тебя ранят на самом верху, что, должно быть, ощущаешь себя самым одиноким в мире.

Он вытирает свой клинок о постельные принадлежности и с любовью полирует его о простынь. Агония существ наконец-то обрывается смертью, когда он покидает их.

Удивительно, но я вновь засыпаю в гостиной. Конечно, я недостаточно высыпаюсь за день и практически без сознания от истощения. Мое тело дрожит на диване.

Внутри проник холод, пока дверь в спальню была открыта.

Раффи замирает и прислоняется к софе, переводя дыхание.

Я хнычу во сне, дрожа под ним.

О чем он думает?

Что, если кто-то из адских тварей наблюдает, для них же не имеет значения, лежим мы на разных кроватях или на одной? Или что я уже обречена из-за того, что слишком долго нахожусь в его обществе?

Я вновь начинаю хныкать, подтянув колени к груди под тонким одеялом.

Он наклоняется и шепчет:

— Тише. Ш-ш-ш.

Возможно, ему необходимо чувствовать тепло другого живого существа после такой травмирующей ампутации. Может, он слишком устал переживать о том, что я дочь человеческая, такая же странная и дикая, как жены Хранителей.

Какой бы ни была причина, он с неохотой вытягивает из-под моей спины диванную подушку. Он останавливается и смотрит так, будто меняет свое мнение.

Затем ложится позади меня.

Вначале его объятия жесткие и неудобные. Но по мере того, как он расслабляется, напряжение уходит с его лица.

Он перебирает мои волосы и шепчет:

— Ш-ш-ш.

Независимо от того, насколько мне с ним комфортно, я стараюсь дать ему столько же. Быть просто теплым телом, тем, что ему сейчас больше всего нужно.

Я прижимаюсь к нему во сне сильнее, и мое хныканье переходит в довольный вздох. Объятия Раффи больше похожи на то, как ребенок для комфорта прижимает к себе игрушечное животное, и это почти причиняет боль.

Я протягиваю призрачную руку, чтоб коснуться его лица. Но, конечно же, не могу почувствовать. Я чувствую только то, что помнит меч.

Так или иначе, я провожу рукой вдоль его спины и мускулистых плеч.

Представляя, как от него исходит легкое тепло.

Вспоминая ощущение того, как он держал меня в своих руках.

Когда я просыпаюсь, вокруг еще темно. Я пытаюсь вернуться назад в реальность, хотя мои мысли все еще во сне.

Я поглаживаю гладкий мех плюшевого мишки. В моем сне было гораздо больше комфорта, чем положено иметь уроку борьбы. Похоже, меч специально выбрал спокойное воспоминание, и я благодарна ему за это.

Проходит не больше минуты, прежде чем я вспоминаю, почему сплю на заднем сидении автомобиля.

Круто. Мы — заключенные в полицейской машине.

Когда ко мне возвращаются остальные воспоминания, я начинаю жалеть о том, что не могу вернуться в свой сон.

На улице громадины автомобилей усеивают шоссе, а ветви деревьев раскачиваются туда-сюда под лунным светом. Как и многие другие места, улицы тоже превращаются в нечто жуткое и сюрреалистичное по ночам.

Что-то движется за окном.

Прежде, чем я могу опознать тень, она стучит в окно.

Я вскрикиваю.

Мама молча хватается меня за руку и тянет к себе на пол автомобиля.

— Это я, Клара, — шепчет тень.

Поворачивается ключ и открывается дверь со стороны водителя. К счастью, кто-то выключил верхний свет, и мы не привлечем внимания.

Ее худощавое тело проскальзывает на водительское сидение.

— Ты мертвая женщина, — говорит моя мама. — Вся высохла и выглядишь так, будто только что вылезла из могилы.

— Она не мертвая, мама. — Я поднимаюсь на ноги и сажусь на сидение.

— Иногда я мечтаю ею быть, — говорит Клара. Она включает двигатель, издающий поразительно много шума.

— Что ты делаешь? — Спрашиваю я.

— Увожу вас отсюда. Подальше от этих ужасных людей, — автомобиль движется по широкой спирали, объезжая другие машины.

— Выключи фары, — говорю я. — Они слишком привлекают внимание.

— Это огни дневного света. Их нельзя выключить.

Когда она объезжает препятствия, свет от наших фар падает на груды тел, искалеченных моей мамой. Судя по всему, к ним никто не захотел прикасаться, не смотря на приказ Оби.

Ужасно выглядящее тело, которое лежит на стекле, вяло пытается поднять руку, чтобы защитить глаза от света.

— Мертвые воскресают, — говорит моя мама.

Она кажется взволнованной, как будто всегда знала, что это произойдет.

— Он не был мертв, мама.

— Ты была первой воскресшей, — говорит мама. — Первой из умерших.

— Я не была мертва, — говорю я.

— Я надеюсь, он найдет свою семью, и они примут его обратно, — говорит Клара.

По ее тону понятно, что она в этом сомневается.

Я стараюсь не думать об остальных жертвах.

Как ни странно, моя мать, возможно, спасла жертв скорпионов, и они переживут эту ночь.

Когда мы уже довольно далеко от лагеря Сопротивления, Клара останавливает машину, и я наконец-то могу пересечь. Так как моя мать больше не желает сидеть на заднем сидении за решеткой, все мы перебираемся вперед, и я оказываюсь посередине.

— Спасибо, Клара, — говорю я. — Как ты достала ключ?

— Удача, — отвечает она. — Те близнецы с забавными именами уронили его всего в нескольких футах от меня.

— Они... уронили его?

Эти ребята самые квалифицированные и ловкие обманщики, коих я когда-либо видела. Трудно себе представить, что они могут просто что-то выронить.

— Да, они перекидывали разные вещи друг дружке, пока шли. Ключ упал, а они не заметили.

— Но ты заметила.

— Конечно.

— Как ты узнала, что этот ключ от нашей полицейской машины?

Она снимает с ключей брелок и показывает его мне. Это пластиковый прозрачный держатель, вероятнее всего предназначенный для фотографии.

В него вложен маленький квадратный лист бумаги, на котором нацарапано малопонятными печатными буквами:

"Пенрин в полицейской машине — супер секретно".

Когда я снова увижу близнецов, я должна буду выплатить им долг, устроив для них бой зомби-девочки в грязи.

— Надеюсь, они не попадут из-за этого в неприятности, — говорит Клара. — Кажется, они хорошие ребята.

— Я сильно удивлюсь, если кто-то вообще знал о том, что у них был ключ. Не волнуйся, они не попадут в беду. — Но один из их врагов — вполне возможно.

Мама быстро что-то шепчет в телефон, разговаривая с несуществующим человеком.

— Так куда нам нужно отправиться? — спрашивает Клара.

Это омрачает мое настроение. Такой простой вопрос... Я не могу даже начать думать об этом. И мама, и Клара гораздо старше меня, но, так или иначе, они обе полагают, что именно я решу эту проблему.

Пейдж ушла. И то тело, над которым она стояла...

Я закрываю глаза, чтобы попытаться избавиться от изображения, стоящего перед глазами, но становится лишь хуже. Кровь у нее на лице была не ее, я уверена в этом. Или она будет охотиться на людей, или люди будут охотиться на нее. А может быть и то, и другое.

Я не могу смириться с этой мыслью. Если ее поймают, к ней отнесутся также, как это сделали люди Сопротивления — свяжут, словно животное и убьют. Если же она поймают их...

Не думай об этом.

Но я должна об этом думать, не так ли? Я не могу оставить ее одну, отчаянную и испуганную.

Вероятно, Сопротивление начнет искать ее утром. Если мы первые найдем ее, то, возможно, найдем и способ справиться с ее проблемами. Но как нам ее найти?

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Давайте уедем на несколько городов от Сопротивления и скроемся до тех пор, пока не разработаем план действий.

— Хорошая идея, — говорит Клара, смотря то на небо, то на дорогу.

— Нет, — говорит мама, указывая одной рукой вперед, другой, придерживая сотовый телефон. — Езжай дальше. Она пошла этим путем. — Ее голос звучит уверенно.

Есть что-то странное в мобильнике. Он больше и выглядит более громоздким, чем обычно. Он кажется смутно знакомым.

— Что это за телефон? — Я выхватываю его у нее.

— Нет! — Мама отбирает его и бережно качает в руках, словно в колыбели. — Он предназначен не для тебя, Пенрин. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

У моей матери особое отношение к неодушевленным предметам, не такое, как у большинства из нас. Иногда переключатель света — просто переключатель. До тех пор, пока что-то не изменится.

Многие годы она использовала переключатель просто для того, чтобы включить свет. Пока однажды она не решила, что ей нужно повернуть его вперед и назад, чтобы спасти город Чикаго. После этого он вновь стал обычным переключателем. До того дня, пока ей не понадобилось вновь повернуть его вперед и назад, для того, чтобы спасти Нью-Йорк.

— Что это такое? — Спрашиваю я.

— Это дьявол.

— Дьявол в маленькой черной коробочке?

Конечно, это не имеет значения. Никогда не имело. Но по какой-то причине я хочу, чтобы она мне об этом рассказала. Может быть, это заставит меня вспомнить, где я видела это раньше.

— Дьявол разговаривает со мной через эту маленькую черную коробочку.

— О, — я киваю и пытаюсь придумать, чтобы еще сказать. — Может, выбросим ее?

Если бы все было так просто.

— Тогда как мы найдем твою сестру?

Разговор неизбежно идет по большому кругу. Я только зря трачу время.

Моя мама слегка передвигается, и я мельком вижу экран телефона. Это карта залива, на которой желтыми стрелками выделены две области.

Я узнаю этот дисплей. Я помню, как мой отец принес его однажды домой.

— Это папин прототип.

Мама прячет его за спину, словно испугавшись того, что я могу его забрать.

— Не могу поверить, что это ты его украла! Отца за это уволили, — не удивительно, что он нас оставил.

— В любом случае, он никогда не любил эту работу.

— Он любил эту работу. Он был сильно подавлен, когда потерял ее. Разве ты не помнишь, как он повсюду искал эту вещь?

— Его компании она не была настолько нужна, насколько мне. Дьявол хотел, чтобы она была у меня. Это не их вещь и она не должна была храниться у них.

— Мам... — Какой в этом смысл?

Если бы его не уволили из-за потери прототипа, то уволили бы из-за чего-нибудь

другого. Мама бы все равно что-то сделала. Трудно быть инженером, когда твоя жена названивает каждые две минуты. И если он не брал трубку, то она звонила в приемную, или его боссу, или случайным коллегам, лишь для того, чтобы узнать, все ли у него хорошо. И если вдруг никто не отвечал, то к нему неожиданно мог прийти полицейский с известием о том, что его жена устроила истерику на публике, крича и вопя о том, что кто-то там добрался до ее мужа.

— Что это такое? — Спросила Клара.

— Прототип устройства для отслеживания домашних животных, — говорю я. — Он работает с помощью крошечного трекера. Ударопрочный и водонепроницаемый. Папа показал нам его один раз. Видимо моей маме он очень понравился.

— Он был инженером?

— Был, — отвечаю я. Я не рассказываю ей о том, что к тому времени, как он покинул нас, он работал кассиром в "Севан-элеван", ближайшем к нам мини-маркете, где мама могла сидеть в углу и наблюдать за ним во время ночной смены.

— Мой муж Брэд тоже был инженером, — говорит она задумчиво, почти про себя.

На устройстве моей мамы мигает стрелка и передвигается дальше. Похоже, ее цель находится в движении.

— Что мы выслеживаем? — Спрашиваю я.

— Пейдж, — говорит мама.

— Откуда ты знаешь, что это Пейдж? — Спрашиваю я, уверенная в том, что это лишь одна из ее фантазий.

Одно дело иметь при себе устройство папы. А совсем другое — на самом деле отслеживать Пейдж, особенно учитывая тот факт, что на ней должен быть передатчик.

— Дьявол говорит мне. — Она опускает голову, выглядя при этом обеспокоенной, и бормочет. — Если я обещаю ему определенные вещи.

— Хорошо. — Я потираю лоб, стараясь быть терпеливой.

Чтобы вытащить информацию из моей мамы, нужно обладать определенным искусством. Тебе нужно находится одной ногой в реальности, а другой в ее мире, и тогда ты увидишь более полную картину того, о чем она говорит.

— Откуда Дьявол знает, где Пейдж?

Она смотрит на меня так, будто я задала самый тупой вопрос в мире.

— Конечно же, с помощью передатчика.

Иногда даже я ошибалась и недооценивала свою мать. Это легко — притворяться, что она неумная и недалекая, только потому, что верит в нелогичные вещи и принимает неверные решения. Однако ее состояние никак не повлияло на ее интеллект. Я иногда забываю об этом.

— На Пейдж есть передатчик? — Я задержала дыхание.

— Да.

— Где? Как? — Если мама поставила передатчик на сумку или на что-то подобное, что было в тот момент на Пэйдж, то, возможно, мы следовали за мусоровозом Сопротивления, а не за малышкой.

— Там, — мама указала на мой башмак.

Я взглянула вниз и сначала ничего не увидела. Потом я поняла, что мама указала не на обувь, а на желтую звезду, пришитую снизу к моим джинсам.

Я так привыкла к этой детали, что не замечала ее существования. Я наклонилась, рассматривая звезду так, словно впервые видела. Пальцы нащупали жесткий уголок. Он был крошечный и незаметный, во всяком случае, я никогда не замечала его.

— Это — ты, — мама ткнула в нижнюю стрелку, указывающую на Редвуд-сити.

— Это — Пейдж, — она передвинула палец на верхнюю на стрелку, указывающую на Сан-Франциско.

Могла ли она уйти так далеко за столь короткое время? Я глубоко вздохнула. Кто знает, на что она способна теперь?

Я помню, отец показывал нам крошечный чип, умещавшийся на кончике его пальца. У него была целая горсть таких в контейнере. Оболочка чипа, грязе- и водонепроницаемая, защищала его. Собака могла валяться в грязи и мокнуть без вреда для передатчика. Вот каким образом мама находила меня, пока я путешествовала с Раффи. Вот как она нашла меня в обители Ангелов.

— Мам, ты — гений! — она удивилась, а затем лучезарно улыбнулась.

Я не видела ее такой счастливой... не знаю, с каких пор. Ее лицо лучилось радостью, словно у маленькой девочки, только что обнаружившей, что она сделала все правильно впервые в жизни. Я кивнула: "Хорошая работа, мам". Эта мысль встревожила меня. Необычно осознавать, что твой собственный родитель нуждается в твоём одобрении и поддержке.

Мы сменили шумную полицейскую машину на тихий грузовичок, ключи торчали в замке зажигания. Я порылась в бардачке и багажнике полицейской машины в поисках чего-нибудь полезного, прежде чем перебраться в грузовичок. Я нашла бинокль и наспех собранный мешок со средствами первой необходимости.

Люди Оби всегда славились своим умением выживать в бегах. Я полагаю, во всех грузовиках Сопротивления есть такие мешки.

Клара отводит меня в сторону, прежде чем мы садимся в грузовичок.

— Не слишком надейся, — шепчет она.

— Не волнуйся, я прекрасно понимаю, что наши надежды найти Пейдж призрачны.

— Я имею в виду не это. Я о твоей маме.

— Поверь мне, у меня нет никаких надежд в отношении нее.

— Но ты надеешься. Я вижу это. Есть поговорка: если ты параноик, это еще не значит, что за тобой не следят. И обратное утверждение тоже верно: если кто-то следит за вами, это не значит, что вы не параноик.

— Не понимаю.

— То, что мир сходит с ума, еще не означает, что твоя мать не сумасшедшая.

Я отшатнулась от нее. Я так не думала. Не совсем так. Для чего ей это было нужно — украсть у меня надежду?

— Я привыкла быть нянькой. Я знаю, как тяжело такое состояние отражается на семье. Иногда помогает поговорить об этом с кем-то. Я не хочу, чтобы ты страдала, думая, что твоя мама может...

Я ударила противотуманки и габариты на новой машине, чтобы они не выдали нас. Я крушила их так сильно, что лампы практически превратились в пыль.

Нам не нужны эти фары. Достаточно лунного света, чтобы разглядеть остовы автомобилей на дороге, даже если мы не сможем разглядеть детали. Я скользнула на пассажирское сидение.

— Прости, — сказала Клара, усаживаясь на место водителя.

Я кивнула. Конец этой отвратительной теме. Она завела двигатель, и мы медленно направились в сторону Сан Франциско.

— Почему ты здесь, Клара? Я и мама — не лучшие попутчики.

Некоторое время она вела машину молча, а затем сказала:

— Возможно, я потеряла веру в человечество. Может, они правы, что уничтожают нас.

— Какое отношение это имеет к тому, что ты путешествуешь с нами?

— Ты — героиня. Может быть, ты восстановишь мою веру в людей, покажешь мне, что мы достойны спасения.

— Я совсем не героиня.

— Ты спасла мне жизнь в обители. Определенно, ты моя героиня.

— Я оставила тебя в подвале умирать.

— Ты вырвала меня из состояния живого мертвеца. Я чувствовала непрерывный ужас, без всякой надежды на спасение. Ты дала мне шанс, шанс выползти на свободу тогда, когда никто не мог этого сделать.

Она смотрела мимо меня. Ее глаза поблескивали во тьме.

— Ты — героиня, Пенрин, нравится тебе это или нет.

Моя мама без остановки бормочет в приемник. Её голос приобретает размеренную интонацию и до меня доходит, что точно такая же интонация у нее бывает, когда она молится. Потому что сейчас она обращается к дьяволу.

В темноте приходится осторожно объезжать мертвые машины, но мы справляемся с этим препятствием. Мы едем по той же дороге, по которой Раффи и я ездили в город. Но в этот раз на дороге никого нет. Никаких беженцев, никаких двенадцатилетних водителей и никаких палаточных городков. Миля за милей пустых улиц, газет, летающих около тротуаров, и оставленных сотовых телефонов, хрустящих под нашими шинами.

Где все люди? Они скрываются позади темных окон в зданиях? Даже после нападения на обитель, я не могу себе представить, что бы все покинули город.

Я поглаживаю мягкий мех игрушечного медведя. В пустынных улицах города есть что-то особенно жуткое и что-то успокаивающее в обалденном мече за моими плечами, даже если он замаскирован как мягкая игрушка.

Через несколько часов, мы уже на дороге к пирсу.

В мертвой ночи мы достигаем холма. Сан-Франциско должен быть суетливым городом со сверкающими огнями, движением и шумом. Раньше я одновременно и с нетерпением ждала и боялась поездки сюда, боялась из-за наплыва чувств. Почти всегда, блуждая по ветреным улочкам, я терялась, пока гостила у друзей или отца.

Сейчас город стал пустырем.

Убывающая луна проливает немного света на опрокинутые баки и спящих крыс, но город слишком закопчен из-за разбушевавшихся пожаров во время Великой Атаки, что поглощает больше света, чем, кажется, возможно.

Некогда красивый город, превратился в пейзаж кошмара.

Мама рассматривает землю утомленным взглядом. Как если бы она всегда знала, что так будет. Как будто она видела подобное, всю свою жизнь.

Но даже у нее перехватывает дыхание, при виде острова Алькатрас.

Алькатрас был печально известен тем, что являлся тюрьмой, в которой держали большинство самых позорных преступников. Он расположен в заливе и тускло светится под лунным светом, отраженным в воде.

У него есть свой генератор, который кто-то поднял вверх. Огни Алькатраса не приветствующие светящиеся точки. Вместо этого есть тупое, мощное свечение, которое пронизывает остров, и его хватит на то, чтобы осветить залив. И также достаточно для нас, чтобы увидеть рой неестественных существ над ним.

Мама смотрит на мигающий приемник. Она указывает на Алькатрас.

— Там, — говорит она. — Пейдж там.

Великолепно. Как она добралась до этого места за такой короткий промежуток времени? Она действительно может так быстро бегать, или кто-то привез ее, или летел вместе с ней?

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

По крайней мере, у ангелов не настолько развито чувство юмора, чтобы занять соседний остров Ангелов. Так, вероятно, сделал бы Раффи, если бы стоял во главе.

Клара паркует автомобиль в случайно выбранном углу, пытаясь поместиться в него. Я

беру с собой бинокль. Мы находимся на Пирсе 39 около Верфи Рыбака, в прежнем мире это было одним из основных мест скопления туристов, где продавались футболки, сладости и стояли открытые магазины с рыбой.

— Моим девочкам нравилось это место, — сказала Клара. — Каждое воскресенье мы приезжали сюда на обед. Девочки думали, что съесть суп из моллюсков в хлебных шариках и посмотреть на морских львов, — это чистое удовольствие. Это место было для них счастьем в бутылке. — Она пристально смотрит, в её глазах горечь.

По крайней мере, морские львы все еще здесь. Я слышу, как они лают где-то около воды.

И все же, они единственные знакомые вещи.

Доки перекошены и сломаны как структуры зубочистки. Многие здания разрушились до простой горы досок. Похоже, что пожары не дошли до них, но за них это сделали бушующие волны.

Безумные волны от всемирного цунами не доходили до залива, но это не предотвращало разрушений. Это только препятствовало затоплению этой части города и большим разрушениям.

Там, прямо на улице, на боку лежит корабль. Еще один торчит из крыши разрушенного здания.

Повсюду обломки размером с красное дерево. Очень жаль, что ангелов не убивают как вампиров. Мы могли бы заманить их сюда и устроить день охоты.

В воде стоит пришвартованный, удивительно сохранившийся, целый круизный лайнер. Я хочу побежать к нему, переплыть на нем на остров и накричать на Пейдж. Вместо этого я прячусь за грудой разбитых ящиков, где могу видеть все, оставаясь незамеченной.

Я смотрю в бинокль на Алькатрас.

Слишком темно, чтобы разглядеть существ, кружащихся над островом, в деталях, но я могу разглядеть их силуэты напротив залитого лунным светом неба.

Формы мужские.

Крылья.

И большие скорпионьи хвосты.

То, что вначале выглядело как хаотичный рой, оказывается продуманной моделью полета.

Вроде того.

Большинство скорпионов следуют за ангелом, когда он поднимается, затем опускается, затем ныряет. Скорпионы следуют за ним, словно птенцы. По крайней мере, большинство из них.

Некоторые так сильно отстают, что почти мешают ангелу, по пути своего алгоритма полета. И это алгоритм. Он повторяет схемы полета, чтобы оставаться в районе острова. Он иногда изменяет его здесь и там, но в предсказуемом варианте.

Если бы я не знала, то сказала бы, что он учит их лететь.

Птенцы учатся летать, и дельфины учатся дышать воздухом. Может быть, детей монстров нужно учить, как быть монстром. Как правило, детей учат их матери, но они их не имеют.

Ангел плохо справляется с обучением. Несколько из скорпионов устроили драку.

Даже я вижу, что некоторые из них машут крыльями слишком быстро. Они не колибри, и вероятно быстро устанут или заработают сердечный приступ, ну, я предполагаю, что у них всё же есть сердце.

Один из них падает прямо в воду. Он барахтается и визжит.

Еще один скорпион летит вниз, слишком низко к упавшему. Я не могу сказать точно, что происходит: то ли один, тот, что в воздухе, пытается помочь своему приятелю или тот, кто в воде, хочет схватить того, кто находится в полете, но так или иначе, второй тоже оказывается в воде.

Они дерутся, пытаются подняться выше, используя тело противника. Каждый борется еще за несколько глотков воздуха, стоя друг на друге. Но победитель только получает достаточный вдох кислорода, для заключительного визга, прежде чем они оба тонут.

В первый раз я их видела в подвале обители, они были в трубах, наполненных жидкостью.

Но я предполагаю, что у них, должно быть, была своего рода пуповина, или они изменились при рождении, потому что теперь видно, что они тонут.

Шаги за спиной заставляют меня присесть ниже. Мама и Клара сидят на корточках рядом со мной, за сломанным ящиком.

Я вижу множество теней вдоль старого торгового района пирса, возможно армия уже марширует прямо к нам, но я не могу их увидеть. Мы продвигаемся глубже в темноту.

Еще шаги. Они бегут.

Люди бросаются из теней и бегут в открытую, где лунный свет достигает их. Небольшая группа людей в панике отчаянно спасаются от чего-то.

Некоторые оглядываются назад, и на их лицах, во время бега, появляется выражение ужаса.

Помимо стука убегающих ног на деревянных досках, они не слышат никакого другого шума.

Они не кричат, не разговаривают друг с другом.

Даже когда женщина падает, очевидно, подвернув лодыжку, она производит не больше

шума, чем тело, мягко падающее на асфальт. Ее лицо искажает боль и ужас, но никакой звук не покидает ее рот. Она встает и, прихрамывая, бежит с той скоростью, на которую способна в данной ситуации, отчаянно пытаясь не отставать от остальной части панического бегства.

Их смятение отзывается эхом в моей груди. У меня появилось желание бежать, даже при том, что я понятия не имею от чего.

Тогда, как мои ноги дрожат от нерешительности, Эти, преследующие толпу, прибывают из-за угла.

Появились трое из них. Два скорпиона летят очень низко к земле, их крылья гудят, словно крылья насекомых.

В центре хромает ангел, который выглядит так, будто сидит на стероидах.

У огромного ангела белоснежные крылья.

Крылья Раффи.

Велиал.

Даже в этой опасной ситуации, мое сердце бешено стучит, при виде красивых крыльев Раффи на демоне Велиале.

В последний раз, когда я видела Велиала, когда он хромал с травмированным крылом. Кто-то, должно быть, пришил крыло на место, после того, как Раффи разорвал швы. Наверное, хорошо иметь злых докторов под рукой. Хромота Велиала очень заметна, но не так сильно, как это было, когда Раффи преследовал его в аэропорту.

Живот его перевязан свежими бинтами в том месте, где Раффи порезал его мечом, при моей первой встрече с ним. Я рада видеть доказательство того, что раны от меча ангела заживают гораздо медленнее по сравнению с другими, точно как и сказал Раффи.

Скорпионы летят неторопливо, размахивая крыльями вперед-назад, опускаясь достаточно низко, чтобы заглядывать в окна. Один разбивает окно — наверное, последнее нетронутое окно на пирсе.

Сокрушительный шум немедленно сопровождается испуганным воплем. Семья с детьми выбегает из двери и присоединяется к группе, бегущей от монстров.

Есть что-то особенное в движении скорпионов, и эта мысль поднимает красный флаг в моей голове.

Они не преследуют людей, чтобы поймать их.

Они выманивают добычу.

Прежде, чем я понимаю, что это ловушка, загораются огни, и рыболовная сеть падает с неба.

Тишины больше нет, над пирсом поднимается истошный крик.

Одна, две, пять рыболовных сетей, столь же большие, как крыши домов, падают с ночного неба.

Чёрные тени появляются сверху, приземляются на четвереньках, как скорпионы, прежде чем встать, как люди, на ноги.

Двое из них сначала врезаются в сломанное крыло дока, как будто они еще не вполне приобрели навык приземления. Один из них вопит в ярости на пойманных в ловушку людей, показывая рот, полный львиных зубов.

Он злобно дергает край сети, заставляя его упасть к лодыжкам людей.

Десятки людей пойманы в ловушку, они скребутся и извиваются, пытаясь найти отверстие, чтобы сбежать. Несколько жал скорпионов заставляют людей собраться вместе, в середине их ловушки. Они плачут и кричат.

Выстрелы раздаются от одной из захваченных групп. Один из скорпионов, находящийся неподалеку, направляется к ним, а после слышится визг.

Как будто раздался звонок к обеду, куча скорпионов ныряют в сетку группы, откуда пришли выстрелы. Жала набрасываются сверху и снизу, неоднократно жалея людей. С них капает кровь. А головы скорпионов впиваются в жертв, чтобы высосать их жизнь.

Через минуту крики замолкают, и там, где были живые люди, дергается груда уже высушенных тел.

Я не знаю, есть ли у кого-то еще пистолет, но после этого никто не смеет больше стрелять.

Мальчик лет восьми был отделен от своего отца. Они находятся под разными сетями. Малыш плачет — зовет своего отца, но отец выглядит как пепел, он в совершенном ужасе от разлуки.

Скорпионы загоняют их, наполовину волоча свои сети, для поддержания их перемещения, угрожая им жалами.

Мы ниже приседаем в своей тени, едва дыша.

Монстры ведут пленных к металлическому контейнеру для перевозок — похожему на те, что грузовики, поезда и корабли возят на себе. Он не далеко от нас, но со всем мусором, что валялся вокруг, я даже не заметила его.

Они открывают двери контейнера. Позади него находится металлическая решетка.

Позади ворот, люди группируются вместе настолько далеко от входа, насколько это возможно.

Половина контейнера уже набита мужчинами, женщинами и даже несколькими детьми. Они в ужасе прижимаются друг к другу, как беспомощные жертвы, коими они и являются.

Скорпионы свертывают металлические ворота и поднимают сети. Новые пленники бегут от монстров прямо в контейнер.

Скорпионы совершают удивительную вещь. Они взлетают в ночное небо, оставляя Велиала в одиночестве опускать затвор и запирают узников.

Он не торопится, будто дразня пленных. После того, как Велиал заканчивает, он вешает ключи на один из фонарей рядом с контейнером.

Затвор представляет собой сетку из цепей, и она сплетена так, что в отверстие можно просунуть руку или ногу, но даже ребенок не сможет из него выскользнуть.

Ранее запертые пленники ведут себя тихо, но новоприбывшие создают порядочный шум — они плачут и задают вопросы:

— Что происходит?

— Что они собираются с нами делать?

Велиал прихрамывает, выключая на приборной панели освещение на платформе. Его колено, похоже, беспокоит его больше прежнего. Включенным он оставляет свет лишь вблизи транспортного контейнера. Круг света там яркий, и я рада, что мы все еще скрыты в тени.

Словно ему недостаточны страх и истерия пленных, Велиал трясет затвор контейнера, затем бьет открытой ладонью по металлической стороне. Громкий лязг эхом разносится по пирсу.

Каждый пленный съеживается, и плач становится сильнее. Ужас и безнадежность крупными волнами захлестывают меня.

Велиал сует свое лицо в цепи ворот. Все отходят еще дальше. Он шипит и рычит на них. Затем хватается за край контейнера и раскачивает его.

Теперь вскрикивают даже давние пленники.

Что он творит?

Я видела его в ярости, когда он полностью выходил из себя. Сейчас все по-другому. В том, что он делает, нет азарта. Это просто работа.

Тем не менее, он на грани. И украдкой бросает взгляды на небо.

Наблюдает ли за ним? Может быть, это еще одна тренировка для скорпионов? Возможно, они все еще рядом, наблюдая откуда-то? С какой целью?

Я поднимаю взгляд, всматриваясь в темноту и остатки крыш, и сразу же чувствую себя уязвимой.

Мне виден лишь свет рядом с контейнером пленных. Огни — это маяк среди мрачного ландшафта скрученных зданий и безжизненной ночи.

Все еще не могу понять...

Вдруг, на фоне неба появляется более темный силуэт.

Грозные демонические крылья.

Широкие плечи.

Облик греческого бога, скользящего по небу.

Раффи.

Каждый нерв в моем теле оживает и пульсирует. Мой разум кричит: "Ловушка, ловушка,

ловушка!"

Вот почему Велиал один и производит все эти звуки! Шум должен был одновременно привлечь внимание и замаскировать остальные звуки, издаваемые скорпионами. Скорпионы вне поля зрения. Спрятавшиеся. Выжидающие.

Не размышляя, я инстинктивно вскакиваю и открываю рот, чтобы выкрикнуть предупреждение Раффи.

Но чужие руки, как тиски, хватают мое предплечье, выбивая меня из равновесия. Они зажимают мой рот, и все, что я могу видеть, — это огромные, испуганные глаза моей матери. Она смотрит на меня, как на умалишенную.

Мой мозг, наконец-то, догоняет остальную часть меня.

Она права.

Конечно, она права. Насколько же плохо обстоят дела, если твоя психически больная мать разумнее тебя?

Я киваю, показывая, что я снова адекватна, и сдвигаюсь так, чтобы видеть происходящее. Мама отпускает меня.

Раффи приземляется молча. Его крылья складываются не полностью. Косы на концах крыльев обнажены, и он выпускает их.

Они выдвигаемые. Я не осознала этого ранее.

Я лихорадочно пробегаюсь по вариантам моих действий. Что я могу предпринять? Крик приведет всех нас к неприятностям. Кроме того, Раффи считает, я умерла. И предупреждение может только подвергнуть его большей опасности, шокировав.

Пленники вопят, когда видят Раффи и его демонические крылья. Больно видеть, что люди предпочитают плохого парня, который выглядит как ангел, хорошему парню, который выглядит как демон.

Велиал кривит лицо в театральном удивлении, словно клоун.

— Как? Это Рафаил! Ах, как же я защищусь от великого Гнева, являющегося падшим, эхом того, чем когда-то был? — Он перестает ломать комедию. — Серьезно, Рафаил! Нет ничего печальнее, чем сокрушенная развалина, одержимая попытками возродить былую славу. Имей чуточку благородства, хорошо? Ты унижаешь себя.

— Должен ли я сначала вырвать тебе руки и ноги, а затем крылья? Или же наоборот? — Голос Раффи полон неприкрытой жестокости, такой его тон я не слышала до сих пор. Кажется, он хотел бы исполнить оба предложенных варианта.

— Почему ты так сильно хочешь вернуться, Рафаил? Что было великого в том, чтобы быть частью ангельского воинства? Так. Много. Правил. Я уже забыл, как много. Может, ты тоже?

Велиал тянет время. Он задерживает Раффи, пока скорпионы не смогут налететь на него. Я рвусь, выкрикнуть предупреждение. Но все что я могу — это молчать.

— Вся эта теория о том, что воинственная раса хозяев может существовать только, если даже маленький проступок наказывается крайне жестоко. — Велиал взмахивает рукой, словно говоря "не важно". — Это имело смысл давным-давно, когда существовало всего несколько правил, но не думаешь ли ты, что сейчас ситуация вышла из-под контроля? Мы, Падшие, с другой стороны, доказали, что раса хозяев также может выжить и с противоположной системой. Никаких правил. Ты делаешь, что пожелаешь. С кем пожелаешь.

Раффи движется к Велиалу, резкий свет подчеркивает тени на его лице. Он похож на

Ангела смерти. Или, возможно, Ангела мщения. Надвигается кто-то, кого я не могу представить.

— Ты мог бы уберечь себя от стольких хлопот, если бы прислушался и присоединился к нам. — Продолжает говорить Велиал. — Та дочь человеческая, что умерла на твоих руках? Она могла быть твоей. Никто бы не был против. Никто бы не посмел отобрать ее у тебя.

Со злобным рычанием Раффи нападает.

Он прыгает на Велиала, ударяя его крыльями, явно желая разорвать на куски.

Велиал уходит с его пути, частично избегая ударов. Он бросает работающую лампу в направлении Раффи.

Свет ударяется о пирс. Он вспыхивает, теряя соединение с электричеством, освещая борцов случайной вспышкой света.

Кровь капает с насмешливого лица и рук Велиала.

— Признайся. Тебе нравятся твои новые крылья. Зачем беспокоиться о пушистых и оперенных, когда у тебя есть свобода и сила?

— Я могу спросить тебя о том же, Велиал. — Раффи угрожающе приближается к Велиалу.

— У меня была жизнь со свободой и яростью. Пришло время для разнообразия. Немного почтительности. Немного заслуженного восхищения, разве ты так не думаешь?

Они кружат друг против друга, как акулы готовые к нападению. Теперь, когда Велиал заманил Раффи, его хромоты как не бывало.

— Почтительность и восхищение бегут впереди тебя, — говорит Раффи. — Ты ничто, разве что жалкий прислужник ангелов.

— Я не прислужник! — Его лицо становится красным и он в ярости. — Я никогда больше не буду прислужником. Ни для демонов, ни для ангелов, ни для кого! — Мигающий свет, освещает суровые тени на его лице с вздутыми венами.

Раффи снова прыгает на Велиала. Но его движение прерывают сети, падающие на него с ночного неба.

Раффи катится по пирсу, запутавшись в сети.

Вставай! Вставай!

Вся борьба бушует внутри меня. Смогу ли я смотреть на то, как казнят Раффи? Каждая частичка меня скандирует: "Нет", "нет", "нет".

Что я могу сделать? Что я могу сделать?

Раффи не борется с сетью, как я ожидала. Вместо этого он открывает свои крылья. Косы, как крючки, на его крыльях ловят сеть.

И затем его крылья разрезают сеть.

Она падает вокруг него, словно фата, когда он вскакивает, готовый к драке.

Скорпионы падают с неба, несколько из них приземлились на Раффи. Он уворачивается, но скользящие удары выводят его из равновесия.

Крылья, руки и ноги Раффи оборачиваются вокруг него. Три умирающих скорпиона кричат в агонии.

Правда, в живых осталось еще полдюжины да плюс Велиал. И как будто этого недостаточно, еще трое опустились на землю у края борьбы.

Я скидываю медведя с ножен и достаю меч, готовая воспользоваться им.

Мама хватает меня за рубашку и дергает так сильно, что я приземляюсь на задницу как маленький ребенок.

К счастью, Раффи, кажется в состоянии постоять за себя. Я сомневаюсь, что он заключил мир со своими крыльями, но, по крайней мере, он управляет ими лучше, чем когда я видела его в последний раз.

Он — бесстрашный боец. Раньше я не совсем понимала, насколько свирепым он может быть, но сейчас я думаю об этом, это первый раз, когда я вижу его в бою, без полученных перед этим тяжелых травм. У воспоминаний меча, были только его бои с мечом, там было на что посмотреть, но это больше походило на свирепый танец.

Я уверена, Раффи еще не полностью восстановился, но он удивляет. Он быстр. Быстрее чем скорпионы, которые пытаются ужалить его. Один скорпион для него не более чем, огненный муравей для человека.

Хотя его всё же превосходят численностью. Тем не менее, он не кажется обеспокоенным, пока медленно прорезает себе путь к Велиалу.

Велиал видит, что происходит и взлетает в небо. Похоже, его адская программа медицинского страхования включает и травмы крыла, потому что его крылья, кажется, в порядке.

Раффи взлетает за ним.

Я наблюдаю, как он улетает от меня. Он даже не знал, что я была рядом.

Он растворяется в темноте, как исчезающее сновидение.

Я смотрю на небо, где он скрылся, дольше, чем, возможно, следует.

Скорпионы нерешительно покидают землю. Я полагаю, они летят за Раффи, но я не совсем уверена в этом. Они определенно делают это неохотно. Почти половина остается на земле, растерянно глядя друг на друга.

Они, должно быть, худшие приспешники из когда-либо выведенных. Мужество явно не их сильная сторона. Не удивительно, что Велиалу пришлось сражаться с Раффи так долго, прежде чем скорпионы прибыли.

В конце концов, все, кто могут, улетают. Полдюжины истекают кровью или уже мертвы, лежат на расколоте пирсе. Некоторые корчатся и шипят рядом с ними. На первый взгляд они не могут больше причинять вред, но, я продолжаю присматривать за ними, на всякий случай.

Мама долго разглядывает меня. Клара, кажется, застыла от страха. Возможно, она испытывает посттравматический шок, после встречи с таким количеством скорпионов.

Самое время убраться отсюда в какое-нибудь безопасное место, где мы сможем придумать безумный план по спасению Пейдж. Но даже я не чувствую особого энтузиазма изобретать нечто безумное прямо сейчас.

Я всего лишь девчонка. Я не могу сравниться с этими монстрами. Они, возможно, и выглядят слабыми в сравнении с Раффи. Я где-то даже чувствовала себя равной ему во время нашего путешествия, но после увиденного только что, реальность развеяла все мои иллюзии.

Самоубийство — лезть на Алькатрас. Остров кишит монстрами, нет ни одного способа вернуться обратно целыми и невредимыми.

Несмотря на мое сумасбродное поведение, мама и Клара все еще надеются на меня, на то, что я найду выход отсюда. Мы в тени и должны стать еще более незаметными.

Я прислушиваюсь к врагам и монстрам. Все, что я слышу, ужасающие стоны людей, запертых в контейнере. Звуки приглушены, видимо, чтобы не привлекать излишнего внимания, но пленники не могут полностью сдержаться.

Контейнер вспыхивает под лучами ламп, лежащих на земле.

Заключенные сгрудились вместе за воротами, создавая впечатление отчаяния и вьёвшейся грязи каждый раз, когда вспышки освещают их.

Я готова рвануть прочь из-за палет, за которыми мы прячемся, но я не могу уйти. Мой взгляд прикован к людям, запертым в контейнере.

В теории, это чертовски просто — выбежать и выпустить их. Спасти от того ужаса, что их ждет.

Если бы у меня был ключ.

Велиал повесил его на один из прожекторов, но я не уверена, на который из двух. Если на тот, что он швырнул в Раффи, то может уйти час на поиски.

Я закрываю глаза, пытаюсь отгородиться от окружающих звуков. Мне нужно сосредоточиться на Пейдж и маме. Я не могу отвлекаться на всех, кто нуждается в помощи, потому что мы все в ней нуждаемся. Отчаянно нуждаемся.

Смотрю на маму и вижу ужас на ее лице. Она беззвучно шевелит губами и раскачивается взад-вперед. Вот они, настоящие монстры из ее кошмаров. Клара, кажется, выглядит еще хуже, чем это возможно.

Надо встать и вытащить нас отсюда. Я должна позаботиться о моих людях.

Плач, наполненный горем и ужасом, доносится с пирса и настигает меня.

Стараюсь игнорировать его.

Но не могу.

Это могла быть Пейдж, до того как эти ангельские монстры добрались до нее. Это почти наверняка чья-то сестра, дочь или мать. И кто знает, как бы все обернулось, если кто-то там мог помочь Пейдж, как я могу помочь этим людям.

Аххх. Почему я не могу выкинуть эти дурацкие мысли из головы?

Да уже все в порядке.

Я поднимаюсь с колен, беспокойство отражается на лице моей матери, когда она замечает, что я иду к пленникам. Я не беспокоюсь, что она последует за мной. Иногда быть параноиком — лучшее, что ты можешь сделать, что бы спасти свою жизнь.

Нет шансов, что Клара последует за мной. У нее был великолепный шанс испытать на себе вкус скорпионьих объятий. Но в ее глазах, вперемишку со страхом, я вижу кое-что, чего никак не ожидала увидеть.

Гордость.

Она ожидает, что я спасу их. Я все еще чертова героиня. Часть нее будет разочарована, если я просто развернусь и уйду.

Это почти заставляет меня отказаться от этой затеи.

Но, само собой, я не могу.

Я выскакиваю из относительной безопасности в темноту.

Раненые скорпионы сразу замечают меня. Мое сердце практически останавливается, когда они оборачиваются и шипят.

Я почти ощущаю мучительную боль от жала, панику от потери контроля над телом, когда еще остаешься в сознании. Мысль о том, что мне придется пройти через это снова, заставляет меня бежать так быстро, как это возможно.

В этом тяжком состоянии я не гляжу под ноги и поскользываюсь на крови.

Я удерживаюсь от падения, неловко взмахивая рукой и балансируя мечом.

Сосредоточься.

Не позволяй скорпионам ужалить тебя второй раз, только потому, что ты запуталась в мыслях.

Я отбрасываю все — ужас, надежду, мысли — в подвал в моей голове и хлопаю дверью, закрывая ее до того, как они вломятся обратно. Им будет сложнее открыть эту дверь из подвала.

Единственное в мире, что сейчас меня интересует, это контейнер с заключенными. Я шоркаю подошвой ботинка о землю, чтобы стереть кровь.

Как бы они не шипели и не визжали, раненные скорпионы остались внизу. Я удерживаю на них взгляд, чтобы убедиться, что они не ползут передо мной.

Прежде, чем войти в круг света, я оглядываюсь, дабы удостовериться, что нет ни скорпионов, ни ангелов, ни крылатых крыс на моем пути. Мешает то, что мои глаза уже привыкли к свету, от этого тени становятся еще темнее.

Я ныряю в свет, словно прыгаю в воду.

И тут же ощущаю себя уязвимой.

С пирса кто-нибудь может увидеть меня. Бегу так быстро, как только могу, в сторону все еще светящейся металлической тюрьмы. Все пленники успокоились, как будто сдерживают общий вдох.

Ключа нет на виду или просто поблизости.

Я оглядываюсь на вспыхивающую лампу, которую Велиал выбросил на пирс. Ключ мог отлететь куда угодно.

Либо я ищу его в этом море расщепленных досок, либо сдаюсь и убеждаюсь, что мама и Клара благополучно отсюда выбрались.

Или же я могу посмотреть, сумеет ли мой меч разрубить металл.

В моем сне он с легкостью перерубает кости, и вообще он должен быть особенным.

Прежде, чем я успеваю подумать об этом, я поднимаю меч и обрушиваю его вниз.

Клинок с легкостью разрубает замок и петлю.

Вау.

Неплохо.

Я заносу меч над вторым замком. Но, прежде, чем удастся рубануть, позади меня раздается шорох.

Наполовину убежденная, что это подполз один из раненых скорпионов, я разворачиваюсь вместе с занесенным над головой мечом, готовая ударить.

Но это не раненый скорпион.

Это совершенно здоровая особь.

Он складывает тонкие крылья так, будто только что приземлился. И гордо вышагивает ко мне на своих слишком человеческих ногах. Так или иначе, но мне было бы легче, если бы они имели когтистые лапы или что-то в этом роде, что-то, что делало бы их менее похожими на людей.

Еще два скорпионьих ангела приземляются позади первого.

Тут только один замок. Я разворачиваюсь и рублю по нему клинком.

Он отлетает. Удерживающая ворота цепь повисает открытая. Все, что им нужно — сдернуть ее и бежать.

Вместо этого, пленники ютятся сзади, застывшие от ужаса.

— Ну же! — Я бью по стенке контейнера, чтоб привести их в чувство. — Бегите!

Я не дожидаясь, пока они это сделают. Я уже оставила маму и Клару в опасности ужасающей смерти. Я могла отшлепать себя за то, что не уговорила их бежать без меня.

Ворота за моей спиной трещат.

Освобожденные пленники разбегаются, рассыпаясь повсюду, их шаги дробно стучат по деревянному пирсу.

Я бегу в противоположную сторону от мамы и Клары, надеясь отвлечь от них скорпионов.

А потом я слышу свою мать.

Она заходится в крике ужаса, леденящем кровь.

Все разошлись, инстинктивно направляясь в разные стороны.

Остались лишь несколько монстров и большое количество наших. Есть хорошие шансы на то, что некоторые из нас выберутся отсюда живыми.

Я бегу навстречу скоплению теней, где из сломанных досок торчит знак с розовым мороженым. Если я смогу обойти его, то, быть может, смогу исчезнуть в неровных тенях.

Но, прежде чем я могу добраться туда, что-то бьет меня по голове и оборачивается вокруг меня.

Я запутываюсь в сетях.

Первой мыслью было разрезать ее мечом, но теперь я окружена людьми, бегущими за мной, и мне не хватает места. Чем больше мы крутимся, тем сильнее запутываемся.

С небес падают тени. Тени с крыльями насекомых и вьющимися жалами.

Они беспорядочно приземляются. Один с глухим звуком спрыгивает на контейнер.

Некоторые садятся перед старым рядом магазинов, где находилось полдюжины людей, прежде чем сеть опутала и их.

Пять, десять, двадцать. Их так много, что начинает казаться, будто мы в улье.

Мы в ловушке.

Все снова рыдают. На этот раз, отчаяние такое сильное, что я чувствую, будто тоню в нем.

Даже если я смогу прорваться через сеть, то у меня не получится проложить себе путь через всех этих скорпионов. Я засовываю меч обратно в ножны, стараясь сделать это наименее заметно.

Сеть воняет рыбой. Для начала, я не думаю, что мы сможем идти в ней, но один скорпион хватается за сеть и тянет за шнур. Мы сваливаемся кучей, наши ноги спутываются.

Скорпион тащит нас, как собак на поводке. Его жало нацелено на нас, паря на слишком близком расстоянии. Другой скорпион идет сбоку от нас, ритмичным гулом своего жала давая понять, что мы должны делать то, что он захочет.

Я отчаянно осматриваюсь в поисках мамы и Клары, вопреки всему надеясь, что я их не увижу.

Но они тут, лишь в двух плененных сетью группах от меня. Моя мать прижимает моего мишку к груди так, будто это ее давно потерянный ребенок, пока Клара сжимает руку матери, будто умрет, если отпустит ее.

Они обе выглядят ошеломленными.

Мне плохо.

Тошнит от страха. От злости. От собственной глупости.

Я пришла сюда за сестрой, а вместо этого опрометчиво позволила поймать себя. Что еще хуже, я позволила поймать маму и Клару. И, глядя на большое количество пленников на пирсе, я понимаю, что даже не освободила кого-то другого.

Несколько групп плененных людей встречаются, когда мы приближаемся к воде. Сначала я предполагаю, что скорпионы посадят нас в новые корабельные контейнеры, но вместо того, чтобы направляться к ячейкам, они тащат нас к лодкам.

— Брайан! — молодая девушка под нашей сетью протягивает руку к парню, заманенному в ловушку под еще двумя группами.

— Лиза! — парень отчаянно зовет ее. Они прямо напротив петель сетки и протягивают их руки так далеко, как только могут, чтобы прикоснутся друг к другу.

На секунду у них получается сцепить пальцы.

Затем нашу группу тянут дальше, разлучая их. Девушка начинает рыдать, ее рука все еще тянется к нему.

Еще одну группу пихают перед Брайаном, и он теряется в толпе, все еще протягивая руки к ней.

Лодка двухъярусная и видала лучшие дни. Краска стерта таким образом, что я думаю, будто она лежала на боку на крыше разрушенного здания, пока плохие парни не нашли ей применения. Так или иначе, она все еще пригодна к плаванию. И на ней все еще виднеется синяя надпись "Тур капитана Джейка Алькатраса", хотя из-за многочисленных царапин она больше похожа на "ур капитана".

Заводятся двигатели, и нас окутывает темное облако выхлопов. Запах газа, загрязняющего воздух, появляется практически сразу. Должно быть, лодкой управляет человеческий слуга. Я надеюсь, что это не Капитан Джейк.

Всех носит по лодке. Скорпионы начинают выпускать нас из сетей.

Нам некуда бежать, естественно, не тогда, когда мы хотим прожить хотя бы еще несколько минут.

Как только первые пленники успокаиваются, я пытаюсь подобраться достаточно близко к маме и Кларе, чтобы нас сгруппировали вместе. Мама вручает мне мишку так, будто берегла его для меня.

Я одеваю мишку на меч, снова его маскирую. У меня возникает дикая надежда, что я смогу взять его с собой и, может быть, использовать мои неоперившиеся навыки, чтобы вытащить нас отсюда.

Мои надежды разбиваются в хлам, когда я вижу оружие, которое отбирают у всех заключенных, когда они садятся в лодку.

У пристани на рампе лодки растет куча хлама. Топоры, шипованные дубины, железные обломки, мачете, ножи и даже несколько пистолетов. Я бы продолжала надеяться, если бы в куче было только оружие, но там и кошельки, рюкзаки, куклы и да, даже плюшевые звери.

У заключенных все эти вещи отбирают люди. Они ни с кем не говорят и никому не смотрят в глаза. Они просто хватают все, что видят у людей, и бросают в кучу.

Я поглаживаю мишку, думая, что он мой лучший шанс спасения. Даже если я не смогу убраться отсюда, я могла бы создать достаточно беспорядка, чтобы мама с Кларой могли. Мы в том коротком промежутке времени, когда у меня еще есть меч и мы больше не опутаны сетями, поэтому сейчас или никогда.

Звучит выстрел, и звучит так близко, что мы все пригибаемся.

Мужчина, который, вероятно, не хотел отдавать свой пистолет, все еще направляет его на одну из женщин-слуг, которая теперь истекает кровью, лежа на пандусе. Его мгновенно окружают скорпионы с их жалами.

Их клыки так близко к его шее, что, я уверена, он может чувствовать их дыхание.

Он дрожит так сильно, что на самом деле опускает свой пистолет, и на передней стороне его брюк появляется мокрое пятно.

Не смотря на это, скорпионы не нападают на стрелка. Будто ждут чего-то.

— Вот, возьми ее нож, — говорит еще один человек-слуга. Его лицо перекошено от скорби, глаза полумертвые и контуженные. Он хватается кухонный нож из руки заключенного

и передает его стрелку.

— Нет, брось его в эту кучу.

Рука стрелка резко отбрасывает нож на кучу. Он выглядит таким напуганным, что, вероятно, никогда не собирался нападать на одного из скорпионов.

Скорпионы шипят и отступают, направляясь снова следить за толпой.

Мы все были так захвачены разыгравшимся представлением, что ни один из нас не подумал о побеге, пока все это происходило.

Столько причин отвлечься, чтобы мама с Кларой могли уйти.

Стрелок сменяет слугу, в которую он стрелял, и забирает оружие и сумки у остальных заключенных. Он не встречается с ними глазами и не произносит ни слова. Время от времени он бросает взгляд на женщину, которую сам застрелил, и которая умерла у его ног.

После этого не происходит никаких инцидентов, пока остальные взбираются на лодку.

Когда один из слуг тянется к моему скрытому мишкой мечу, я заставляю себя снять его с плеча и самостоятельно бросить на кучу. Это действие отбирает всю мою силу воли, пока часть меня хочет выдернуть его и проткнуть парочку скорпионов. Но их, должно быть, двадцать, или даже тридцать.

Я кладу меч на середину кучи, пытаясь быть как можно более незаметной.

Кто-то, в конечном счете, найдет его. И что случится после этого, знает один только бог.

Мама и Клара тянут меня за ними. Я догадываюсь, что выгляжу так, словно не хочу оставлять его позади. Я оглядываюсь назад на глупого мишку, частично похороненного под грудой оружия и рюкзаков, и ничего не могу сделать, но думаю, что, быть может, никогда больше не увижу ни Раффи, ни его меч снова.

Позади меня тихо плачет девушка, которая тянулась к своему возлюбленному.

Вода плещется за бортом, и судно раскачивается взад-вперед. Мы сгрудились на корабле, и вскоре уже скользим по темной воде.

Алькатрас славился как тюрьма, из которой никому не удавалось сбежать. От одного взгляда на нее в тусклом свете мне хочется быть подальше. Я рассчитываю наши шансы, думая, как буду нырять с мамой и Кларой, но кое-кто уже все решил за нас.

Брайан и Лиза — та пара, разделенная сетью, несется прямо на нас. Мое сердце наполняется надеждой, что им удастся сделать это. Мы не так далеко и им не придется плыть на другую сторону, парализованным или нет.

Но скорпионы оказываются быстрее.

Настолько быстрее, что трое из них поражают жалами пару на пути к двери.

Скорпионы не преследуют беглецов. Они предоставляют паре сделать выбор самостоятельно. Паралич наступает не сразу, но мучительная боль и скованность движений приходит моментально. Тем временем, пара достигает борта лодки и раскачивается.

Это самоубийство — прыгать. Они будут парализованы прежде, чем достигнут берега.

Но альтернатива — остаться замороженными среди скорпионов, полностью полагаясь на их милосердие.

Трудный выбор. Мне жаль эту пару. Я не знаю, что бы я выбрала.

Они остаются на корабле. Брайан наклоняется к поручню, словно все еще раздумывая: прыгать или нет. Лиза кладет голову на палубу рядом с ним.

Я понимаю. Все, кто живет сейчас — выжившие. Они выживали изо всех сил и продолжают пытаться. Брайан соскальзывает с перил и ложится рядом с Лизой, судорожно дергаясь и теряя контроль над мускулами. Скорпионы в основном игнорируют пару. Одни скучающе взмывают в воздух, другие приземляются и расхаживают по палубе.

Скорпион наклоняется и срывает очки с лица Брайана. Он пытается водрузить их на себя. Очки падают, и скорпион подбирает их, снова пытается. Озираясь вокруг, скорпион выглядит еще более странным, в проволочных очках с треснувшей линзой, человеческим телом, стрекозиными крыльями и скорпионьим хвостом.

Без меча я чувствую себя голой. Я раз за разом тянусь к мягкому меху медвежьих ножен, но вспоминаю, что их больше нет. Я сижу между мамой и Кларой — три безоружные женщины, окруженные толпой монстров.

Всего пару месяцев назад, туристы на этом судне, вооруженные камерами и телефонами, делали фото, орали на детей, целовались на фоне города. Они, возможно, бродили по улицам в только что купленном свитере, совершенно не подготовленные к холодным летним ветрам Сан-Франциско.

Сейчас здесь едва ли несколько детей, и никто из них не бегает вокруг. Парочка пожилых людей смешалась с толпой, где только четверть — женщины. Все выглядят так, будто не мылись и не ели слишком долго. Все наше внимание, безусловно, приковано к скорпионам.

Они оставили нас в покое, пока. Большинство из них не такие мускулистые и широкоплечие, как я ожидала. Некоторые из них откровенно тощие. Им и не нужно быть мощными, они используют свое главное оружие — жало, чтобы охотиться.

У каждого есть хвост, будто накачанный стероидами — толстый и мускулистый,

гротескно выпуклый. Если присмотреться поближе, можно увидеть каплю яда на кончике каждого жала, будто они поддерживают трубопровод в исправном состоянии.

Один из скорпионов носит брюки, но те надеты задом наперед, молния расстегнута, чтобы не стеснять хвост. В этом есть что-то, неотвязно беспокоящее меня, но я никак не могу ухватить кончик мысли.

Глядя, как скорпион подтягивает штаны почти человеческой рукой, я вздрагиваю. Желудок делает кульбит и меня озаряет понимание.

Это обручальное кольцо.

Что оно делает на руке монстра?

Должно быть, его привлекла блестящая штучка на одной из жертв. Как некоторые животные играют с игрушками или может быть, он обнаружил, что кольца причиняют дополнительные травмы, как кастет.

Да, должно быть именно так.

И то, что кольцо на безымянном пальце — всего лишь случайное совпадение.

Через несколько минут Алькатрас замаячил в тусклом свете. Я откидываюсь назад, словно мое движение может замедлить корабль. К тому моменту, как мы причаливаем, я вся дрожу.

Мое воображение продолжает рисовать картинки того, что нас здесь ждет. Я стараюсь гнать их, но безрезультатно.

Остров напоминает громадную скалу. Вода, должно быть, чудовищно холодна, не говоря уж об акулах, охотящихся скорпионах и зубастых демонах из ада.

Видимо, так все и закончится.

Мир уничтожен, человечество пленено, моя семья рассеяна по свету.

Эта мысль приводит меня в бешенство. Я надеюсь, злость выжжет другие чувства, потому что это единственное средство удержать меня на ногах и заставить шевелиться.

Множество узников раболепно стенают, не желая покидать лодку. Люди и животные мало отличаются в этом. И те и другие понимают, когда их ведут на убой.

Островная пристань в точности такая же, как на большой земле — темная, мрачная и усыпана острыми обломками. Холодный ветер залива задувает под рубашку, заставляя мурашки бежать по телу. Я совершенно заледенела снаружи и внутри. И все же, я заставляю себя взглянуть в лицо тому, что нас ждет.

Но ничто не может подготовить меня к тому, что происходит за пристанью.

Прожекторы горят вдоль стен, освещая дорожку, по которой мы плетемся на остров. Куда бы я ни посмотрела, везде вижу камень и бетон. Отшелушивающаяся краска и ржавчина сыплются со стены ближайшего здания.

Четыре скорпиона работают возле грузового контейнера с воротами из сети цепей, как на материке.

Они выхватывают блестящие внутренности и части тел из ведер и бросают их на бетон. Окровавленная земля вне досягаемости попавших в западню людей из металлического контейнера.

Воняет непереносимо. Эти люди находятся в западне дольше, чем я хотела бы знать. Могу судить об этом не только по вони, но и по тому, как они пытаются протянуть уставшие руки, чтобы попытаться схватить внутренности и измельченные части тел, находящиеся вне их досягаемости.

Эти люди рыдают и стонут. Никакой агрессии, только отчаяние. Их руки слишком тощие, они будто уже умерли, но еще не осознали этого.

Не может быть, чтобы из них сделали новых монстров или даже скормили им. Они слишком забиты, слишком голодны. Насколько голодными вы должны быть, чтобы охотиться за сырыми рублеными частями человеческих тел?

— Тупые, как грязь во всех ее проявлениях, — говорит знакомый голос. — Но в них все еще живы далекие, извращенные человеческие инстинкты.

Это Велиал. Демон. Краденые белые крылья разворачиваются за его спиной — божественный антураж для его громоздкой фигуры. Он встает позади скорпионов, швыряющих окровавленные куски мяса на землю. Сердце подпрыгивает как на сломанной доске, застревая на гигантской щепке.

Позади Велиала встает ангел с волосами цвета ириса и серыми перьями в крыльях, развевающимися на ветру. Он одет в светло-серый костюм, который передает умеренный вкус и элегантность.

Даже без девочек-трофеев я узнаю архангела Уриила, политика. Он тот, кто тайно организовал Раффи обрезание крыльев, чтобы убрать с дороги кандидата-конкурента в предстоящих ангельских выборах. Как будто этого было недостаточно, чтобы презирать его, но еще он любит прогуливаться в компании пары девушек, наводя на них ужас.

— Ты имеешь в виду свою саранчу или их игрушки? — крылья Уриила частично разворачиваются за ним, как сияние тела.

В мягком свете отеля ангельской обители его крылья выглядели почти белыми, с оттенком серого, но теперь в ярком свете городских огней они смотрятся серыми с полумночным оттенком.

Саранча?

— Саранчу, — говорит Велиал. — Люди тоже тупы, как камни. Но они слишком измучены, чтобы использовать инстинктивную изобретательность. Ты знаешь, что саранча думала, будто это игра для них? Меня это привлекло. Они также лживы, как и любой демон ада. — Он произносит это почти гордо.

Он, должно быть, имеет в виду скорпионьих монстров. Я всегда представляла саранчу похожей на кузнечиков, а не скорпионов, так что мне не ясно, почему он их так называет.

— Ты уверен, что тот, кого ты обучал, научит других?

— А кто поручится? Их суждения туманны, а мозги усохли, они, возможно, свихнулись после изменения. Трудно предугадать, что они сделают, но этой партии нужно уделить особое внимание. Они действительно кажутся более способными, чем другие. Они ближе к лидеру группы, чем ты думаешь.

Скорпион с белой прядью в волосах устает от игры и направляется к контейнеру с людьми. Лес костлявых рук отдергивается от решетки. Ноги пленников скребут пол, будто они пытаются отползти от монстра.

Скорпион встает перед тускло освещенным внутренним помещением. Потом он бросает окровавленный кусок в клетку.

Ночь тут же наполняется металлическим шарканьем, животным ворчанием и приглушенными криками разочарования и отчаяния.

Люди внутри дерутся друг с другом за кровавые куски. Насколько я знаю, это мог быть кусок кого-то из них самих, кого бы вытащили, а потом забросили обратно в качестве агонизирующего корма.

— Видишь, что я имел в виду? — Велиал улыбается, как гордый папаша.

Я ускоряюсь, желая быстрее миновать контейнер. Но другие движутся в том же темпе, стараясь не привлекать к себе внимания.

Мою руку зажимают в крепкой тяжелой хватке, отчего я дергаюсь так, что шея хрустит. Скорпион с сальными волосами, стекающими на плечи, тащит меня вон из толпы.

Тот, что с белой прядью, кидавший куски тел пленникам, смотрит на меня. Его лицо заинтересованно светится. Он направляется ко мне.

Вблизи его плечи и бедра огромны. Он выхватывает меня у второго и тащит за собой, держа оба моих запястья в одной руке. Он направился к пыточному контейнеру с его отчаявшимися жертвами. Костлявые руки с неестественно длинными пальцами тянутся сквозь металлические ячейки сетки.

Я не могу протолкнуть достаточно воздуха в легкие, а то, что удастся вдохнуть, застревает кляпом. Вблизи стоит дичайший смрад.

Я запинаюсь за что-то бугристое и скользкое, но хватка монстра настолько сильна, что я остаюсь в вертикальном положении.

Мое сердце почти останавливается от осознания того, что я не дойду до каменного здания, а вместо этого, присоединюсь к замученным жертвам.

Я упираюсь ногами и сопротивляюсь. Из всех сил стараюсь ослабить одну из рук монстра. Но мне не сравниться с ним в силе. Пара шагов, и скорпион бросает меня к металлической сетке. Я врезаюсь в нее, хватаясь за цепи, чтобы удержаться на ногах.

А потом я обнаруживаю, что темные тени из задней части коробки, шаркая, направляются ко мне.

Сгорбившиеся, с остро выпирающими руками и ногами, тряпками, волочащимися по полу, они отпихивают друг друга, чтобы как можно быстрее добраться до меня. Крик вырывается из моего рта, когда я неистово рвусь назад. Руки тянутся, как прорастающий через сетку лес костей.

Они хватают меня за волосы, лицо, одежду. Я мечусь и кричу, стараясь не смотреть на их костлявые лица, грязные волосы и окровавленные ногти. Я разворачиваюсь и дергаюсь, безнадежно пытаюсь вырваться из их хватки. Их слишком много, но они слабы, едва стоят на ногах. Мне удается вырваться.

Белая Прядь издает серию громких звуков, подозрительно похожих на смех. Ему кажется это забавным. Он хватается за меня и тащит к потоку людей, двигающихся с паромом.

Он и не собирался бросать меня в пыточный ящик. Просто хотел подразнить пленников и, похоже, меня. Никогда до этого не хотела никого убить с таким нетерпением. Но его я точно хочу убить.

Мы идем по протоптанной дороге к главному зданию, расположенному в верхней части острова. Над нами хаотично летает рой скорпионов. Их тут так много, что они создают потоки воздуха, движущиеся в неестественных направлениях. Я из прошлого помню, что является паттерном их полета, но здесь и сейчас это выглядит и ощущается так, как будто мы находимся внутри гигантского гнезда насекомых.

В поле зрения не обычные ангелы. Это не может быть их новой обителью. Из того, что я видела, ангелы предпочитают самые лучшие вещи, Алькатрас для них недостаточно высокого класса. Должно быть, это центр обработки людей.

Я оглядываюсь посмотреть, чем заняты мама и Клара. Клару с ее набрякшей кожей и морщинистым телом найти легко, а вот маму обнаружить не могу. Когда Клара видит, что я ищу ее, она оглядывается тоже, и, казалось бы, с удивлением обнаруживает, что мамы нет рядом.

Никто, кажется, не ищет пропавшего заключенного. Не знаю, плохо это или хорошо.

Я не могу ничего расслышать за жужжанием насекомых крыльев, но наши охранники доходчиво объясняют, когда хотят, чтобы мы двигались. Мы поднимаемся к каменному зданию на скале Алькатрас, следуя по пути, пройденному множеством узников прошлого.

Беспорядочный ветер запутывает мои волосы вокруг головы, отражая то, что я ощущаю внутри.

Как только мы входим в здание, шум и ветер пропадают. Вместо этого слышен тихий стон, эхом отражающийся от стен. Это не стон одного человека, а стон здания, полного людей. Я в аду!

Я слышала о жутких условиях некоторых иностранных тюрем, мест, где права человека — лишь мечта, которую видят по телевизору или о которой читают студенты университетов. Только я не понимала, что охранники, ужасные условия и ощущение того, что ты в ловушке — это лишь часть ада.

Остальная часть находится в вашей голове. Вещи, которые вы себе представляете, крики, которые вы слышите неизвестно от кого. Вид женщины, которая без остановки плачет на несколько клеток дальше вас. Вы объединяете все это в одну историю, включающую в себя бульканье, лязг и высокий пронзительный звук, словно от электропилы.

Нас засунули в старые тюремные камеры, украшенные ржавчиной и полосками краски. Вот только нас не держат в клетках по одному или по двое, как должно быть. Есть только стоячие места.

Хорошо, что койка занимает довольно много места, иначе скорпионы запихнули бы сюда еще людей, и мы просто задохнулись бы. Не многие люди помещаются на койку одновременно, но все же она позволяет отдохнуть раненым и пригодиться, когда кто-то из нас будет готов ко сну.

Через равные промежутки времени срабатывает какой-то сигнал, разносится по зданию и отражается эхом от стен, сводя нас с ума. Словно это место и без того недостаточно адское... Кроме того, каждые несколько часов кого-то из нашей группы уводят по коридорам, отчего наши нервы сдают еще больше.

Кажется, никто не знает, что происходит с теми, кого забрали, но ни один из них так и не вернулся. Охранники, сопровождающие эти группки, состоят из нескольких человек и нескольких скорпионов в качестве резерва. Человеческие охранники очень стойкие и почти не разговаривают, что делает их еще более пугающими.

За этими циклами страха, я теряю счет времени, как внутри, так и снаружи. Я не знаю, находимся мы здесь в течение нескольких часов или нескольких дней. Когда раздается лязг двери, мы знаем, что еще одна группа покидает нас.

Они проходят мимо нас, и я узнаю несколько лиц. Один из них — отец, отделенный от своего сына. Его глаза отчаянно ищут своего мальчика среди тех из нас, кто еще остался за решеткой. Он отыскивает его, слезы бегут по лицу взрослого.

Мальчик находится в клетке напротив меня. Остальные заключенные окружают его, поскольку он дрожит от слез, когда видит, как его отец уходит от него.

Один из мужчин начинает петь "О, благодать" ^[4] красивым, глубоким баритоном. Эта та песня, слова которой не знают многие, включая меня, но все мы признаем ее в своих сердцах. Я напеваю вместе с остальными, когда обреченная группа проходит мимо нас.

Сигареты. Кто знал, что они станут такой проблемой в конце мира?

В нашей камере есть несколько курильщиков, и один из них раздал сигареты. Мы застряли здесь вместе и, как бы не старались курильщики, они не могут курить так, чтобы дым не попадал кому-нибудь в лицо. В Калифорнии, пожалуй, ты с таким же успехом

можешь плюнуть человеку в лицо, как и пустить в него струю дыма.

— Серьезно, не могли бы вы перестать? — спрашивает парень. — Вам не кажется, что здесь достаточно плохо и без вас, загрязняющих воздух?

— Очень жаль. Если и было время, когда я больше всего нуждалась в сигарете, то это оно. — Женщина тушит свою сигарету о стену. — Впрочем, «двойной латте» тоже великолепно звучит.

Двое других заключенных продолжают курить. У одного из них на плечах и вдоль рук есть татуировки. Сложные и красочные рисунки явно были сделаны в Мире До.

До того, как пришли ангелы, в районе залива были кое-какие банды. Не много, и все они остались на своих небольших территориях, но все же они здесь были. Они, вероятно, стали причиной того, что уличные банды так быстро разрослись. Они уже были созданы и организованы. Сперва они разграбили магазины, а потом принялись за вербовку.

Держу пари, что этот парень был одним из первоначальных членов банды. От него исходит дух такого района, какой инженерам Кремниевой долины не удалось воссоздать, даже не смотря на то, что они сделали за последние несколько месяцев с улицами.

— Что тебя беспокоит, мальчик-вегетарианец? — спрашивает мистер Тату. — Рак легких?

Он наклоняется к другому парню и фальшиво кашляет, выдыхая дым ему в лицо.

Все напрягаются. Люди отодвигаются от него, но не могут оказаться достаточно далеко. Мы в ловушке так близко друг к другу, что если завяжется борьба, то достанется всем. Будто мы попали в блендер. Чтобы вы не делали, вы не сможете остаться в стороне.

Словно нам и без того не достаточно напряжения, вновь раздается сигнал, играя на наших нервах.

Вы думаете, что если в группе настоящий бандит — все остальное должно отступить на второй план? Это не так.

Долина — это не только сборище умных инженеров с приятными манерами. По словам моего отца, который раньше был одним из кротких инженеров, а потом стал самым образованным продавцом в округе, долина также наполнена рисковыми, энергичными генеральными директорами и вычурными капиталистами с мега-крутыми лицами. Воротилы. Предприниматели на скорость. Словно президент Соединенных Штатов пришел к вам на ужин.

Теперь мы живем в мире, где главные лидеры, получившие образование в Лиге Плюща, сидят за решеткой с обученными улицей бандитами, такими, как Тату, и спорят о праве курить. Добро пожаловать в Мир После.

Мистер Альфа — крупный блондин, лет тридцати с хвостиком — вероятно, постоянно посещал тренажерные залы, когда те еще работали. Держу пари, у него очаровательная улыбка, правда сейчас его нервы растянулись на пару футов дальше, чем вообще могут, и единственное, что помогает ему не сломаться — упорство и сила воли.

— У меня аллергия на сигаретный дым, — говорит Альфа. — Посмотри, нам все надс сотрудничать, чтобы выжить.

Он говорит сквозь зубы, явно пытаясь выглядеть круто.

— Таким образом, ради тебя я должен перестать курить? Отвали. Нет у тебя никакой аллергии на дым. Тебе он просто не нравится. — Тату глубоко затягивается своей сигаретой.

Третий курильщик тушит свою сигарету, похоже, надеясь, что его никто не заметит.

— Положи сигарету! — В голосе Альфы слышится настоящий приказ, который можно

уловить даже за визгом сигнализации.

Этот парень, вероятно, привык к тому, что его слушаются. Человек, который раньше имел влияние.

Тату бросает свой, все еще тлеющий, окурок в сторону Альфы. На мгновение все расслабляются. Но затем Тату достает новую сигарету и закуривает. Сигнал отключается, но окунуться в тишину гораздо хуже. Лицо и шея Альфы становятся ярко-красными. Он отпихивает другого парня, не заботясь о том, что его могут избить до полусмерти. Может быть, ему все равно. Может быть, ему легче умереть так, чем ждать того, что приготовили для нас ангелы.

Проблема в том, что он делает выбор и за всех нас. Драка в камере размером с гроб сулит множество травм для каждого из нас, в то время как мы не можем себе позволить ни одной.

Люди начинают отступать назад.

Я в переднем углу, рядом с Кларой. Тела уже прижимают нас к решетке. Если начнется паника, то мы окажемся прижаты к металлическим прутьям. Это нас, конечно, не убьет, но кости переломать может. Сейчас не лучшее время для сломанных костей.

В центре клетки Мистер Тату бьет Альфу. Тем не менее, недооценивать Альфу не стоит.

Он хватается за куртку и размахивает нижней частью молнии перед глазами Тату. Она попадает женщине в лицо. Тату неосторожно отводит руку назад и попадает прямо по шее старика.

Мужчина падает прямо на Клару, отчего она ударяется головой о решетку. Я пытаюсь не лезть не в свое дело, но это не кончится ничем хорошим для каждого из нас.

Я проталкиваюсь к борцам и хватаю Тату за плечи. Я упираюсь коленом ему в спину. Я осторожна и прежде, чем толкнуть его, убеждаюсь, что не выбью себе колено. В нашем положении сломанное колено означает смертный приговор.

Когда он оказывается на уровне моего роста, я тяну его за плечи к себе и обхватываю его голову. Одной рукой я обхватываю его лоб, а другой удерживаю за шею.

Я сжимаю руки, показывая, что серьезно настроена. Я не пытаюсь задушить его, перекрывая доступ воздуху. Удушье из-за перекрытия доступа крови к головному мозгу наступает быстрее. У него 3–5 секунд до потери сознания.

— Расслабься, — говорю я.

Он немедленно подчиняется. Этот человек участвовал в достаточном количестве боев и знает, когда надо остановиться.

Альфа напротив, не знает меры. Судя по его выпученным глазам и малиновому лицу, он все еще напуган и расстроен. Он отводит ногу назад, кого-то пиная в процессе, и готовится ударить Тату, словно футбольный мяч, пока я держу его.

— Если ты его ударишь, клянусь Богом, я позволю ему съесть тебя живьем.

Я понижаю голос и стараюсь вложить в свои слова столько командного тона, сколько могу. Но мистер Тату, скорее всего, думает лишь о том, какие тощие и короткие у меня руки. И вот прямо сейчас, по моему голосу, он, должно быть, понимает, что я женщина. Я окажусь в мире боли, если не смогу получить над ним контроль, пока он все еще на коленях. Потому что, когда он будет возвышаться надо мной и смотреть сверху вниз, к нему в голову могут прийти ненужные идеи.

Так что я делаю то, чего никогда бы не сделала в Мире До.

Даже не смотря на то, что он сдался, я вырубая его. Тату падает, ударяясь головой об

пол.

Он будет в отключке всего несколько секунд, этого времени мне хватит, чтобы разобраться с Альфой. И когда эти двое придут в себя, беспомощно лежа на полу и смотря на меня, возвышающуюся над ними, до них дойдет сообщение, ясное и четкое: я здесь главная. Умереть вам или жить — решаю я. Я же решаю, когда вам драться, а когда нет.

Все это хорошо звучит в моей голове. Только это не работает.

Я собираюсь схватить Альфу, когда нас поражают такой силой, которую я могу описать как пушечный залп из шариков льда, выстреливающих в нас. Эта сила откидывает меня назад к стене. Но в отличие от пушечных выстрелов, это не заканчивается.

Мне требуется секунда, чтобы понять, что нас выводят из строя струи воды, бьющие из пожарного гидранта. Такие ледяные и сильные, они замораживают воздух в моих легких.

Когда пытка, наконец, прекращается, я лежу на полу, как кусочек потрепанной мокрой тряпки.

Грубые руки хватают меня, ставят на ноги и тянут из камеры. В напряженной борьбе за воздух, я смутно заметила мужчин с жестокими лицами, также вытягивающих Тату и Альфу.

Меня шатает, поэтому я волочу ноги рядом с моими похитителями. Это лучше, чем, если бы мои руки вылетели из суставов. Когда стало ясно, что я иду, не сопротивляясь, один из парней отпускает меня и помогает двум другим тянуть Тату. Он начинает приходить в себя и борется в страхе и замешательстве.

Мой охранник подходит к Тату и сильно бьет кулаком в живот, пока другие все еще держат его. Я сочувственно съеживаюсь. После этого мы все перемещаемся по центральному коридору без сопротивления.

Охранники ведут нас в кирпичный проход с облупившейся краской, и мы проходим через железную дверь. Потертая вывеска гласит: «Только для персонала».

Дверь ведет на узкую лестничную клетку, которая издает глухой металлический звук, когда мы спускаемся.

Пространство внизу кажется промышленным, почти как завод. Решетка из капель воды висит от потолка до пола.

Когда мы подходим ближе, я могу лучше рассмотреть окружающую обстановку. Это нечто свернувшееся в каплях воды. Люди!

Голые, застывшие в позе эмбриона. Без сознания висят в воде.

В них было что-то знакомое и ужасающее.

Я продолжаю надеяться, что увижу одного сосущего палец или подергивающегося, но никто из них на самом деле этого не делает.

— Что это? — спрашивает мужчина в центре комнаты, смотря в нашу сторону.

На нем фланелевая рубашка навыпуск и в руке клипборд. С вьющимися каштановыми волосами и карими глазами, он выглядит как студент колледжа, проводящий опыты. Я предположила, что он был бы нормальным парнем в любой обстановке, кроме этой.

— Нарушители, — отвечает мой охранник.

— Проведите их в конец комнаты, — говорит мужчина с клипбордом. — Может, пригодится маленькая помощь в последней сетке.

Тату, который сейчас идет самостоятельно, не вызывая проблем, первый проходит в поле водяных клеток. Охранник Альфы тянет его следующим. До сих пор, мой охранник позволял мне идти самостоятельно, не притрагиваясь ко мне. Сейчас он схватил мою руку, как будто испугался, что я могу убежать.

— Кого из них, Док? — спрашивает мой охранник.

— Любого из них до тех пор, пока они будут в последней сетке, — сказал Док, проходя мимо нас в сторону кабинета с обзорным окном с видом на водяные клетки.

Мы входим в водно-капельную матрицу. Первая сетка содержит людей.

Пока мы идем в конец комнаты, люди внутри капель начинают изменяться. Это похоже на замедленную киносъемку развития плода.

На треть пути в матрице, у них были хвосты.

На половине пути у них начали расти прозрачные крылья.

На две трети пути, в них узнавались, монстры скорпионы.

Подземная комната наполнена скорпионами в разных стадиях развития.

Их сотни.

Все они начинали с людей.

Когда мы достигли последней сетки, скорпионы выглядели полностью сформированными с волосами, спадающими им на плечи, и зубами, которые превратились из человеческих в львиные. Кто-то в этом последнем ряду настороженно двигался и смотрел, как мы приближаемся.

Эта лаборатория на несколько поколений опережает ту, что я видела в обители. Она более упорядоченная, зародыши в ней выглядят более крепкими и опасными. Сколько здесь этих скорпиофабрик?

Тату снова начинает отбиваться от охранников. Их трое, и его боевые навыки небрежны и неумелы при всех его мышцах и позиции.

Он хватает своих охранников, мышцы на его шее и руках напрягаются, удерживая их. Охранники собираются толкнуть его в водяную клетку, когда он неожиданно вырывается, толкая туда локоть одного из охранников.

Нечто в воде двигается так быстро, что я не верю своим глазам.

В одну секунду, охранник держит плечо Тату, когда его локоть входит в воду.

В следующую секунду, охранник наполовину в капле, брыкая ногами в воздухе, и вода становится кровавой.

Мы в ужасе таращимся на то, как охранник бросает вызов гравитации и еще неведомо скольким законам физики — повиснув отчасти внутри, отчасти снаружи. Внутри водяной клетки монстр накачивает шею охранника ядом, пока он не проступает на его лице. Облака крови окружают их в этой невероятной капели, которая как-то сохраняет свою форму и вмещает жидкость, несмотря на то, что тело охранника прорвало ее.

Глаза Тату расширяются, когда он понимает, что ожидало его. Он смотрит на меня и Альфу. Он, наверное, видит то же выражение на наших лицах.

Мы следующие после него. Альфа кивает Тату, как будто они о чем-то договорились. Я предполагаю, ничто кроме ужасной неизбежной смерти, не заставит людей позабыть свои разногласия. Они хватают одного из оставшихся охранников, все еще держащих Тату. Объединившись, они засовывают его голову в другую клетку.

Скорпион в капле скользит в воде, чтобы вцепиться в него. Охранник отчаянно отталкивается назад, инстинктивно упираясь руками в края водяной клетки для усиления.

Его руки скользят прямо в воду. Теперь он не может вытащить их.

Его спина, шея и руки напрягаются, пытаясь вырваться из ловушки, ноги скользят вперед, но все безрезультатно. Охранник начинает биться в конвульсиях. Каждый мускул на его теле трясется от приглушенного крика, когда он отчаянно отталкивает зародыш скорпиона.

Я не могу больше смотреть. Остальные охранники, больше не превосходящие численностью нас, убегают. Двое бегут к задней двери, а мой охранник бежит в другом

направлении.

Бульканье пузырьков и шарканье обуви жертвы по решеткам пола против моего тонкого эмоционального мира. Но в скором времени, обе жертвы затихают, парализованные.

Неожиданно становится очень тихо.

— И что теперь? — спрашивает Тату.

Несмотря на свои мышцы, он выглядит как потерянный маленький мальчик.

Мы осматриваемся в лесу монстров, подвешенных в каплях.

— Мы выберемся отсюда, — говорит Альфа.

От задней двери доносится шипение скорпиона.

Мы бежим через матрицу к главной лестнице, стараясь не врезаться в какую-нибудь каплю.

Грохочущее эхо проходит через большую комнату. Ряды капель, раскачиваются, угрожая упасть.

Я не хочу думать о том, что произойдет, если они упадут. На мой взгляд, вода уже плещется на пол, и зародыши монстров расправляются, поскольку мы бежим мимо.

Сооружение на потолке, где висят ряды капель, медленно сдвигается назад.

Матрица перемещается назад по одному ряду, а затем останавливается.

Происходящее заставляет меня чувствовать себя еще более сюрреалистично, когда зародыши скорпиона изменяются в человека. К моменту, когда мы добираемся до нового ряда пустых капель, до нас доходит эхо шагов идущих вниз по лестнице впереди нас. Мы крадемся, оглядываясь по сторонам.

Единственное место, слева от перехода — офис для наблюдения за Матрицей Монстров. Через несколько шагов, мы оказываемся уже в помещении.

Док, парень во фланелевой рубашке и джинсах, стоит у древнего телевизора. Он поднимает глаза от заметок на клипборде.

Альфа одной рукой хватается за волосы Дока, а другой захватывает ручку и ставит около глаза, готовый нанести удар.

— Я собираюсь ткнуть это тебе в глаз, если ты не уберешь этих монстров от наших спин. — Шепчет Альфа.

Я до сих пор думаю, что он раньше был работником какой-нибудь компании, ну, по крайней мере, он так выглядит. Может быть, жизнь в офисе жестче, чем я думала.

— Один человек так же хорош, как другой, — говорит Док, уставившись на ручку. — Они не будут искать Вас.

Словно в подтверждение его слов, он отводит взгляд к большому окну с видом на лабораторию. Группа проходит в фабрику ниже нас. Несколько скорпионов пропускают линию грязных, голых людей. Перед ними новый ряд пустых водных капель.

Один из приспешников стоит перед группой. Мы можем услышать через открытую дверь, что он говорит:

— Так будет лучше для вас, просто делайте, что вам говорят. — Кажется, он на самом деле верит, что делает им одолжение. — В противном случае, это можете быть вы.

Он кивает двум другим приспешникам.

Они хватают ближайшего человека и тянут его вниз на несколько рядов, где они пихают его в водяную клетку.

Даже отсюда я могу услышать его булькающий крик приглушенного протеста. Полусформированный скорпион дергается, как будто пытается ужалить добычу, еще не имея жала, он закрывает свой все еще человеческий рот.

Я отвожу взгляд, пока могу.

Голые люди стоят перед дверью как замороженные, они в трансе от ужаса.

— Ваш выбор, — говорит парень, который я предполагаю, является бригадиром. — Вы можете стать похожими на него.

Он показывает на жертву скорпиона.

— Или вы можете войти в одну из этих водных капель без каких-либо проблем. Первым пятнадцати людям, я позволю добровольно пройти в воду.

Все выходят вперед.

Бригадир начинает набирать людей наугад, и они проскальзывают в свои водяные клетки.

— Как я смогу дышать? — Спрашивает крупный человек, чье тело уже в капле, но его голова пока еще нет.

Один из приспешников пихает голову человека в каплю, не отвечая ему.

Вопрос, кажется, доходит до всех, как только они оказываются в воде. Я думаю, вся ситуация была настолько странной и сюрреалистичной, что жертвы должно быть полагали, что об этом заранее уже позаботились для них. А может, они просто решили, что они могли бы держать голову над водой.

Когда они понимают, что они в ловушке и не могут выйти обратно, их лица отражают не тревогу, а настоящую панику.

Передний ряд капель качается хаотичными толчками, уже с новыми уродами внутри. Пузыри заполняют капли, через минуту уже последний драгоценный воздух выходит из жертв. До нас, из воды, доходят несколько криков. Приглушенные звуки отскакивают от стен лаборатории.

Остальные люди отступают, ясно сожалея о своем решении. Но приспешники хватают их и засовывают в капли. Теперь я понимаю, что они выполнили всю тяжелую работу заранее, так как первые люди определенно были самыми крепкими и сильными из жертв.

К тому времени, когда становится очевидно, что это не сделка, остаётся только самый слабый из группы.

Тату спокойно закрывает дверь, отрезая нас от шума внизу.

Альфа откидывает голову Дока назад, всё ещё держа ручку у его глаза.

— Как ты можешь жить с таким грузом на совести? — Рычит Альфа.

— Спрашивает человек, который угрожает нанести удар в глаз такому же человеку, — говорит Док.

Тату наклоняется к Доку.

— Твои человеческие привилегии аннулированы, мудака.

В офисе есть стол, стул и старомодные банки с телесными сгустками, на которые я не хочу смотреть. Я не удивлюсь, если этот материал использовался в Алькатрасе, когда это еще была тюрьма для настоящих преступников.

— Я заключенный здесь, такой же, как и ты, — говорит Док сквозь сжатые зубы. — Я делаю то, что они заставляют меня делать, так же, как и ты. И так же, как у тебя. У меня. Нет. Выбора.

— Да, — говорит Альфа. — Только в отличие от нас, ты не безобидная еда для монстров, не биомасса для каких-либо еще вещей.

Позади Дока стоят коробки размером с книгу. На каждый из них приклеена картинка, а под картинкой написано имя. Я собираюсь пройти мимо, когда одна из надписей попадает мне на глаза.

На коробке фломастером написано ПЕЙДЖ. Зернистая фотография плохого качества но темные глаза и лицо эльфа угадываются безошибочно.

— Что это? — Моё сердце колотится быстрее, говоря мне забыть об этом.

— В настоящее время человеческая раса уничтожена и ты думаешь, что я рад этому? — спрашивает Док.

— Что это? — Я поднимаю коробку, на которой написано ПЕЙДЖ.

— Дай-ка угадаю, ты смело борешься за то, чтобы освободить нас, — говорит Альфа.

— Я делаю все, что могу.

— За их спинами, без сомнения, — говорит Альфа.

— Так, что никто этого не заметил, бро, — сказал Тату.

— Эй! — говорю я. — Что это?

Они, наконец, смотрят на меня с коробкой в руках, с именем Пейдж на ней и фотографией.

— Это видео, — говорит Док.

Колокола тревоги звучат снова, отдавая эхом от стен.

— Что за чертовщина? — спрашивает Тату. — И почему они не уходят?

— Там на свободе одна сумасшедшая леди, — говорит Док. — Держит открытыми аварийные выходы. Нажимает тревогу. Вы позволите мне идти?

Ну, по крайней мере, с моей мамой все в порядке.

— Я хочу посмотреть это видео, — говорю я.

— Серьезно? — спрашивает Тату. — А попкорнчик подогнуть?

— Я думаю, что это моя сестра. — Я поднимаю видео. — Мне нужно это посмотреть.

— Пейдж твоя сестра? — спрашивает Док.

Он, кажется, действительно замечает меня только сейчас. И тут я понимаю — он знал

Пейдж. Док пытается подойти ко мне, но Альфа дергает его за волосы назад.

— Вырви мне глаз или отпусти. — Док вырывается из хватки Альфы, выглядит он так, словно готов его ударить.

— Мне нужно посмотреть это видео.

— Если эта маленькая девочка была твоей сестрой, — говорит Док. — Я боюсь, она умерла в атаке на обитель.

— Нет. — Говорю я.

Он моргает, с удивлением смотря на меня.

— Откуда ты знаешь?

— Я была с ней вчера, или сколько прошло с тех пор, как я добралась сюда.

Взгляд Дока сосредотачивается на мне, как будто прямо сейчас я единственная в его мире.

— Она не набросилась на тебя?

— Она моя сестра. — Как будто это ответ на вопрос.

— Где она сейчас?

— Я думаю, что она здесь. Мы следовали за ней.

Тревога отключается, и мы немного расслабляем плечи.

— У нас нет времени, чтобы смотреть видео, милая. Ты с ума сошла? — спрашивает Тату. — Забери его с собой.

— Это бетамакс, — говорит Док. — Здесь, возможно, единственный проигрыватель бетамаксов во всем заливе. Кассета такая же древняя, как и всё, что здесь оставлено.

— Что такое бетамакс? — спрашиваю я.

— Устаревший видео формат, — говорит Альфа. — Старше, чем ты.

— Так что ты не сможешь увидеть это видео нигде, кроме как на этом аппарате, — говорит Док.

— Что у вас за план? — Я спрашиваю Альфу и Тату. — Могу я посмотреть это видео и встретиться с вами, ребята?

Они переглядываются, и становится ясно, что ни у одного из них нет плана.

— Мы берем его в плен и уходим отсюда, — говорит Альфа.

— Тогда мы все умрем, — говорит Док. — Я значу для саранчи не больше, чем вы.

— Саранчи?

— Они, — он кивает в сторону окна. — Так ангелы называют их. Не представляю почему. Они должны положить конец человечеству.

Он на минуту исчезает в своем мире, смотря на фабрику скорпионов, и затем, кажется, вспоминает о нас.

— Послушайте, если вы хотите сбежать, то сегодня ночью самое подходящее время. Кто-то что-то планирует, поэтому вся саранча улетит на миссию.

— И почему мы должны тебе поверить? — спрашивает Тату.

Он откуда-то достал нож для вскрытия писем и теперь проверял остроту лезвия.

— Потому что я человек, такой же, как и ты. Мы в одной команде, нравится тебе это или нет.

— Как долго существ не будет? — спрашивает Альфа.

— Не знаю.

— Когда они улетят?

— Я знаю только то, что сказал тебе. Сегодняшняя ночь, лучший шанс для вас.

— Если бы они ушли, мы бы смогли освободить всех, — говорю я, думая о Кларе и маме и всех, кто спел “О, благодать”, когда те люди шли на смерть. Теперь я знаю, куда они ушли.

— Сложно сбежать, когда нужно заботиться обо всех — говорит Альфа.

— На такой маленькой лодке не сбежишь, — говорю я. — Если вы не планируете плавать с акулами, чтобы выбраться отсюда. Чем больше людей, тем больше шансов, что кто-то из нас всё же сделает это.

— Если каждый побежит, — говорит Альфа. — То, гарантирую, многие из нас не смогут сделать это.

— Если мы оставим людей позади, то никто не сможет выбраться отсюда, — говорю я.

— В словах девочки есть смысл, — говорит Тату.

Альфа делает глубокий вдох и медленно выдыхает.

— Ключи от клетки находятся в комнате охраны, — говорит Док. — Убедите охранников-людей, что вы освободите всех, включая и их. Они дадут вам ключи, расскажут людям и откроют клетки.

— Ты лжешь, — говорит Тату.

— Нет. Вы думаете, что среди людей есть кто-то, кто хотел бы остаться тут? Вы думаете, что мы бы не восстали, если бы могли? Вы просто должны убедить их, что у них больше шансов выжить с вами, чем против вас. И эта часть плана будет сложнее, чем вы думаете.

— Почему же вы все не сбежите сегодня вечером, если стража уйдет? — спрашивает Альфа. — Почему вы ждете, когда мы освободим вас?

— Потому что лодка только одна. И когда они уйдут, то пришвартуют её в доках Сан-Франциско, а не тут. Это Алькатрас, джентльмены. Им не нужна охрана. У них есть вода.

— Мы сможем переплыть? — спрашивает Тату.

— Возможно. Для хорошего спортсмена, который тренировался для этого и не боится акул. Для кого-то, кто плавает весь день в гидрокостюме, с резервной командой на лодке. Вы знаете кого-нибудь, кто подходит под это описание?

— Выход в той стороне, — говорит Тату. — Подумай, маленький человечек. Или я лично прослежу, чтобы тебя первым вышвырнули в воду этой ночью.

Док смотрит на меня. Я почти вижу, как скрипят винтики в его голове.

— Я слышал, что команду парома запирают на нем, пока он стоит в доке. Я мог бы доставить девочку на борт. — Он кивает головой на меня. — Возможно, она сможет освободить команду и убедит их вернуть корабль обратно.

— Я иду, — говорит Тату. — Притворюсь членом команды.

— Я уверен, что ты сможешь, но это должна быть она, — говорит Док.

— Почему?

— Они набирают женщин для работы в обители. Когда они отправятся, я могу проследить, чтобы они включили в список и её. Поэтому, если ты не молодая женщина, то не сможешь прокатиться.

Тату оценивает меня. Он пытается решить, сбегу ли я, как только доберусь до материка.

— Моя мать и мой друг, здесь, — говорю я. — Я сделаю все, чтобы помочь им сбежать.

Парни снова смотрят друг на друга, как будто ведут безмолвный разговор.

— Откуда мы знаем, что капитан решит рискнуть своей жизнью ради нас? — спрашивает Альфа.

— Его мать тоже тут?

— Ей просто нужно быть убедительной, — говорит Док.

— А если она не сможет? — спрашивает Тату.

— Ну, тогда мы найдем еще кого-нибудь, кто сможет управлять паромом, — говорит Док уверенно.

— Если ты так в этом уверен, почему не сделал этого уже сейчас? — спрашивает Альфа.

— Это первый раз, когда все существа и ангелы запланировали уйти. Почему вы думаете, что мы бы не сделали этого без вас?

Парни кивают.

— Ты сможешь? — спрашивает меня Альфа.

— Да. Если понадобится, я сама буду управлять ею на обратном пути.

— Но было бы здорово, если бы лодка не затонула на пути сюда. — Говорит Альфа.

— Хорошо. — Говорю я. — Я подговорю кого-нибудь, кто знает, как управлять паромом. — Я кажусь более уверенной, чем я себя чувствую.

Тревога звучит снова, отражается от стен и бьет по ушам.

— Возможно, вы сможете уговорить ту женщину помочь вам, — говорит Док. — Она может показать вам все выходы.

— Пойдемте, — говорю я. — В нужное время просто откройте двери клетки. Я освобожу капитана парома на материке.

Тату и Альфа смотрят друг на друга, оба выглядят не убежденными. Тревога снова замолкает.

— У вас есть план получше? — говорит Док.

Мужчины кивают друг другу.

— Лучше бы тебе говорить правду, Док, — говорит Тату. — Или к утру ты станешь наживкой для акулы. Ты меня понял?

Альфа, кажется, собирается спросить, все ли будет у меня хорошо, но, когда, возможно, он вспоминает, где мы, то разворачивается, чтобы уйти.

— Если вы увидите женщину у запасного выхода, — я кричу ему вслед, — скажите ей, что вас послала Пенрин. Позаботьтесь о ней, хорошо? Я думаю, это моя мама.

Тату бросает на Дока последний взгляд и выходит.

— Ты действительно рассказал ему всю правду? — спрашиваю я.

— Почти всю, — говорит Док, пока вставляет видео в прямоугольный аппарат под телевизором.

Они оба выглядят древними. Даже несмотря на то, что экран маленький, остальная часть телевизора выглядит толстой и тяжелой, как что-то, сошедшее со старых фотографий моего отца.

— Это был самый быстрый способ отделаться от них, поэтому мы можем перейти к разговору о том, что действительно важно.

— И о чем же?

— О твоей сестре.

— Почему она так важна?

— На самом деле, не так уж и важна, — он искоса смотрит на меня, давая понять, что он думает иначе. — Но я в отчаянии.

Это не имеет почти никакого смысла, но мне все равно, пока я смотрю видео. Он нажимает кнопку на аппарате под телевизором.

— Эта штука и правда работает?

Он смеется.

— Что бы я только не отдал за компьютер, — он возится с тумблерами и кнопками на старом телевизоре.

— Никто тебя не останавливает. Компьютеры на свалке залива, ждут, пока их кто-то возьмет.

— Ангелы на самом деле не поклонники человеческой техники. Они предпочитают играть с жизнью и создавать новых гибридных особей. Хотя у меня такое впечатление, что на самом деле им не стоило бы этого делать, — последнее предложение он бормочет, будто говорит сам с собой. — Я покопался в некотором оборудовании, но инфраструктура этой скалы далека от основ архитектуры.

— Там все выглядит довольно прогрессивно, — я киваю в направлении окна. — На порядок больше, чем было в подвале обители.

Док поднимает брови.

— Ты видела подвал обители?

Я киваю.

Он поднимает голову как любопытный пес.

— И все же, вот она ты. Жива, и расскажешь мне о ней.

— Поверь, я удивлена не меньше других.

— Нашей первой работой была именно лаборатория в обители, — говорит он. — Я все еще цеплялся за старые способы вернуться туда — за человеческие способы. Они требовали пробирок, электричества и компьютера, но они не позволяли мне иметь все то, что мне было нужно. Соппротивление ангелов к человеческим технологиям загоняло меня в такие рамки, что делали лабораторию похожей на подвал Франкенштейна 1930-х годов.

Он нажимает "ПРОИГРЫВАТЬ" на видеомагнитофоне.

— С тех пор я рос на ангельских методах. Они более элегантны и эффективны.

На экране появляется зернистое, серое изображение мрачной комнаты. Раскладушка,

прикроватный столик, стальной стул. Сложно сказать, была ли это тюремная одиночка или спальня грустного бюрократа.

— Что это? — спрашиваю я.

— Где-то на этой скале вдоль линии кто-то установил систему видеонаблюдения. И не удивительно, учитывая, что это была оживленная туристическая достопримечательность. Я добавил звук в некоторых комнатах. Ангелы, очевидно, не знают, что за ними следят, поэтому не кричи об этом на каждом шагу.

На экране с хлопком открывается металлическая дверь. Два ангела с голым торсом держат между ними гиганта. Даже несмотря на зернистое видео, я узнаю в нем демона Велиала. Вокруг его живота намотан окровавленный бинт.

Позади них есть еще один ангел, который выглядит знакомым. Я не могу назвать цвет его крыльев на зернистом видео, но догадываюсь, что они горят оранжевым. Я помню их с той ночи, когда забрали Пэйдж, с ночи, когда он со своими друзьями оторвали крылья Раффи. Он держит маленькую Пейдж в руке, будто мешок картошки.

Ее лицо невредимо, а атрофированные ноги бесполезно свисают.

— Это твоя сестра? — спрашивает Док.

Я киваю, не в состоянии что-либо сказать.

Жженный ангел бросает Пейдж в темный угол комнаты.

— Уверена, что хочешь видеть это? — спрашивает Док.

— Хочу, — я не хочу. Я хочу отбросить мысль о том, что могло случиться, пока меня не было поблизости, чтобы защитить ее.

Но у меня нет выбора. Я заставляю себя досмотреть видео.

Размытая капля летит в угол, превращаясь снова в мою сестру, когда она со стуком приземляется. Я съеживаюсь, когда она ударяется о стену и обрушивается на беспомощные ноги.

Крохотный крик боли срывается с ее губ, но никто в комнате, кажется, не замечает.

Жженный ангел уже забыл о ней, пока поднимал ноги Велиала. Они бросают его на койку.

Велиал опускается на скрипящие пружины. Он кажется мертвым, и я хочу, чтобы так и было. Позади него моя малышка ползет глубже в темный угол и съеживается там. Она приподнимает ноги руками, чтобы подтянуть их к груди в позе эмбриона и наблюдает за ангелами огромными, напуганными глазами.

Бессознательная голова Велиала повернута под неестественным углом рядом с металлической перекладной, поддерживающей изголовье. Все, что им нужно сделать — это потянуть его немного вниз, и он сможет лежать в относительном комфорте. Но они не делают этого.

Входит еще один ангел с тарелкой сэндвичей и большим стаканом воды. Он ставит еду и воду на прикроватный столик. Пока он занимается этим, два ангела выходят, оставляя Жженного и вошедшего парня.

— Не такой властный теперь, правда? — говорит Жженный.

— Я вот думаю, как глубок тот порез на его животе? — говорит тот, который принес сэндвичи. — Думаешь, он сможет есть?

Жженный небрежно пододвигает хрупкий стол так, что бы Велиал не смог до него достать.

— Теперь нет.

Ангелы хитро улыбаются друг другу.

— Мы принесли еду и воду, как и должны были сделать. Разве мы виноваты, что он не может сесть и достать до нее?

Жженный заворачивает губу так, будто хочет пнуть Велиала.

— Он был самый властный, самый противный, самый эгоистичный из всех, с кем мне когда-либо приходилось работать.

— Я работал и с худшими.

— С кем?

— С тобой, — ангел смеется, когда закрывает дверь за ними.

Пейдж суется в темноте, очевидно полностью забытая. Она, должно быть, проголодалась и измучена жаждой.

Если бы она могла идти, то смогла бы подойти и взять сэндвич. Но без своего кресла она слишком медленно будет добираться до стола, брать сэндвич и ползти обратно в угол. Она сможет это сделать, но я понимаю, почему не пытается. Тяжело чувствовать, будто ты можешь украсть что-то, но не можешь сбежать.

Видео исчезает.

Когда оно снова появляется, в комнате светло, вероятно, от маленького окна где-то за пределами камеры. Прошло время. Сложно догадаться сколько именно.

Болезненное рычание растет до вопля гнева и отчаяния. Велиал очнулся и пытается

сесть. Он плюхается обратно на койку с разочарованным бурчанием. Он лежит там, тяжело дыша, и, кажется, даже не замечает, что Пейдж все еще лежит клубочком на каменном полу в углу.

Яркая кровь окрашивает бинты вокруг его пояса. Он поворачивает голову и смотрит на воду. Он пытается дотянуться, не наклоняясь. Стол с сэндвичами прямо за пределами досягаемости.

Каким бы голодным и измученным жаждой он ни был, Пейдж, должно быть, голодней и сильней хочет пить. Она очень маленькая. У нее не много запасов.

Велиал поднимает руку и опускает ее на койку. Он ворчит от злости и боли, когда движения заставляют его рану болеть. Он ложится обратно, пытаясь не двигаться. Он сухо сглатывает и смотрит на стакан воды на столе.

Он глубоко вздыхает, будто пытаясь собраться с силами и снова попробовать дотянуться. На этот раз он умудряется протянуть руку немного дальше, но этого не достаточно. Он тяжело дышит сквозь стиснутые зубы, пока медленно продвигается за водой. Боль, должно быть, очень сильная. Если бы это был кто-то другой, мне было бы жаль его.

Он сдается с разочарованным ворчанием и откидывается назад. Его лицо искажено от боли.

Пейдж наверное пошевелилась или издала какой-то звук, потому что он внезапно смотрит в угол.

— Что ты здесь делаешь?

Пейдж придвигается ближе к стене.

— Они послали тебя сюда, чтобы шпионить за мной?

Он мотает головой.

— Убирайся, — он фактически выплевывает слова. — Подожди. Будь полезной и принеси мне воду и сэндвичи со стола.

Пейдж в страхе смотрит на него. Бедное дитя. Часть меня хочет выключить видео. Но, чтобы ни случилось, это уже случилось. Мой просмотр этого ничего не изменит.

Но я загипнотизирована этой картиной из прошлого моей сестры. Если ей пришлось пройти через это, потому что меня не было рядом, чтобы защитить ее, тогда я не заслуживаю того, чтобы безопасно наблюдать за тем, что она пережила.

— Сейчас же! — орет на нее Велиал. Он делает это так громко и убедительно, что я подпрыгиваю.

Пейдж больше не жметя к стене.

И тогда она ложится на бетонный пол и тянет себя к нему. Ее глаза огромны, а ноги словно ватные, пока она ползет.

— Что с тобой не так? Ты сломана?

— Нет. Я просто не могу ходить так же, как и другие люди. — Она вытягивает руки и протаскивает себя еще на несколько дюймов вперед.

— Это означает, что ты сломана.

Она останавливается на жестком полу, оперевшись на локти.

— Это означает, что я двигаюсь по-другому.

— Да, как, ползущий по полу, червь. Покажи мне шоу, Червячок. Развлеки меня. Поползай тут, и я позволю тебе выпить немного воды.

Я хочу ударить его кулаком через экран телевизора.

Где была ты, когда она нуждалась в тебе?

Моя сестра смотрит на воду и сухо сглатывает.

— Я вижу, ты хочешь пить. Вероятно, прямо сейчас жажда сушит твое горло. — Его голос звучит сухо и резко. — Вскоре, ты будешь страдать от головной боли и головокружения. Позже, твой язык раздуется, и каждый твой инстинкт будет умаливать тебя укусить его, чтобы ты могла пить свою собственную кровь. Ты когда-нибудь чувствовала настолько всепоглощающую жажду, что готова была бы убить человека за кружку воды? Нет? Скоро ты узнаешь, каково это.

Он касается кровавой повязки, будто желая разделить боль.

— Иди сюда, Червячок. Покажи мне, как надломленные и оставленные могут "ходить" по-другому, и я дам тебе чего-нибудь попить.

— Меня не оставили.

Велиал издевается.

— Назови мне хоть одного человека, который не оставил тебя.

Она смотрит на него широко раскрытыми глазами, с лицом эльфа.

— Моя сестра.

— Правда? Ну и где она?

— На пути сюда. Она придет и заберет меня.

— Она сказала не это.

— Ты говорил с ней? — Надежда на её лице разбивает мне сердце.

— Конечно, я говорил с ней. Как ты думаешь, кто мне отдал тебя?

Я так сильно сжимаю пальцы в кулак, что суставы вот-вот превратятся в порошок.

— Ты лжешь.

— Это правда. Она сказала, что сожалеет о том, что больше не может нести ответственность за тебя.

— Ты лжешь, — её голос дрожит. — Она бы никогда так не сказала.

— Она истощена. Так надоело вставать каждое утро, зная, что тебе нужно искать еду, нести тебя, умывать тебя, всё делать для тебя. Она пыталась, но ты — слишком тяжелое бремя.

Вся сила вдруг покидает меня, и я откидываюсь назад, прислоняюсь к стене, чтобы не упасть.

— Они все похожи, — в голосе Велиала ни нотки дружелюбия. — В конце они всегда оставляют нас. Не важно, как сильно мы любим их или как много мы делаем для них. Мы

никогда не будем достойны их. Мы — отклонение. Мы — отклонения, ты и я. Оставленные.
— Ты лжец. — Её лицо сморщилось, а речь стала невнятной.

Она икает, пока плачет, лежа там, на каменном полу, совершенно беспомощная. Тон её голоса почти просит этого монстра успокоить её.

На мою грудь опускается тяжелый вес и мне трудно дышать.

— Ты увидишь. Ничего и никогда не будет даваться нам также легко, как и другим людям. Ни любовь, ни уважение, ни даже дружба. Единственный способ получить хоть что-то, это поставить их всех на колени. Последнее, что мы можем позволить себе это быть беспомощными и слабыми. Ты должна быть сильной и уничтожить их попытки подчинить тебя. И тогда, если они будут умолять и хорошо себя вести, мы позволим им быть нашими комнатными собачками. Это все, что хотят такие же аутсайдеры, как и мы.

Плохо, что он разрушает надежды семилетней девочки. Но что действительно убивает меня, так это то, что мы доказали его правоту. Картина связанной и дергающейся, как дикое животное, девочки, будет выжжена в моей памяти навсегда.

— Хочешь немного воды? — Голос Велиала нейтральный. Не хороший, но и не чрезмерно жестокий.

Моя сестра слатывает и проводит языком по высохшим губам. Она отчаянно хочет пить, даже при том, что плачет.

— Ползи ко мне, Червячок, и я дам тебе немного.

Она лежит на полу, опираясь на локти. И смотрит на него с недоверием. Я очень боюсь, что она повелась на его игру, но другая часть меня хочет, чтобы она ползла к нему, потому что ей нужно выпить воды.

Пейдж медленно тянет руку и подтягивается. Один раз, два, пока она не находит медленный ритм и ползет через комнату. Её мертвые и высохшие ноги тащатся позади неё.

Велиал медленно хлопает.

— Bravo, Червячок. Bravo. Такое миниатюрное создание вашего вида. Вы, мартышки, так отчаянно пытаетесь сделать всё возможное, чтобы выжить. По сравнению с вами, людьми, и поступками, которые совершают некоторые из вас, я практически хороший парень.

Пейдж доползла до стола, на котором стоит вода и тарелка с сэндвичем. Она подтягивается на металлический стул, который стоит рядом с ним.

— Я не говорил тебе делать этого, — рычит Велиал. — Я сказал тебе ползти ко мне, а не к столу.

Он наклоняется вперед в гневе, но откидывается назад из-за боли от раны на животе, делая глубокий вздох.

Она протягивает руку к стакану, смотря на него с явным желанием и жаждой.

— Конечно. Ты точно такая же, как и остальные. — Его губы изгибаются в насмешке. — Нет такого существа, который бы заботился о ком-то, кроме себя. Даже такой немного червь, как ты. Так что ты извлекла урок от твоей сестры, не так ли? В конце концов, всё, что имеет значение, это твое собственное выживание. В этом и люди, и тараканы являются лучшими.

Пейдж смотрит на воду. Затем на Велиала. Внутри неё происходит борьба, и я знаю её достаточно хорошо, чтобы понять, о чем она спорит сама с собой.

— Не делай этого, — шепчу я. — В первую очередь позаботься о себе. Хоть раз.

Не делая глотка, она протягивает стакан воды Велиалу, так, чтобы он мог дотянуться до

него. В отчаянье я издаю стон. Я хочу вырвать стакан и дать ей попить.

— Моя сестра придет за мной, — Её голос ломается, потому что она не уверена.

Её лицо морщится, когда она борется со слезами.

Он смотрит на воду. Он смотрит на неё.

— Разве ты не будешь пить первая, Червячок? Почему ты не хочешь выпить её? —

Подозрение наполняет его голос.

Она шмыгает носом.

— Тебе вода нужна больше, — говорит она упрямо.

Цепляется за настоящую себя, даже в таких условиях.

— Разве ты не понимаешь, что умрешь, если не выпьешь хотя бы немного?

Она неуклонно протягивает стакан.

Он протягивает руку, не двигая телом, и берет стакан. Он нюхает её, будто неуверенный, что это просто вода.

Он делает глоток. И еще один. И затем залпом выпивает две трети воды из стакана.

Он останавливается, делая вдох. Он смотрит на Пейдж, будто она оскорбила его.

— На что ты смотришь?

Она просто моргает.

Велиал подносит стакан ко рту, но на этот раз делает один глоток. Он бросает взгляд на Пейдж, будто рассматривая возможность отдать ей остальное.

Но затем он выпивает всю воду в один глоток.

— Вот что случается, когда ты пытаешься быть доброй. Ты могла бы извлечь этот урок пораньше. Доброта, возможно, работала в прошлом, но не сейчас. Эта стратегия срабатывала только тогда, когда ты чего-то хотела. Но сейчас ты ничем не отличаешься от меня. Уродливая. Отвергнутая. Нелюбимая. Я понимаю.

Я хочу убить его и больше не в состоянии ждать этого момента.

Он протягивает ей стакан. Она в отчаянье берет его. И прикладывает его к губам.

Одна маленькая капля падает ей в рот.

Ее лицо морщится, но слез на этот раз нет. Возможно, у нее сильное обезвоживание.

— Передай мне сэндвичи.

Она пристально смотрит на него.

— Они тебе не пойдут на пользу. Ты просто захочешь пить, если съешь их.

Она замирает, потом хватается за сэндвичи. И кидает в него. Он смеется, когда они отскакивают от его груди и кусками приземляются на его окровавленную повязку. Он собирает сэндвич и откусывает.

— Не очень умно, да?

Она кладет голову на руки, сложенные на крошечном столе, и затихает, признавая поражение. Видео гаснет.

Я останавливаю себя прежде, чем спросить, нормально ли она вышла из этой ситуации. На мгновение я забываю, какая она сейчас. Конечно, она не в порядке.

Док заносит пальцы над кнопкой вытаскивания.

— Достаточно?

— Нет, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Еще нет.

Он опускает руку.

— Это твое наказание. Кто я такой, чтобы спорить?

Экран начинает светиться вновь.

Прошло время. Свет померк и тени удлиннились. Дверь открывается, и ангел входит внутрь. Это Жженный.

Пейдж поднимает голову. Когда она видит, кто это, то выкарабкивается из кресла и в отчаянии заползает под кровать Велиала.

— Ах, вот куда оно ушло, — говорит Жженный, глядя на Пейдж.

— А ты где был? — спрашивает Велиал.

— Похоже, ты в нас не нуждаешься, так что мы принесли немного еды и воды и оставили тебя спать. Как ты себя чувствуешь? — Жженный наклоняется, чтобы посмотреть на Пейдж.

— Просто фантастически, спасибо, что спросил, — в голосе Велиала звучит неприкрытый сарказм. — Что ты делаешь?

Пейдж визжит, когда Жженный вытаскивает ее из-под кровати.

— Пусти ее, — выдыхает Велиал.

Жженный удивлен.

— Ты ничего не должен делать без моего разрешения, — Велиал хватается за Жженого за руку и рывком притягивает его к лицу.

В его состоянии это, должно быть, чертовски больно, но Велиал не подает виду.

— Ты не тронешь эту девочку. Ты даже дышать не будешь без моего приказа. Уриил отдал тебя мне для услужения. Думаешь, он хоть секунду своей выдающейся жизни потратил бы на то, чтобы задуматься, что случилось с тобой, если бы ты окончил свое существование размазанным по стене?

Жженный в ответ глядит на него с вызовом, но как-то напряженно.

— Почему ты так поступаешь?

— Вы, правда думали, что я не замечаю, как вы пытаетесь заморить меня голодом и

лишить воды?

— Мы оставили для тебя воду и еду, — цедит сквозь зубы Жженный, когда пытается вырвать свою руку из захвата Велиала.

Несмотря на боль, демон держит крепко.

— Также мы подобрали тебя, когда могли бросить подыхать на улице.

— Уриил ощипал бы вас, не сделай вы этого. Вы ведь, ребята, до сих пор не набрались наглости, чтобы врать ему, не так ли? Боюсь, вы получите божественный нагоняй. Но его наказание покажется вам игрой по сравнению с тем, что я сделаю, если, когда проснусь, моего обеда опять не будет. Понял?

Жженный обиженно кивает. Велиал отпускает его. Жженный делает шаг назад.

— Принеси мне приличной еды и питья. Свежее мясо, подогретое до температуры тела. Я не ребенок, который может выжить на арахисовом масле и желейных сэндвичах.

Жженный поворачивается, чтобы с усмешкой выйти.

— Хотя, принеси несколько сэндвичей для нее, — он наклонил голову в сторону Пейдж, — Чтобы ничего, вроде мертвой сломанной вещи в углу комнаты, не омрачило ваш день.

Жженный смотрит на Пейдж, которая заползла обратно под кровать, потом на Велиала, будто тот сошел с ума.

— Проблемы? — спрашивает Велиал.

Жженный медленно качает головой.

— Жаль. Теперь мне придется дожидаться, когда смогу пальцами изрисовать твоей кровью стены. — Жженный поворачивается к выходу. — Еще принеси кувшин с водой и молока для девочки. И побыстрее, папенькин сынок. У меня нет недели, чтоб дожидаться. Чем скорее я смогу встать на крыло и поговорить с твоим драгоценным архангелом, тем скорее ты избавишься от этих обязанностей.

Жженный уходит.

— Выползай, Червячок. Большой злой ангел ушел.

Пейдж выглядывает из-под кровати.

— Хороший зверек, — он закрывает глаза. — Спой мне песенку, пока я буду дремать.

Он кривится от боли, которую скрывал от ангела.

— Давай. Любую песню.

Пейдж нерешительно начинает напевать «Twinkle, Twinkle, Little Star» [\[5\]](#).

Экран гаснет.

— Вот так, — говорит Док, выключая ТВ.

Я проглатываю слезы, прежде чем решаюсь спросить:

— Что случилось после?

— Велиал держал ее в комнате, как домашнего питомца, до тех пор, пока не восстановился достаточно, чтобы вернуться в обитель. Он должен был отчитаться Архангелу Уриилу. Что-то про легендарного ангела, исчезнувшего далеко и надолго.

Раффи. Велиал должен был отчитаться, что Раффи ушел.

— Как бы там ни было, — говорит Док, — Уриил был недоволен. Велиал был в отвратительном настроении после этого разговора и выместил все на твоей сестре. Он обращался с ней как с питомцем — кормил, таскал за собой везде, а потом отдал мед. персоналу, как надоевшую игрушку. Он вышвырнул ее и ни разу не обернулся.

Он вырубает видео.

— Она продолжала спрашивать о нем до тех пор, пока мы — они — не превратили ее в то, чем она является сейчас.

— Она спрашивала о нем?

Он пожал плечами.

— Он был единственным знакомым в новом для нее окружении.

Я кивнула, борясь с желанием блевануть.

— И во что именно вы ее превратили?

— Тебе не кажется, что на сегодня достаточно?

— Не прикидывайся, что тебе плевать. Рассказывай.

Он вздыхает.

— Дети были проектом Уриила. Иногда, мне казалось, что ему нравится играть в Бога — некоторые люди привыкли обвинять в этом меня, в прошлой жизни. Он хотел, чтобы дети выглядели как нечто ни на что не похожее. Сказал, что никогда не видел вещей, которые представляли бы собой дети, но на самом деле, неважно кто это был.

Я боялась спрашивать, но должна была:

— Кем он хотел, чтобы они были?

— Мерзостью. Они должны были выглядеть как чудовищные дети, пожирающие людей. Они бы разбрелись по земле и навели ужас на население, как часть ангельской апокалиптической политики устрашения.

Так, он смог бы выдать их за нефилимов и обвинить Раффи в невыполнении долга. Так он мог бы разрушить его репутацию как конкурента и победить на выборах Посланника.

— Так вы намеренно превратили детей в эту мерзость?

Он вздохнул, как если бы и не ожидал, что я пойму.

— Человечеству пришел конец, и я, например, боюсь за свою шкуру. Если мы не можем найти способ остановить это, мы должны стать частью происходящего.

Он раскидывает руки, словно приглашая меня оглядеться вокруг, на скорпионью фабрику.

— Я нахожусь в особенном месте, чтобы почувствовать разницу, найти способ остановить все это. У меня есть доступ к их возможностям и знаниям. У меня есть их доверие и небольшая степень свободы, чтобы работать у них под носом в своем

направлении.

Он облокачивается на стену, будто устал.

— Но единственный способ помочь человечеству выжить — делать то, что они приказывают мне. Даже если это ужасающе. Даже, если это мерзкие и богопротивные, разрушающие душу, дела.

Док отталкивается от стены и шагает в офис.

— Я делаю все это, и последствия моего выбора преследуют меня ночь за ночью. Однако, я здесь. Я и никто другой. Ты понимаешь?

Все, что я понимаю, это то, что он изуродовал мою сестренку и превратил ее в мерзость.

— И как же ты помогаешь человечеству выжить?

Он взглянул на свою обувь.

— Я провел несколько секретных опытов. Украл некоторые ангельские технологии, или магию, или как там это обозвать, и реализовал то тут, то там. Они бы убили меня, если бы знали. Но все, чего я добился — тщетно. Нет стопроцентного успеха.

Меня не интересует, каких успехов добился этот мясник в своей работе, издеваясь над детьми, но обвинения в его адрес не помогут мне найти ответы.

— Почему ты заставил мою сестру двигаться как механическая кукла?

— Что ты имеешь в виду?

— Она сидит неестественно прямо, двигается с трудом, поворачивает голову так, словно ее шея не гнется, ну ты понимаешь, как робот. За исключением тех моментов, когда она нападает, само собой.

Он смотрит на меня пустым растерянным взглядом.

— Девочка была искромсана на куски и сшита заново, как тряпичная кукла. И ты спрашиваешь меня, почему она с трудом двигается? — парень, который сделал такое с ней, смотрит на меня сверху вниз, словно я слабоумная.

— Она мучается от боли, — он говорит так, будто это элементарно. — То, что она полностью функционирует, вовсе не означает, что она не страдает от всепоглощающей, разрушительной боли. Представь, что твои мышцы разрезаны, перемещены и сшиты заново. И никто не дает тебе обезболивающее. Вот на что это для нее похоже. Ручаюсь, вы даже аспирин ей не дали.

Это как удар под дых.

— Чему удивляться, что она ушла, ведь вам это даже в голову не пришло. Не могу даже вообразить, каково ей должно было быть.

Это окончательно добивает меня.

Даже Раффи я предложила аспирин, когда он был без сознания. Даже врагу я предложила облегчить боль, но никогда не сделала этого для своей собственной сестры. Почему?

Потому что она выглядела как чудовище, вот почему. И мне в голову не пришло, что монстр может страдать от боли.

— Есть какие-нибудь предположения, где она может быть? — дрожь в моем голосе высасывает остатки уверенности в себе.

Он бросает взгляд на темный экран телевизора.

— Ее здесь нет, иначе я давно бы услышал об этом. Но если ты права и она здесь, то, скорее всего, она что-то ищет. Или кого-то.

— Кого? Она уже приходила ко мне и к маме. Мы — все, что у нее есть в этом мире.

— Велиала, — сказал Док уверенно. — Он единственный, кто может ее понять. Единственный, кто может принять ее и не судить.

— О чем ты? Он — последний, к кому она пошла бы.

Док пожимает плечами.

— Он — чудовище. Она — чудовище. Кто еще может принять ее без осуждения, не считая, что она — фрик, понимая, через что ей пришлось пройти?

— Мы... — слова застряли в горле.

Мысль, что Пейдж вернулась в Велиалу, поражает меня.

Но если бы Пейдж и Велиал были вместе в лагере Сопротивления, старались бы люди уничтожить их обоих, как команду монстров? Как если бы они принадлежали друг другу, но не остальным людям.

— Должно быть, у нее Стокгольмский синдром.

Мне не нравится, как это звучит.

— Это еще что такое?

— Это когда похищенная жертва испытывает привязанность к похитителю.

Я уставилась на него в недоумении.

— Это не просто, но возможно.

Я хватаю спинку стула и тяжело сажусь, словно старуха. Мысли о малышке Пейдж, о том, что она чувствует, вынужденная обратиться к кошмарному Велиалу — все это подкашивает меня так, как не смог конец света.

— Велиал, — шепчу я, задыхаясь. Я зажмуриваюсь и пытаюсь удержать слезы. — Ты знаешь где он?

Мои собственные слова ранят меня.

— Он должен быть в новой обители. Там происходит что-то масштабное, и Велиал выполняет кое-какую работу для архангела.

— Что за работа?

— Без понятия. Я — лабораторная крыса. Знаю только то, что мне надо знать. — Он смотрит на меня. — Поговори с капитаном парома, спасавшим заключенных из Алькатраса, а потом иди в обитель.

— Что если...

— В любом случае, уговоришь ты капитана рискнуть или нет, тебе нужно попасть в обитель. Число людей, погибающих здесь не больше, чем то, что происходит там. Твоя сестра — задача более важная, чем освобождение узников для большой бойни. А весь мир в нее превратится, если мы не найдем способ это остановить.

Мой мозг заработал.

— Почему Пейдж так важна? — не могу скрыть недоверие в голосе.

— Она очень особенная девочка. Она может быть полезна в нашей борьбе с ангелами. Если найдешь ее в обители, приведи ее ко мне. Я поработаю с ней, попытаюсь помочь ей, насколько смогу.

— Поможешь ей каким образом?

Он потер шею, выглядя при этом слегка смущенно и взволнованно.

— По правде говоря, я еще не до конца уверен. Я изменил ту последнюю партию детей, в надежде увеличить наши шансы на выживание, как вида. Отчаянный шаг в отчаянные времена. Ангелы разорвали бы меня на куски, если бы узнали об этом. Измененные дети погибли во время атаки на обитель прежде, чем я смог увидеть, сработало ли.

Он зашагал в маленький офис.

— Теперь ты говоришь, что один ребенок все же остался. Мы должны найти ее. Я действительно не знаю, на что она способна, или сработают ли изменения так, как я задумывал, но если да, то это шанс для всего человечества. Крошечный шанс, но это лучшее, что у нас есть сейчас.

Я верю ему не больше, чем бешеному ангелу, но если он поможет найти Пейдж, я пойду за ним куда угодно.

— Хорошо, помоги мне отыскать Пейдж, и я приведу ее к тебе.

Он смотрит на меня и понимает, что я ему не доверяю.

— Позволь мне кое-что прояснить. Мы не можем, чтобы кто-то вроде Велиала контролировал твою сестру. Ты понимаешь? В руках демона она может превратиться в инструмент массового уничтожения. Ты должна переманить ее от него. Пейдж — наша последняя надежда.

Здорово.

Перед тем как все полетело в тартарары, я бы провела с Пейдж еще одну субботу. Мы ели бы кашу и смотрели мультики в нашей квартире, в момент мирного затишья перед бурей, как только мама проснется. Наша самая большая проблема в такие субботние посиделки — хватит ли наших любимых хлопьев до конца недели, или придется довольствоваться хлопьями без сахара.

— Если я не сделаю этого, покинув остров? Если вы не сможете меня найти?

Док помолчал, взвешивая, что с ним может произойти, а затем ответил:

— Это зависит от тебя, сможешь ли ты найти выход и найти сестру, чтобы она помогла человечеству. Если твоя сестра не сможет, то я всего лишь злобный доктор, работающий на врага. Пожалуйста, не позволяй мне быть таким.

Я не уверена, что он обращается по адресу, но, тем не менее, киваю.

Он кивает в ответ.

— Ладно, идем со мной.

Мы выходим из сердца чудовищной фабрики, вниз по коридору, в другую комнату. Я полагаю, что раньше здесь был магазин подарков — множество открыток, брелков забыто на стенде у двери.

Внутри, среди массы пленников затесались слуги. Они выделялись на фоне толпы чистыми лицами, причесанными волосами и свежей одеждой. Их отличала некая аура уверенности в себе, которой не было у пленников.

— Мадлен, — говорит Док.

К нам подходит женщина, выглядящая как престарелый хореограф.

Каждое движение полно плавности и изящности, словно она привыкла быть на сцене или подиуме. Седые волосы, собранные в тугий пучок, оттеняют ее изумрудные глаза.

— Можешь подыскать для нее место? — спрашивает Док, понизив голос.

Мадлен тщательно изучает меня. Она не просто бросает быстрый взгляд, чтобы получить представление о том, кто я есть. Она оценивает мой рост, вес, комплекцию, каждый изгиб тела и черты лица. Она запоминает меня, словно заносит в каталог все аспекты моей внешности. Она оборачивается на толпу узников. Все они — женщины и стоят в парах. Там есть пара близнецов с волосами цвета клубничный блонд и розовой кожей в веснушках. Остальные пары, вероятно, не близнецы, но на первый взгляд здорово похожие на них. Одинаковые женщины с вьющимися волосами и шоколадной кожей, худощавые девушки с медовыми волосами, каскадом спадающими по плечам, высокие женщины со средиземноморским разрезом глаз и смуглой кожей.

Мадлен оглядывает комнату, затем взгляд возвращается ко мне.

— Не то тело, не тот возраст, — говорит она.

Дверь открывается, и мужчина вводит пару девочек-подростков. Миниатюрные, как и я, темноволосые, с высокими скулами.

— Как насчет этих? — интересуется Док.

Мадлен переводит свой взгляд, как лазерный прицел, на девочек. Затем снова на меня.

— Эти двое лучше совпадают, — говорит загорелый парень, который привел сюда девочек.

— Мы должны сделать похожей эту, — Мадлен кивает в мою сторону.

— Ты собираешься сказать архангелу, что это лучшая пара, что мы смогли найти? — спрашивает парень.

Моя кожа покрывается мурашками при слове "архангел".

— Подходящая масть и тип фигуры, — говорит Мадлен. — После макияжа и стрижки, они будут выглядеть как близнецы.

— Если не будут, то полетят наши головы, не только твоя, — говорит парень.

Мадлен смотрит на Дока, тот кивает.

— Поменяй их.

Лицо парня темнеет.

— Только потому, что твой муж отсиживается в тюремной камере, не означает, что ты можешь торговать нашими жизнями всякий раз, когда добрый доктор щелкнет пальцами.

— Даниель, пожалуйста, просто делай то, что тебе сказано, — командирские нотки в голосе Мадлен звучат угрожающе.

Даниель делает глубокий вдох. Все тарашатся на нас, ощущая напряжение. Он оценивает двух девушек, затем берет одну за руку и выводит ее.

Часть меня говорит: не спрашивай! Насколько я могу судить, это для моего же блага. И должно помочь моей сестре.

— Вы кого-то держите в заложниках?

В один из подобных дней, я научусь держать рот на замке.

— Мы все здесь заложники, — говорит Док. — Я делаю, что могу, чтоб спасти всех нас.

Доходчиво.

Я отвожу его в сторону и шепчу:

— Если побег из тюрьмы не пройдет так, как мы предполагаем, не могли бы вы проследить, чтобы моя мать была в безопасности?

— Твоя мать — леди, бегущая от срабатывающей сигнализации?

Я киваю.

— Не думаю, что я могу обещать это.

Удивительно, но я чувствую себя гораздо лучше от его ответа, чем, если бы он пообещал оберегать ее. Потому что он говорит честно.

— Попытаешься?

Он не выглядит счастливым от этого.

— Пейдж прислушается к ней тоже. — Не совсем верно, учитывая всю ту чушь, что мать иногда говорит нам, но нет смысла посвящать Дока в излишние детали.

Он раздумывает над моими словами, затем кивает:

— Я попробую.

Это именно так, как я ожидала.

— И здесь есть женщина по имени Клара...

Он качает головой:

— Я не волшебник. Я не могу сделать так, черт побери, чтобы все спаслись из Алькатраса. Одно могу обещать — я попытаюсь.

Он отступил от меня и отвел Мадлен в сторону. Они шептались в углу, давая мне шанс проанализировать ситуацию.

Темноволосая девушка подошла ко мне ближе. Моего роста, та же фигура и те же темные волосы и глаза. Подходящая пара.

Архангел.

Образ политика Уриила, шествующего через клуб обители в окружении запуганных женщин, приходит мне в голову. Я инстинктивно пытаюсь сжать рукоять меча с медведем, коснуться мягкого меха и ощутить привычное успокоение и уверенность, но рука хватает пустоту.

Паром направляется к Сан-Франциско так же тихо и мрачно, как и тот, который доставил меня в Алькатрас. Большая разница в том, что нас охраняют люди, а не скорпионы.

Мадлен и ее сопровождение ходят вокруг, спрашивая две дюжины нас, можем ли мы шить или проектировать костюмы, или знаем, как изготавливать драгоценности. Если мы отвечаем да, они записывают это в свои планшеты. Я не знаю, как изготавливать что либо из этого, но им, кажется, все равно. Я уже потеряла счет тому, сколько времени прошло с тех пор, как я последний раз каталась на этом пароме.

Светает. Небо окрашено, как я всегда думала, радужным розовым, но этим утром он выглядит больше похожим на цвет свежего синяка.

Я пытаюсь посмотреть, получится ли у меня поговорить с капитаном, но охранники твердо перенаправляют меня к ванным комнатам. По пути обратно я нахожу ручку и бумагу на планшете, висящем на стене лестничной клетки. Поэтому остаток пути я провожу за написанием того, что хочу сказать водителю лодки, на всякий случай, чтобы оставить ему записку, если не получится поговорить с ним.

Я тщательно формулирую свои аргументы, пытаюсь быть как можно более убедительной. Закончив, я сворачиваю бумагу и засовываю в карман, надеясь, что она мне не понадобится. Будет гораздо лучше, если я лично смогу убедить водителя.

Пришвартовавшись, мы идем в солнечном свете, не в силах поверить, что свободны от Алькатраса. Скорпионов, которые были ранены в ту ночь, когда мы были захвачены, нигде не видно. Кровь струится по изломанному доку и в ранних утренних тенях.

Наша человеческая охрана не сворачивает с намеченного курса даже думая, что вокруг нет ни скорпионов, ни ангелов.

— Почему ты не сбежал? — спрашиваю я у одного из охранников.

— И что бы я делал? — он говорит достаточно громко, чтобы слышали все заключенные. — Дрался бы за объедки из мусорного ведра? Не мог бы уснуть от страха, что ангелы выследят меня?

Он оглядывается на всех заключенных. Мы все выглядим неуверенными, осторожными и потерянными.

— Ангелы могут выследить остальных, но не меня. Когда я иду, их создания убираются с моего пути. Каждый день я трижды полноценно ем. И ты тоже сможешь. Тебя выбрали. Все, что тебе остается делать — это следовать инструкциям.

Он, должно быть, был политтехнологом в Мире До, потому что то, как он перекручивает мой простой вопрос, похоже на рекламу. Я замечаю его слова о свободе.

Груды оружия, сумок и других драгоценных вещей, которые мы оставили на пристани, выглядят так, словно были поспешно собраны и разбросаны рядом с доком. Единственное, что оставили — это самое плохое оружие, перевернутые вверх ногами рюкзаки и игрушки. Я просматриваю этот хлам, пока не нахожу те две вещи, которые ищу.

Мамино отслеживающее устройство лежит рядом с кошельком, выглядя как несуразный сотовый. А меч Раффи лежит рядом с ним, точно там, где я его оставила, полускрытый под старым рюкзаком, из которого выглядывает одежда. Мишка все еще скрывает меч, уставившись в небо, будто ждет, что приземлится Раффи и спасет его.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Меня наполняет огромное облегчение. Я бегу, чтобы схватить устройство и меч, обнимая мишку, как давно потерянного друга.

— Оставь их здесь, — говорит Мадлен. — Тебе не разрешено проносить что-то в обитель.

Я должна была знать. Я ненавижу мысль, что придется оставить их тут, но я могу хотя бы спрятать их. Остальные охранники оставляют меня наедине, вероятно осознавая, что Мадлен хочет поговорить со мной, а они не хотят конфликтовать с ней.

Я смотрю на мамино устройство. На экране моя стрелка указывает на пирс Сан-Франциско. Стрелка Пейдж — на место поблизости залива Халф Мун на тихоокеанском побережье.

— Где новая обитель? — спрашиваю у Мадлен.

— Залив Халф Мун, — говорит она.

Пейдж действительно ищет Велиала? Я закрываю глаза, чувствуя себя словно после удара ножом в живот.

Я выключаю устройство. Я ужасно хочу взять его и меч с собой, но у меня нет выбора. Как сильно бы я не хотела спрятать устройство, также хочу оставить его маме, если не смогу сохранить его. Мир изобилует покинутыми телефонами. Шансы на то, что люди пройдут мимо устройства, очень высоки. Я закрываю его и кладу туда, где нашла, заставляя себя отвернуться.

В другой руке меч просто нуждается в том, чтобы его спрятали. Мне повезло, что грабители сильно торопились, иначе они бы заметили, что платье на мишке чересчур длинное. Я не могу удержаться от того, чтобы последний раз приголубить мишку, прежде чем спрячу его и меч под грудой дерева и гальки, которые когда-то были частью магазина.

Я уже собираюсь отпустить меч, когда мое зрение затуманивается и колыхается.

Меч хочет показать мне что-то.

Я в номере, отделанном стеклом и мрамором, в старой обители, где мы с Раффи провели несколько часов вместе. Это, должно быть, время после посещения бара и прежде, чем ему пересадили крылья.

В другом конце номера шумит душ. Он должен быть роскошным и умиротворяющим, за исключением панорамного вида на обугленный Сан-Франциско из гостиной.

Раффи выходит из спальни, выглядя шикарно в своем костюме. С его темными волосами, широкими плечами, и мускулистым телосложением он выглядит лучше, чем любая кинозвезда, которую я когда-либо видела. Он выглядит как парень, который принадлежит номеру за сто баксов в сутки. Каждое движение, каждый жест передает элегантность и мощь.

Он что-то замечает и подходит к окну. Группа ангелов пролетает на фоне луны. Он прислоняется к стеклу, практически прижимаясь лицом к нему, когда смотрит на ангелов. Каждая его линия говорит мне о том, что он жаждет лететь рядом с ними.

Я подозреваю, что это нечто большее, чем просто желание вернуть крылья. Как-то у нас была экзотическая рыба в бутылке, которую мы с Пейдж украсили ракушками. Папа говорил нам, что нам всегда нужно убедиться, что в бутылке хотя бы две рыбки, потому что некоторым видам необходимо принадлежать группе. Если одну из них оставить одну достаточно долго, она умрет от одиночества. Я задумываюсь над тем, не принадлежат ли ангелы к подобным видам.

Когда ангелы исчезают в ночном небе по ту сторону луны, Раффи поворачивается боком

и смотрит на свое отражение в зеркале. Крылья, похожие на те, что у ангелов внизу, но все же не такие, выглядывают сквозь прорези в пиджаке. Оторванные крылья прикрепили под одеждой так, чтобы выглядели, как обычно.

Он на мгновение закрывает глаза, сглатывая грусть. Я так привыкла видеть Раффи с игривым выражением лица, что мне сложно смотреть на него такого.

Он делает глубокий вдох и медленно выпускает воздух. Затем открывает глаза. Он собирается отвернуться от окна, когда замечает что-то на своей белой рубашке.

Он снимает это и подносит к глазам. Это прядь волос. Он пробегает по ней пальцами. Они темные и длинные, похожи на мои.

Его губы дергаются, будто ему забавно думать о том, как мои волосы могли оказаться на его рубашке. Я думаю, что это, должно быть, случилось, когда я его поцеловала в коридоре на нижнем этаже клуба. Он думает, это забавно.

Если бы в этом сне у меня было тело, мои щеки горели бы красным. Я стесняюсь даже думать об этом.

Он идет к мраморному бару, заставленному бутылками вина. Он смотрит под него и достает небольшую отельную сумку для шитья. Почему кому-то, кто может позволить себе такую комнату, срочно понадобились нитки с пуговицами, я не знаю, но так и есть. Он разрывает пакет и достает нитки. Они такие же белоснежные, как и его крылья.

Он держит нитки и волосы вместе и крутит их большим и указательным пальцами так, что они переплетаются.

Придерживая концы вместе, он подходит к мечу, который лежит на тумбочке и завязывает переплет вокруг рукояти.

— Перестань жаловаться, — говорит он мечу. — Это на удачу.

Удача. Удача. Удача.

Слово эхом отдается у меня в голове.

Я для устойчивости опираюсь рукой об изломанную палубу. Когда я глубоко вдыхаю, меч возвращается в поле зрения.

Раффи действительно сохранил прядь моих волос?

Сложно поверить.

Я осторожно смотрю на рукоять меча. Удивительно, но она есть, на рукояти у основы перекрестья. Белоснежная нить смешивается с полуночной тьмой.

Я пробегая пальцами по связке и закрываю глаза. Я думаю о Раффи, делающем то же самое, когда чувствую чередование структур нитей и волос под кончиками моих пальцев.

Меч желает мне удачи?

Я знаю, что он скучает по Раффи. Если я не вернусь, думаю, у него нет шансов увидеть его снова. Даже если его подберет кто-то другой, у этого человека не будет связи с ним, и он не будет знать о том, что же он такое. Поэтому, вероятно, у него есть причины желать мне удачи, наряду с небольшим напоминанием о Раффи.

Я ненавижу то, что мне нужно оставить меч, но у меня нет другого выхода. Я прикрываю его и мишку сломанными кирпичами и щепками от досок.

Поднимаюсь и ухожу, чувствуя себя обнаженной. Надеюсь, грабители не могут позволить себе роскоши покопаться в мусоре для поиска сокровищ.

Тем временем, капитан сходит с парома и нашу группу переводят в небольшой караван фургонов, внедорожников и коротких школьных автобусов. Мадлен сопровождает капитана к одному из этих ненавистных контейнеров. Я случайно присоединяюсь к ним.

— Сегодня ночью запланирован побег — говорю я вполголоса.

Он смотрит на меня, потом на Мадлен, потом снова на меня. Он моложе, чем кажется, не больше тридцати, с гладко выбритым лицом и совершенно лысой головой.

— Удачи тебе.

Его голос не был недружелюбным, но это было и не приглашение.

Мадлен подходит к транспортировочному контейнеру и открывает, раскачивая из стороны в сторону, металлические двери. На полках хранятся консервированный суп, овощи, вместе с рядами ликера и книг. Светильник на батарейках стоит в углу, и мягкое кресло стоит рядом с небольшим столиком. По стандартам Мира После, это совершенно уютно.

— Они нуждаются в том, чтобы вы вернули паром обратно и забрали заключенных, — говорю я.

Выражение его лица было скептическим, поэтому до того, как он скажет нет, я атаковала.

— Это будет абсолютно безопасно. Всех скорпионов и ангелов не будет. У них сегодня ночью задание.

Он ступает в контейнер и включает свет.

— Ничто не может быть абсолютно безопасным. И паром сохраняет меня живым и сытым. Я не могу рисковать. Я не сдам тебя, но я никому не позволю прикоснуться к парому.

Я взглянула на Мадлен за помощью.

— Ты можешь поговорить с ним? Я имею в виду, у тебя тоже есть кто-то в тюрьме на острове, не так ли?

Она смотрит вниз, отказываясь встречаться со мной глазами.

— Доктор будет держать его в безопасности, до тех пор, пока я помогаю с его небольшими проектами, — она пожимает плечами. — Мы должны идти.

Я перевела взгляд с Мадлен на капитана, который сейчас наливает себе выпить.

— Это твой шанс стать лучше, — говорю я. — Ты можешь спасти все эти жизни. Компенсировать то, что ты когда-либо пережил, для того, чтобы выжить. Ты знаешь, что там происходит.

Он ударил стаканом по столу.

— Где ты нашла ее, Мадлен? Разве то, через что мы прошли, не достаточно ужасно без Маленькой Мисс Занозы-в-Заднице, поучающей нас?

— Это просто правильно, — говорю я.

— Правильные вещи — это роскошь для богатых и защищенных людей. Для остальных из нас, единственным правильным будет избегать неприятностей и жить максимально долго.

Он садится на стул и открывает книгу, демонстративно не глядя на меня.

— Они нуждаются в тебе. Ты единственный, кто может помочь им. Моей маме и моим друзьям...

— Убирайся, пока ты не убедила меня донести, чтобы избавиться от тебя.

Ему хватает совести выглядеть смущенным.

Мадлен закрывает дверь.

— Я оставляю ее незапертой.

— Прекрасно, — отвечает он таким голосом, что становится ясно — разговор закончен.

Я совсем недооценила, как тяжело уговорить кого-то рисковать своей жизнью ради других. Какими бы не были отношения Сопrotивления, они бы объединились в подобной ситуации.

— Может кто-нибудь другой управлять паромом? — спрашиваю Мадлен.

— Не потопив его, пытаясь выйти из дока? Ты не можешь никого заставить быть героем. Я оставила дверь открытой для Джейка в случае, если передумает.

— Этого не достаточно. Мне нужен кто-то, кто вернет паром назад сегодня ночью.

Даниэль, помощник Мадлен, высовывает загорелое лицо из окна автобуса.

— Поехали!

Мадлен берет меня за руку и тянет к автобусу.

— Идем. Это больше не наша проблема.

Я вырываюсь из ее рук.

— Как ты можешь так говорить?

Она достает маленький пистолет из кармана и направляет его на меня.

— Я сказала врачу, что приведу тебя в обитель и это то, что я собираюсь сделать. Я сожалею, но от этого зависит жизнь моего мужа.

— Много жизней могут быть спасены, в том числе жизнь твоего мужа, если мы только...

Она качает головой.

— Нет никого больше, кто сможет управлять паромом. И даже если мы найдем кого-то, он не будет рисковать своей жизнью больше, чем будет Джейк. Я не променяю жизнь мужа на несбыточные мечты о плане побега. Пошли. Сейчас же.

В ее глазах появился решительный блеск, как будто она готова выстрелить мне в руку и затащить в автобус.

Я неохотно иду по направлению автобуса с Мадлен.

Мы петляем через строй брошенных машин на трассе И-280 и движемся на юг. Чем сильнее мы удаляемся от пирсов, тем хуже я отношусь к плану побега. Похоже было, что капитана Джейка вполне устраивает его статус капитана-рабовладельца. Есть ли шанс, что он готов отбросить свою единственную возможность выжить и рискнет своей жизнью ради людей, которых он перевозил навстречу их гибели?

Есть маленький шанс, что рискнет. Он человек, а люди иногда совершают подобные вещи. Но более вероятно, что он будет постоянно пить в течение дня, пока находится в ступоре, вызванном чувством вины, когда скорпионы взлетят над их головами.

Это слишком. Мама и Пейдж — тоже слишком. Меч и Клара, и все те люди на Алякатрасе...

Я запикиваю все эти мысли в хранилище в голове и с трудом захопываю дверь. Сейчас у меня там целый мир. Я не могу позволить открыть его без риска быть заваленной всеми хранящимися там вещами. У меня было несколько друзей-терапевтов из Мира До. Чтобы разобраться в этом хранилище, потребуется целый жизненный путь терапевта.

Сидя в конце салона автобуса, я смотрю в открытое окно, на самом деле ничего не замечая. Все эти пятна мертвых машин, мусор, разрушенные и сгоревшие здания.

До тех пор, пока мы не проезжаем между двумя внедорожниками.

Внедорожники припаркованы, но у них за рулем водители. Они несут вахту и выглядят так, будто готовы в любой момент начать действовать. Трое мужчин возятся с чем-то на земле в стороне от дороги. Это что-то такое маленькое, что я не могу хорошо рассмотреть.

Когда мы проезжаем, я могу лучше рассмотреть водителей. Сперва я не узнаю их, потому что недавно они осветлили волосы. Но нет никакой ошибки — это веснушчатые лица Тра и Тру.

Я вспоминаю письмо, которое написала капитану, парома на случай, если не будет времени переговорить с ним. Я выдергиваю его из кармана и пристально смотрю на близнецов, чтобы они увидели меня. Когда мы проезжаем, они внимательно смотрят на нас, и их взгляды цепляются за меня.

Я смещаюсь в сторону, чтобы охранники не увидели, что я делаю. Я держу письмо, чтобы убедиться, что Тра и Тру видят его, и затем выталкиваю его в окно.

Оно падает на землю, но их глаза не следят за ним. Вместо этого они сохраняют спокойствие и продолжают наблюдать за оставшейся частью автобуса. Они не выходят из своих машин, чтобы подобрать его, хотя, уверена, что они заметили, как письмо падает.

Я бросаю осторожный взгляд на охранников, чтобы посмотреть, заметил ли кто-нибудь, что я сделала. Единственная, кто смотрит на меня, моя девушка-двойник, что сидит позади, но не похоже, чтобы она собиралась кому-то сказать об этом. Все остальные с напряжением, граничащим с паранойей, наблюдают за группой Сопротивления.

Мы все смотрим на парней в стороне от дороги, пока они не превращаются в точки. Мне кажется, они настраивают камеры для их системы видеонаблюдения вокруг залива Сан-Франциско. Имеет смысл, что у них несколько камер вдоль автомагистралей.

Возврат к нормальному ритму сердца займет некоторое время, и на самом деле мне нужно сдерживать улыбку. Никогда не подумала бы, что вновь буду хорошо отзываться о Сопротивлении. Но если кто-то и готов рискнуть своими шеями и справиться с задачей

спасения, то только эти ребята. Нет гарантии, что это произойдет, но здесь гораздо больше шансов на победу, чем с мистером "Посмотрите-На-Капитана-Номер-Один-Джейка".

Халф Мун Бэй окружен полумесяцем пляжа на побережье Тихого океана. Землетрясения и морские штормы изменили береговую линию до неузнаваемости. Халф Мун Бэй теперь больше похож на Кратер Мун Бэй со всеми этими вмятинами и выбоинами вдоль побережья.

Новая обитель — шикарный отель, который раньше стоял на утесе с видом на океан. Сейчас же он стоит на крошечном участке земли, чудом не смытом вместе с остальными скалами вокруг. Узкий земляной мост соединяет то, что осталось от залива с отелем на островке, из-за чего это место напоминает замочную скважину.

Земляной мост — вовсе не старая дорога, по которой раньше ездили в отель. Скорее всего, это клочок земли, который некогда был полем для гольфа. Независимо от того, чем этот мост являлся раньше, при движении он кажется ухабистым и неровный, впрочем, как и мои эмоции при приближении к такой недвижимости, как этот отель. Удивительно, что отель кажется неповрежденным, находясь так близко к морю.

Мы проезжаем мимо главного входа, возле которого дорога идет вокруг фонтана, освещенного разноцветными огнями. Удивительно, но он все еще работает. В конце дорога уходит с обрыва.

Мы въезжаем на территорию с той стороны, где асфальт все еще остался твердым, и большая часть поля для гольфа раскинулась над океаном, с открывающимся потрясающим видом вниз. Зеленую траву все еще кто-то косит, будто бы мы находимся в Мире До.

Единственное, что портит иллюзию — пустой бассейн на краю территории, наполовину свисающий с обрыва. Пока мы едем, чудовищно большая волна обрушивается на край утеса и отступает, унося кусок бассейна с собой.

Главное здание напоминает усадьбы из любовных романов эпохи Регентства. Как только мы припарковались, всех нас загоняют в здание через задний вход. Мы идем вверх по лестнице и оказываемся в кремово-золотом банкетном зале, который походит на кулисы театра.

Кругом стойки на колесах, заполненные костюмами. Распутные платья, полумаски с павлиньими и страусиными перьями, шляпы 1920-ых годов и блестящие ленты, броские костюмы в тонкую полоску и элегантные смокинги. Как будто этого не достаточно, со всех стоек и креплений в комнате свисают легкие, волшебные разноцветные крылья.

Армия людей в униформе отеля суетятся над костюмами и контужеными женщинами.

Женщины и девочки сидят перед зеркалами и наносят макияж или просто молчат, пока кто-то делает это за них. Некоторых женщин одевают, а некоторых выставляют перед персоналом в гламурных коктейльных платьях и на старомодных каблуках.

Визажисты бегают от зеркала к зеркалу с кисточками и порошком в руках. У одного зеркала расплыли так много лака для волос и духов, что все выглядит будто в тумане.

Стойки с костюмами так быстро ездят вокруг, что удивительно, как они не врезаются друг в друга.

Создается ощущение, что перья и блестки сами по себе носятся по комнате с нервной энергией.

Все явно волнуются.

Здесь слишком много женщин, способных служить Уриилу в качестве трофеев. Хотя

здесь наверно больше ста человек, едва ли кто-то разговаривает. По напряженности все это больше напоминает похоронное бюро, а не комнату для подготовки к сложной партии или игры, или чего-либо еще.

Я стою у входа, глядя на все это. Я понятия не имею, что мне делать. Мне нравится хаос. Возможно, я смогу улизнуть и отправиться на поиски Пейдж или Велиала. Все становится еще лучше, когда Мадлен словно забывает о нас и идет отдавать приказы группе парикмахеров.

Я дрейфую по комнате среди лент и блесков. В каждом разговоре шепотом я слышу одну и ту же мантру:

— Найди себе защитника среди ангелов, иначе...

Я оказываюсь среди женщин, готовящихся в одном из углов бальной залы. Мой двойник уже там. Женщины составлены в пары и выглядят как близнецы, коими не являются.

Так вот почему трофеи Уриила выглядели настолько напуганными, когда я видела их в последней обители. Они были выходцами из тюрьмы Алькатрас и вероятно знали об ужасах, которые им придется пережить, если они не понравятся Уриилу. Я думала, что клубная сцена в обители была нереальна, когда я была там, но теперь я знаю, каким безумием это казалось девочками, пришедшим туда прямо из фабрики ужасов.

Как раз в то время, когда я думаю, что за нами почти не приглядывают, и я смогу улизнуть, Даниэль, помощник Мадлен, подходит к ней, чтобы поговорить. Его голос кажется жутким в тишине.

— Брюнетки. Маленькие, но хорошо сложенные, — говорит он.

Даниэль посылает ей "я-сказал-вы-ищите" взгляд. Мадлен сканирует группу девушек, стоящих в парах. Все замирают словно кролики в ожидании нападения ястреба. Девушки пытаются защитить себя от Мадлен, опуская взгляд и смотря куда угодно, кроме нее.

Она смотрит на меня и на мою пару, Энди. Мы самые маленькие из брюнеток. Ее губы сжаты в упрямую линию.

— Вы же не собираетесь рисковать всеми нами, не так ли? — спрашивает Даниэль.

Его голос звучит так, будто он думает, что она будет.

— Мы должны дать ему то, что ближе всего к его желаниям. Вы знаете это, — страх виден через интенсивный блеск в его глазах и напряженные плечи.

Мадлен закрывает глаза и делает глубокий вдох. Кого бы ни защищал Док, для нее это кто-то особенный.

— Хорошо, — выдыхает она. — Приготовьте их.

Даниэль смотрит на нас. Остальные следуют за его взглядом. Мне не нравится сочетание сочувствия и облегчения в их глазах.

К нам относятся с особым вниманием даже несмотря на то, что рабочие выглядят измотанными и затравленными. После бурного душа, лосьонов, духов, стрижки, платьев и других подготовок, мы стоим перед Мадлен.

Наши маски из блестящего макияжа, а не из пластика. Игривые ленты синей и серебристой косметики тянутся от наших висков, окружают наши глаза и уходят на скулы.

Мы одеты в одинаковые платья с шелковой бордовой драпировкой, цепляющейся за каждый изгиб. Ленты с плюмажем из павлиньих перьев. Чулки с резинками на бедрах, чтобы не падали. Изящные, блестящие, великолепные, но неудобные каблуки.

Люди борются за жизнь на улицах, а я здесь, пытаюсь соблюдать осторожность на пятидюймовых каблуках, которые давят мне пальцы.

Мадлен медленно обходит нас вокруг. Должна признать, мы действительно выглядим как близнецы. Мои волосы обрезали до плеч, как у Энди, и в них так много лака для волос, что понадобился бы целый ураган, чтобы выбить хоть прядь из скрученных ореолов вокруг наших голов.

— Славная задумка с ресницами, — говорит Мадлен.

Нам приклеили длинные фальшивые ресницы, серебристые на кончиках. Я сомневаюсь, что Уриил мог бы помнить меня после того, как мельком видел в обители, но все же я рада, что сейчас с большой вероятностью даже собственная мать меня не узнает.

Мадлен заканчивает осмотр и кивает.

— Идемте со мной, девочки. Вы сделаете следующий шаг к архангелу.

Люкс Уриила выглядит впечатляюще. Жилая площадь огромна — копия того, что вы видите в голливудских фильмах. Две стены облицованы большими окнами, которые открывают потрясающий вид на океан на 180 градусов. Слой тумана выглядывает из-за горизонта, вьётся и плывет по воде.

Вид захватывает дух, и мы не можем удержаться от того, чтобы заглянуть в окно, как только наши каблуки ступают на плюшевый ковер, мы замедляемся.

— Сюда, девушки, — говорит Мадлен.

Она идет к роскошному столу, который находится на одной стороне комнаты, за пределами коричневых кожаных диванов и кресел. Она указывает по обе стороны стола.

— В то время, как архангел находится в своем номере, вы стоите в этих двух местах. Не двигайтесь, если он не говорит вам двигаться. Не так, как будто вы статуи. Вам разрешают дышать. Понятно?

Мы идем к нашим местам. На полу начертана тонкая полоска, обозначающая место, где мы должны стоять.

— Вы — живое искусство. Вы — трофеи архангела, и вы будете оставаться по обе стороны от него, пока он сидит.

Мы занимаем наши позиции, пока Мадлен принимает позу — грудь поднимает вперед, опускает одно плечо, подчеркивая изгибы и талию — показывает нам, как мы должны выглядеть. Мы копируем её. Она подходит и поправляет нас, кладет руку на мое бедро, наклоняет голову, поправляет мои волосы. Я видела, что так делали владельцы магазинов со своими манекенами.

— Когда архангел оставляет свою свиту, вы должны следовать за ним. Ходить вокруг стола и преодолевать все преграды с ним в унисон. Находитесь в двух шагах позади него все время. Если вы ошиблись или отстали — аккуратно входите в нужный темп, пока не догоните его. Ваша жизнь зависит от него.

— Что если мы захотим в ванную комнату? — спрашивает Энди.

— Терпите. Каждые несколько часов, у вас будет перерыв для того, что бы перекусить и сходить в ванную. Кто-то из нашей команды придет с едой и комплектами для макияжа, чтобы освежить ваши волосы и лицо в нужное время. Иногда архангел может дать вам перерыв перед долгой встречей. Он может быть хорошим со своими домашними животными, если они делают то, что они должны делать. — В её голосе звучит предупреждение, а не уверенность.

Она идет в противоположную сторону от стола и наблюдает краем глаза за тем, как мы выполняем все её требования.

Она кивает и разрешает нам сходить в ванную комнату. Когда мы возвращаемся, мы пробуем новые позы без ее помощи. Она смотрит на нас снова и делает незначительные корректировки.

— Удачи, дамы. — Её голос звучит мрачно.

Она поворачивается и уходит из люкса.

Мы стоим там в течение часа прежде, чем дверь открывается. Этого времени достаточно для меня, чтобы беспокоиться о всех возможных причинах, почему Уриил желает видеть нас здесь. Я нахожусь в середине плохо продуманного безрассудного плана,

понимая, что рискую не только своей жизнью, но и жизнями вокруг меня. Как я могу выбраться и найти Пейдж, пока я здесь, в роли украшения Уриила?

Мы явно чувствуем себя ослабевшими после того, как нас привели сюда. Но как только мы слышим снаружи голоса, я замечаю краем зрения, как Энди оживает настолько, что успевает принять нужную позицию. Мое сердце колотится так быстро, что я могу буквально увидеть, как моя грудь трепещет под эти движения.

Дверь распахивается и входит Уриил. Его приветливая улыбка кажется настолько подлинной, что достигает даже глаз.

В лучах океана, проникающих через окна, его крылья выглядят совсем белыми. То, что было похоже на прикосновение тьмы на скамье подсудимых, теперь выглядит как румяна тепла в этом розовом свете. Я думаю о том, что ближе к вечеру лучи Солнца, что отражаются от воды, могут сделать из такого убийцы, как он, удивительно прекрасное зрелище. Неудивительно, что все хотят жить в Калифорнии.

— ... должны сдать отчеты из вторичных лабораторий завтра. — Женщина идет за ним.

Золотой поток волос каскадом падает на её плечи. Совершенные черты лица. Большие голубые глаза. Голос... ну, ангельский.

Лейла.

Все мои мышцы напрягаются, и я волнуюсь, что опрокинусь на моих высоких каблуках от всего этого.

Лейла. Главный врач, который оперировал Раффи. Тот, кто должен был пришить назад его белоснежные крылья, а обманув, подарила ему демонические. Интересно, ударить ее каблуком в челюсть ради удовлетворения стоит того, чтобы умереть страшной смертью?

— Что так долго? — спрашивает Уриил, после того как закрывает дверь.

Лейла отвечает ему широко раскрытыми глазами, злым и раненным взглядом одновременно.

— Это чудо, что мы продвинулись так далеко, за такое короткое время. Вы знаете это, не так ли? Нам нужно ещё хотя бы десять месяцев, чтобы заставить Апокалиптическую машину работать.

Десять месяцев?

— Большинство проектов будет только началом работы. Нормальная команда все равно будет экспериментировать с первой партией, и может быть пройдет несколько лет, может быть десятилетия, и только тогда орда зрелых особей саранчи, будут готовы наброситься на этот мир. Моя команда почти мертва от истощения, Уриил. Я не могу поверить, что...

— Успокойся, — говорит Уриил. Его голос успокаивает, я слышу в нем нежные звуки.

Вторжение ангелов произошло менее чем два месяца назад. Неужели они создали лаборатории за много месяцев, ещё до фактического вторжения?

Он ведет ее к кожаному дивану, помогая ей сесть. Он устраивается на стуле рядом с диваном и кладет ноги на мраморный журнальный столик.

Его черные подошвы смотрятся неряшливо, рядом с бутылкой вина и цветами, расположенными на столе.

В противном случае, они представляют собой красивую картину. Два изысканных ангела, развалились на дорогой мебели.

Уриил делает глубокий вдох.

— Не торопись. Наслаждайся чудесами на Божественной земле. — Он с гордостью направляет руку в сторону окна с видом на захватывающий пейзаж.

Он делает еще один глубокий вдох, как будто учит её, как это делается.

Лейла следует его примеру и глубоко вздыхает несколько раз. До сих пор ни один из ангелов не взглянул на нас больше, чем на обеденный стол. Мы всего лишь мебель для них.

Я держу взгляд в точке на книжных полках, как подобает статуе. Последнее, что я хотела бы, это быть замеченной за наблюдением за ними. Думаю, лучше смотреть на врагов через периферийное зрение, в любом случае.

— Если бы я думал, что ты не справишься с этим проектом, я бы не просил тебя возглавить его, — Уриил поднимает бутылку вина и удаляет фольгу сверху. — Нет профессионала лучше, чем ты, Лейла. Мы все это знаем. Ну, все, кроме Гавриила. — В его голосе звучит сарказм, когда он упоминает Посланника. — Он не должен был назначать этого трусливого идиота Пейна в качестве главного врача этой области. Это должна была быть только ты. И так будет, как только я стану Посланником. Может быть, мы даже изменим название, под имя автора.

Идеальные губы Лейлы сложились в улыбку удовольствия. Ох, она хотела бы этого.

— Если бы Пейн был во главе этого проекта, — говорит Уриил, пока вкручивал штопор глубже в пробку от бутылки вина. — Он бы начал работу с клеточных культур, и мы бы ждали результатов несколько лет.

— Века, — говорит Лейла. — Он думает, что все должно начинаться с клеточных культур, только потому, что это его специальность.

— Его методы устарели. Ты — другое дело. Я знал, что ты перепрыгнешь через это. Ты гений. Зачем беспокоиться о построении видов с нуля, когда мы можем смешивать и сочетать то, что уже есть? Не то, чтобы это было чрезвычайно сложным, но всё же. — Он извлекает пробку. — Твоя работа абсолютно блестяща. И я знаю, что этот проект идет на невероятно рекордных скоростях.

Он кивает. Награждает ее взглядом.

— Но мне нужно, чтобы работа пошла быстрее. — Его дружелюбие превратилось в нечто безжалостное.

Он наливает бокал красного вина. Это выглядит, как поток свежей крови.

— И я знаю, ты можешь сделать это, Лейла. — Его голос мягок, обнадеживающий, но с оттенком приказа, который не потерпит неповиновения. — Я бы не дал тебе работу, если я бы не был уверен в том, что ты справишься с ней. Ваши сотрудники должны срезать углы, и позволить преждевременно родиться саранче, если это необходимо. — Он протягивает ей бокал и наливает ещё один для себя.

— И с кем это делать? Людьми? Я могла бы также попытаться дрессировать собак, чтобы работать с нами, для создания нового вида.

— Эта область земного шара является лучшей, что люди могут предложить. Это то, что ты сказала. Вот почему мы здесь, в этом бездуховном месте, а не в Мекке, или Иерусалиме, или Ватикане, где местные жители встали бы на колени и рассматривали бы нас с должным уважением. Вместо этого, мы выбрали оборудование, лаборатории и высококвалифицированных биологов. Помнишь? — Он делает несколько глотков. — Ты та, кто хотел приехать сюда. Так делай свою работу, Лейла.

— Я делаю все возможное. — Она делает глоток, окрашивая губы в темно-красный цвет вина. — Последняя партия саранчи имеет львиные зубы и волосы женщин, как вы просили, но они не могут использовать рты должным образом. Если вы хотите, чтобы они были ближе к библейским описаниям, нам нужно больше времени.

Он берет сигару из ящика на кофейном столике и предлагает ей.

— Сигару?

— Нет, спасибо.

Она скрестила длинные стройные ноги модели, села в позу, подчеркивающую изящные линии её тела. Она выглядит, как художественное создание идеального женского рода, больше богиня, чем ангел.

— Попробуй. Тебе понравится.

Я предполагаю, что она снова откажется. Даже могу сказать, что сигара не будет хорошим аксессуаром для нее. Но она стесняется.

— Интересно, кто-нибудь знал, что нектар богов придется курить, а не пить, как вино? Это не удивительно, что многие из нашего верхнего эшелона пристрастились к нему.

Она наклоняется вперед, чтобы взять её. Ее спина становится жесткой. Ее ногам неудобно в своем новом положении. Ее пальцы смотрятся неуверенно и неуклюже, пока она зажигает коричневый кончик.

— Саранча не должна быть совершенной, — говорит Уриил. — Им просто нужно положить начало хорошему шоу. Им всего лишь нужно прожить достаточно долго, что бы нанести приличный ущерб миру, а так же мучить и пытать людей в старой библейской форме, и затенить небо своей численностью.

Лейла делает затяжку. Я ожидала, что она закашляет как любитель, но этого не произошло. Она всего лишь сморщила свой идеальный носик.

— Я постараюсь ускорить процесс.

— Попытка не предусматривает обязательств. — Голос Уриила звучит гладко, но твердо.

Она делает глубокий вдох.

— Я не подведу, Архангел.

— Хорошо. Я никогда не сомневался в этом.

Он выдыхает дым. Сигара, должно быть, хороша. Он выглядит удовлетворенным. Он встает, а следом за ним встает и Лейла.

— Я должен сделать несколько обходов на вечеринке. Наверное, там происходит много диких вещей. Когда ты присоединишься к нам?

Лейла выглядит еще более неуверенной и зажатой, если это возможно.

— Мне нужно вернуться к работе. Мои сотрудники нуждаются во мне.

— Конечно, они нуждаются в тебе. Но им придется обойтись без тебя в течение вечера. Часть работы Главного ведущего врача, это посещение таких мероприятий. И поверь мне, этот вечер войдет в историю. Ты не захочешь пропустить такое. — Уриил выставил ее за дверь. — Мартышка, по имени Мадлен, поправит твою внешность перед выходом.

— Да, Ваша Светлость. — Лейла практически побежала к выходу.

В течение следующих нескольких часов Уриил готовится к вечеринке. Очевидно, это костюмированная вечеринка другой эпохи, только в этот раз, кажется, целью всех и каждого является маскировка.

— Сделайте маски и крылья, чтобы они покрывали все доступные места, — говорит он ангелу-помощнику, когда Мадлен и двое ее людей покрывают его крылья с серым оттенком белой легкой тканью.

Не смотря на то, что Мадлен и ее команда будут создавать костюмы для ангелов, Уриил обращается только к своему помощнику.

— Я хочу, чтобы все ангелы чувствовали анонимность. А все дочери человеческие — убедись, что они все не забыли надеть крылья.

— Крылья? — спрашивает ассистент.

Его крылья небесно-голубые и я понимаю, почему ангелы должны покрыть их, если они действительно хотят быть замаскированы.

— Но, Ваша Светлость, возможно, с тем количеством вина и костюмов, дочери человеческие могут перепутать ангелов с некоторыми пьяными солдатами.

— Разве это не будет бесчестье? — тон Уриила намекает, что это совсем не будет позором.

— Но если некоторые солдаты допустят ошибку... — он деликатно умолк.

— Тогда они будут лучше молиться о том, чтобы Посланником стал я, а не Михаил. В отличие от Михаила, который далеко на одной из своих нескончаемых битв по всему свету, я посещаю вечеринку. Я буду здесь, чтобы понять, какая ужасная ошибка может произойти. А что касается Рафаила, даже если они не принимают того, что он падший, они конечно вспомнят, как поучительно он вступил в дружеские отношения с дочерью человеческой, после этого его Хранители падут, поступая так же.

Мадлен и ее помощники накладывают слой черных перьев поверх крыльев Уриила, так что белая материя проглядывает между зазорами пера.

— Что ты делаешь? — раздраженно спрашивает Уриил.

Мадлен пялится на помощника Уриила, выглядя испуганной тем, что Уриил только что обратился к ней.

Она кланяется и пытается уйти в себя.

— Я... думала вы захотите быть в костюме. Ваша Светлость.

Я начинаю подозревать, что только Посланник имеет право называться "Ваша Светлость", и что его подхалимы называют так, чтоб польстить ему.

— Я надену маску и покрытие крыльев, но мне нужно быть узнаваемым, даже издалека. Большая часть нуждается в анонимности. Разве я выгляжу, как большинство?

— Безусловно, нет. Ваша Светлость — произносит Мадлен, задыхаясь от ужаса.

Она и ее люди трясущимися руками смахивают черные перья и легкий материал.

— Мы сейчас вернемся с более подходящим комплектом. Они убираются, унося с собой перья.

— Мои извинения, Ваша Светлость, — кланяется помощник.

— Я предполагаю, что смысленность — это для них что-то непостижимое.

Они начали обсуждение вина и ликера. По звуку бутылок, они должно быть очистили

каждый бар в заливе Сан-Франциско, чтобы этим вечером обеспечить ангелам постоянный поток. Меня снова поразило то, что мы находимся в состоянии войны, а они нет. Для них мы, люди, просто случайность. Не смотря на наше нападение на их прошлую обитель, они больше заботятся о напитках и костюмах, чем об обороне против людей. Конечно тот факт, что все ангелы были просто ранены и полностью восстановятся, если они этого еще не сделали, наверное, только укрепляет их возмутительную уверенность.

Я осторожно провожу пальцами по ткани на своем бедре, где должен был находиться мой меч с медведем на рукояти. Ткань кажется тонкой и уязвимой.

Вскоре Мадлен возвращается в апартаменты Уриила со своей командой, снаряженные стеллажами на колесиках, заполненными костюмами примерно 1920-ых и полными блестящих перьев. Они приступают к работе над Уриилом.

Он останавливается на белом костюме с крыльями сверкающими золотом и соответствующей маске, которая больше походит на корону, чем прикрывает лицо. Она тянется ото лба, создавая иллюзию, что он еще выше, и имеет форму кольца вокруг его глаз, фактически не скрывая его черты.

Когда он смотрит на себя в зеркало во весь рост, он приказывает Энди и мне встать позади него.

Наш макияж был обновлен и сейчас на нас мерцающие тонкие крылья, больше похожие на крылья феи, чем ангела. Мы идеальное дополнение к его костюму.

Теперь я понимаю, почему он хотел миниатюрных брюнеток. Наши маленькие тела, заставляют его выглядеть больше. Его крылья выглядят гигантскими, его рост кажется бесконечным. Мы просто темный шелковый фон к его золотому и бриллиантовому одеянию.

Мы приходим к началу вечеринки. Крылатые мужчины и гламурные женщины общаются на многоуровневой террасе и ниже, на поле для гольфа. Факелы и костры полыхают на фоне золотого сияющего неба перед закатом, освещая территорию.

Разноцветные фонарики развешены и развиваются на ветру как привязанные воздушные шары. Невероятные фуршетные столы с золотыми и серебрянными серпантинными лентами и блестящими конфетти, расставлены везде, подчеркивая торжественную обстановку всей сцены.

Прибой разбивается о скалы на краю поля для гольфа, тогда как с другой стороны, волны мягко расплескиваются по берегу. Ритм воды элегантно сливается с музыкой струнного квартета.

Я смотрю на океан и мне интересно, как на Алькатрасе проходит план побега. И Соппротивление уже по дороге сюда? Встанет ли капитан Джейк с кресла и поступит правильно? Потом я перевожу свой взгляд на блестящие, гламурные толпы недоумеваю, как я надеюсь найти свою сестру здесь.

Уриил светится, несомненно, он в своей стихии, когда приветствует своих людей. Сначала Энди и я идем точно на два шага позади него, но через некоторое время, толпа становится плотнее и у нас остается пространство, чтобы отставать на шаг. Это становится немного сложнее, когда мы спускаемся на поле для гольфа. Ничто не заставит девушку чувствовать себя так неуклюже, как каблуки в траве.

Обрывки разговоров разносятся, пока мы идем. Есть два слова, которые я слышу неоднократно: это "Апокалипсис" и "Посланник". "Апокалипсис" произносят громко и с удовольствием, тогда как "Посланник" — тихо, с оттенком настороженности.

Женщины одеты также эксцентрично и ярко, как и мы. Изящные крылья, локоны и

волны, сверкающие и яркие полумаски на лицах. Некоторые из них одеты в длинные шелка, а другие — в платья стиля флэппер ^[6] с бахромой.

Волосы ангелов зачесаны назад, они одеты в старомодные смокинги или костюмы. На них полумаски и крылья, замаскированные так, что изменяют их цвета и узоры. У некоторых из них, как и у нас, макияж или татуировки вокруг глаз вместо масок. Другие одеты в джазовые костюмы с перекрученными цепями, и шляпы.

Женщины вешаются на ангелов, смеясь и флиртуя. Их глаза, тем не менее, далеки от расслабления. Многие из них выглядят зловеще, полные решимости заполучить себе ангела, а некоторые из них выглядят вконец напуганными. Они, очевидно, серьезно следуют инструкциям заполнения покровительства ангелов.

Уриил замечает нескольких девушек из тех, что словно мысленно кричат от страха.

На этой вечеринке много женщин, но они сторонятся гораздо большего числа ангелов, чем это было в прошлый раз в старой обители. И в отличие от предыдущей, эта вечеринка набита до отказа мускулистыми безжалостными воинами.

Получается, что большинство женщин с крыльями больше похожи на фей, чем ангелов. Даже оперение крыльев больше похоже на крылья херувима, чем на настоящие ангельские. Никто ни за что не сможет принять этих женщин за ангелов.

Если сегодня ночью ангел поддастся искушению, он будет виновен утром. И будет знать, что он не сможет уверить других в том, что это была просто ошибка.

И Уриил будет его единственным шансом на спасение.

Я думаю, я уже знала, что Уриил коварный ублюдок. Подозреваю, он спланировал это за недели до вечеринки, медленно представляя дочерей человеческих с ангелами, бесконечные напитки, костюмы. И сейчас маски и маскировка крыльев позволяют быть анонимными, поэтому ангелы могут делать все, что им заблагорассудится, не чувствуя, что кто-нибудь наблюдает. Было бы очень странно, если бы Уриил предложил такое, как только они прибыли на землю.

Приходит на ум слово "умышленно".

Тот факт, что мне позволили услышать достаточно, чтобы собрать кусочки воедино, заставляет меня волноваться.

Очень волноваться.

Из обрывков разговоров обслуживающего персонала отеля, я заключаю, что это не вечеринка, а банкет. На повестке дня выпивка, полураздетые Дочери человеческие и еще выпивка. Затем ужин и выпивка. Потом танцы с дочерьми человеческими и еще больше выпивки.

На вечер запланирована основательная пьянка. Я полагаю, если ангелы не нарушат свои собственные правила сегодня ночью, запасной план Уриила состоит в том, чтобы убедиться, что они не помнят, что не нарушают правила.

Уриил скользит от одной группы к другой, пожимает руки, убеждается, что все хорошо проводят время. Он предлагает Энди и меня тем, у кого нет девушек в объятьях, но ангелы, едва удостоив нас взглядом, отказываются.

Я начинаю понимать намного лучше, какая грандиозная задача стоит перед Уриилом. Управление толпой — дело нелегкое.

Уже многие солдаты отказываются от крепких напитков и внимания женщин.

Некоторые в толпе тепло приветствуют архангела, коротко раскрывая крылья, салютуют. Не настолько, чтобы занимать много места, но достаточно, чтобы выказать уважение. Они не делали этого в старой обители. Должно быть, его стали больше уважать в ходе его избирательной кампании. Эти обращаются к нему — "Ваша Светлость".

Я рада видеть, что остальные группы приветствуют его простым кивком и вежливой улыбкой. Они называют его Уриил, Архангел, даже Ури.

— Ты в самом деле думаешь, что близится Судный день, Ури? — спросил воин.

Он не отсалютовал крыльями и даже не высказал особого почтения, но на лице неподдельный интерес и даже надежда.

— Я абсолютно уверен в этом, — говорит Уриил. Его голос полон убежденности. — Архангел Гавриил привел нас сюда не случайно. Привел и двух других архангелов на Землю вместе с легионом воинов, как предвестников Апокалипсиса.

Это не правда.

Мне интересно, что бы подумал Раффи обо всем этом.

Прежде, чем Уриил смог продолжить разговор, вмешались другие ангелы, и он приветствовал их ослепительной улыбкой.

Мои ноги уже отваливаются, а вечеринка только началась. Пальцы ног словно в тисках, а каблуки ввинчиваются в пятки словно электродрели. Я фантазирую, как отступаю в толпу и растворяюсь в ней. Смогла бы я выплыть или исчезла бы бесследно?

Едва успеваю подумать об этом, как раздается женский вопль, а за ним — неестественное рычание.

Пронзительный звук мгновенно проглатывает рев толпы, разговоров, музыки, накатывающих волнами.

Энди и я обмениваемся быстрым взглядом, прежде чем вернуться к нашим одинаковым позам. Мы превращаем наши лица в пластиковые и бесстрастные лица манекенов, однако, если бы кто-то действительно вглядывался в нас, то смог бы заметить безумный страх в глазах.

Уриил прокладывает путь к импровизированной сцене чуть в стороне от основной вечеринки. Он оглядывается на секунду дольше, чем обычно. Я даже не осознавала, как

пристально следила за ним с тех пор, как заметила перемену в его поведении. Его плечи и выражение лица мгновенно застыли, едва разум переключился с вечеринки на что-то еще.

Перемена столь незначительна, что вряд ли кто-то еще заметил ее, кроме, пожалуй, Энди, находящейся к нему так же близко как я.

Уриил разглядывает ангела, стоящего на краю толпы. У того снежно-белые крылья с золотой искрой и золотая маска в тон, скрывающая глаза. Он выглядит ангельски во всех отношениях, за исключением ухмылки, играющей на губах.

Он держит белоснежные крылья слегка неуверенно, словно не принадлежит этому месту. На одном крыле знак, врезавшийся мне в память — искромсанные ножницами перья.

Велиал.

Я так же узнаю двух ангелов с того видео, что показывал мне Док. Их крылья, мерцают бронзой и медью, но я готова спорить на свой следующий обед, что у одного из них ржаво-оранжевые крылья под костюмом. Это — Жженный — похититель маленьких девочек.

Автоматически стискиваю пальцы в кулак и с усилием заставляю себя успокоиться.

Велиал и Уриил обмениваются взглядами. Велиал едва уловимо кивает. Архангел отводит глаза, не отвечая, но улыбка, посланная кому-то, уже не такая напряженная.

Я рассматриваю людей вокруг Велиала. Само собой, Пейдж нигде не видно, среди моря ангелов, как и Раффи. Я даже не уверена, что доверяю словам Дока, что Велиал приведет Пейдж. Но мое сердце верит.

Уриил шагает в сторону группы воинов. Эти из той части, что зовут архангела "Ваша Светлость". Улыбки и раскрытые крылья вокруг. Пока Уриил идет мимо скрытых масками ангелов, один из них привлекает мое внимание.

Это воин с широченными плечами и телом Адониса. У него белые крылья, искрящиеся и сияющие серебром в сумерках. Соответствующая маска, отделанная перьями, скрывает все лицо, включая глаза и рот. Его лоб скрыт взъерошенными темными волосам.

Есть в нем что-то такое, что заставляет меня забыть о каблуках, затекших пальцах и близости толпы, даже о чудовищном политике. Чудится что-то знакомое в нем, хотя я не могу сказать что именно. Может, гордо поднятая голова или то, как он рассекает толпу, уверенный, что любой тут же уберется с его пути.

Хотя он и не следит за Велиалом, но движется в унисон с ним, останавливается, когда останавливается тот.

Все мое внимание приковано к воину, будто я ищу малейшие доказательства того, что это Раффи. Если бы он был в толпе людей, было бы легко вычислить его — бога среди смертных. Мне повезло оказаться в толпе, где каждый — гора мышц и рельефа, от которых женщины по всему миру сходят с ума. Одно плохо, слишком велик риск умереть здесь же, среди этих великолепных тел.

Воин, должно быть, почувствовал мой пристальный взгляд и оборачивается ко мне.

Я знаю, что как солдат, он должно быть уже все просчитал — кто его окружает, какое оружие имеет, лучший маршрут побега. Однако я сомневаюсь, что он обратил внимание на поголовье людей с присущим ангелам снобизмом.

Когда он смотрит на меня, то это взгляд "впервые вижу", что лишний раз доказывает — наглости ангелам не занимать. Я окончательно убеждаюсь в том, что это и есть Раффи.

Он сканирует меня взглядом, от завитых волос, украшенных павлиньими перьями, голубого с серебром макияжа, лентой охватывающей глаза и скулы, до шелкового платья, соблазнительно выделяющего каждую часть моего тела.

Пока его глаза не встречаются с моими и вспышка узнавания мелькает между нами.

У меня нет больше сомнений в том, что это Раффи.

Он делает вид, что не знает меня.

Всего лишь на секунду я вижу потрясение в его взгляде.

Он видел меня мертвой. Должно быть, это ошибка.

Эта блестящая девчонка совсем не похожа на ту замухрышку, с которой он путешествовал.

Все же...

Он делает шаг, останавливается и смотрит на меня.

Река людей словно обтекает его, так как он замер, словно скала в потоке. Он смотрит на меня, совершенно не обращая внимания на движение сверкающей ткани, оперение всех цветов, лица под масками и фужеры с шампанским.

Может быть, время и остановилось для него, но не для остального мира. Велиал продолжает двигаться дальше в толпу, в то время как Уриил подходит ближе к Раффи. Если Раффи не начнет двигаться в ближайшее время, то он будет вынужден поприветствовать Уриила.

Ангелы вокруг Раффи раскрывают свои крылья, когда к ним приближается Уриил. Если Раффи также не раскроет свои крылья, то Уриил заметит его. Возможно, он даже остановится, чтобы поговорить с ним. Узнает ли он голос Раффи?

Приход на ангельскую вечеринку с крыльями демона, напоминает мне поход на стрельбище, одевшись в мишень.

Я пытаюсь взглядом предупредить Раффи, но он смотрит на меня словно в трансе.

Только тогда, когда уже практически слишком поздно, он, наконец, моргает и замечает Уриила. Он склоняет голову и отворачивается, но оказывается втянут в поток ангелов, стремящихся поприветствовать Уриила.

Я не могу помочь Раффи, не лишившись при этом головы или не пережив что-то такое же ужасное. Но если я сделаю что-нибудь, чтобы отвлечь Уриила, он, скорее всего, дождется момента, когда мы останемся наедине, и только тогда разрубит меня на кусочки и скормит своим псам со скорпионьими хвостами.

По крайней мере, я на это надеюсь.

Я делаю два шага, не синхронизированных с моим названным близнецом. И спотыкаюсь. Я падаю на Уриила, ударяя его сильнее, чем планировала.

Уриил натывается на одного из своих подхалимов, и на его руку выливается шампанское. Он поворачивается и угрюмо смотрит на меня. Его глаза обещают мне вечную пытку.

Я почти ожидаю, что сейчас выскочат монстры-скорпионы и схватят меня на месте, увлекая в темницу, где приспешники смерти будут рубить меня на куски в одинокой темноте. Мне не нужно подделывать ужас в глазах, когда Уриил смотрит на меня.

Но, как я и предполагала, он разделается со мной после, когда закончит приглаживать перья или что там еще делают ангельские политики. Мне нужно придумать, как выбраться отсюда до тех пор.

К тому времени, как он поворачивается к своим поклонникам, выражение грубого насилия сменяется чем-то более подходящим для политика. Раффи нигде не видно.

Проходит несколько минут, прежде чем мое сердце возвращается к нормальному ритму. Я смотрю исключительно вперед и веду себя как образцовый аксессуар, мне стыдно посмотреть на Энди и увидеть страх у нее на лице. Она не очень полезна Уриилу без меня, так ведь?

Я надеюсь, что Раффи добрался до ближайшего темного угла. Я надеюсь, что с Пейдж все хорошо и я скоро ее найду. Я надеюсь, что мама и Клара все сделали правильно и убежали. И теперь еще есть Энди, которую я должна взять с собой, когда буду уходить, ведь если ее близнец погибнет или уйдет, ей будет подписан смертный приговор. А еще есть все

эти люди в Алькатрасе...

Слишком много.

Ответственность за маму и Пейдж уже почти что разрушает меня. Я утешаю себя напоминанием о том, что я ребенок, а не герой. У героев есть тенденция умирать ужасной смертью.

Так или иначе, я пройду через это, а потом проживу самую тихую жизнь, какую только возможно иметь в Мире После.

Мы следуем за Уриилом, поскольку он пробирается через толпу к импровизированной сцене, расположенной на лужайке со стороны океанского побережья. На сцене стоит длинный стол, покрытый белой скатертью. Ткань трепещет на океанском ветру, удерживаемая лишь тарелками и столовыми приборами. Ангелы сидят по обе стороны от пустого кресла в середине, словно ученики на Тайной Вечере.

Уриил прогуливается перед столом и останавливается в центре, глядя на вечеринку, раскинувшуюся перед ним.

Интересно, должны ли мы найти себе места и сесть, но и Энди, и я колеблемся, а потом просто принимаем позы трофеев по обе стороны от него.

Словно по команде, шум вечеринки затихает и все смотрят на нас. На Уриила конечно, но я рядом с ним и создается впечатление, будто уставились именно на меня, хотя должно быть никто меня и не заметил.

Я просматриваю толпу в поисках определенного саркастичного ангела.

Я делаю глубокий вдох. Неужели я действительно хочу, чтобы Раффи был еще здесь? Он уже чуть не попался. Если он быстро отсюда не уберется, это обернется для него самоубийством. Но я не могу не задаться вопросом, видит ли он меня.

Я должна смотреть лишь перед собой, как диктует положение, но мои глаза по-прежнему продолжают рассматривать лица под нами.

— Добро пожаловать, братья и сестры, — говорит Уриил, когда толпа затихает. — Мы собрались здесь, чтобы объединиться ради одного дела и праздновать. У меня есть для вас новости, как ужасные, так и удивительные. Начнем с ужасных.

Публика слушает с безмолвным любопытством.

— До тех пор, пока люди не напали на нашу обитель, мы считали, что они ведут себя хорошо, как и ожидалось. Но теперь они привлекли мое внимание, и оказалось, что они также совершают дурные вещи, на которые мы не можем просто закрыть глаза.

Уриил жестом просит кого-то выйти вперед. Ангел тащит на сцену съездившегося человека.

Он носит потертые джинсы, футболку с "Роллинг Стоунз" и очки. Он дрожит и потеет, явно напуганный. Ангел вручает Уриилу свернутую ткань.

Он разворачивает ее, позволяя содержимому упасть на сцену.

— Скажи, человек, — говорит Уриил. — Скажи всем нам, что ты спрятал в этой тряпке. Человек учащенно дышит, делая громкие, скрипучие вдохи и диким взглядом смотрит на толпу. Когда он так ничего и не говорит, его охранник хватает его за волосы и дергает голову назад.

— Перья, — заключенный вновь начинает задыхаться. — ... горстка перьев.

— И? — Подсказывает Уриил.

— Во... волосы. Прядь золотистых волос.

— И что еще, человек? — спрашивает Уриил холодным голосом.

Заклоченный бросает взгляды вокруг, выглядя загнанным в ловушку и отчаявшимся. Охранник вновь дергает его голову назад так, словно в шее нет позвонков.

— Пальцы, — рыдает человек.

Слезы текут по его лицу, и мне становится интересно, чем он зарабатывал себе на жизнь до того, как цивилизационному миру пришел конец. Он был доктором? Учителем? Продавцом в продуктовом магазине?

— Два... оторванных... пальца, — говорит он между всхлипами.

Охранник отпускает его. Дрожа, он съеживается на сцене.

— Что стало источником этих пальцев, волос и перьев?

Охранник замахивается и человек съеживается, прикрыв лицо.

— Я взял их еще кое у кого, — говорит мужчина. — Я никому не навредил. Клянусь. Я никогда никому не вредил.

— Откуда они взялись? — спрашивает Уриил.

— Я не знаю, — плачет мужчина.

Охранник хватает его за руки, и я почти слышу, как хрустят его кости.

Мужчина кричит от боли.

— Ангел.

Плача, он падает на колени. Его глаза мечутся по враждебной толпе с ужасом.

— Это части ангела.

Он почти шепчет, но публика молчит и я уверена, что они его слышат.

— Ангелы, — говорит Уриил своим громовым голосом. — Мартышки вырезают наших раненных братьев прежде, чем они успевают поправиться. Они используют наши перья, пальцы и другие части тел в качестве валюты. Все вы знаете, как долго и болезненно отрастают пальцы, не говоря уже о частях, которые мы не можем отрастить.

Ангелы кричат, обеспокоенные насилием. Уриил позволяет праведному гневу возрасти в толпе.

— До сих пор мы ожидали. До сих пор мы позволяли мартышкам засорять эту прекрасную землю, позволяя им верить, что они самый лучший вид во вселенной Бога. Они все еще не понимают, почему в течение столь долгого времени имели безграничную власть над Землей. Они настолько высокомерны и тупы, что даже не представляют, что никто другой не был достаточно глуп, чтобы из своего дома сделать легендарное поле боя.

Толпа ликует и кричит.

Уриил смеется над ними.

— Но у меня есть удивительная новость, братья и сестры. Новость, что поставит людей, вроде этих на место. Новость, что позволит нам с Божьего благословения наказать их.

Толпа успокаивается.

— Вам известны слухи, — говорит Уриил. — Вам известны домыслы. Я здесь, чтобы сказать вам — это правда. Знаки здесь. У нас есть определенное доказательство причин, по которым посланник Гавриил собрал нас здесь на Земле.

Публика взволнованно перешептывается.

— Мы не должны больше удивляться, братья и сестры. Мы не должны больше спорить и дискутировать ни о чем, будь то учебная тревога или перестрелка с Падшими, или еще одно предупреждение людям, пока они клюют нас своей галькой и камнями, — Он остановился для усиления драматического эффекта.

Толпа успокаивается.

Уриил окидывает толпу взглядом.

— Библейская саранча здесь.

Низкий гул быстро врывается в возбужденный рев. Он позволяет шуму усилиться, прежде чем поднимает руки, чтобы успокоить их.

— Как многие из вас знают, часть моей работы заключается в посещении Бездны. Вчера я открыл преисподнюю. И повалил оттуда черный дым, и потемнели солнце и воздух. И сошла из дыма на землю саранча. Как было предсказано, их лица были лицами людей, и имели они хвосты, как сильные скорпионы. Тысячи и тысячи. Затмевая небо.

Как по команде, все ангелы в толпе разворачиваются в ту же сторону, чтобы посмотреть на небо. Я вижу темное облако на горизонте до того, как слышу то, что слышат они.

Облако расползается, выплевывая больше тьмы, становясь все огромнее. Низкое жужжание быстро превращается в громовой рев.

Я слышала это раньше. Это звук роящихся скорпионов.

Все молчат и притихли, пока мы смотрим на бурлящее облако, несущееся к нам.

Уриил поднимает руки, будто готов обнять толпу.

— У нас есть подтверждение, братья и сестры. То, чего мы так долго ждали. То, ради чего мы были созданы. Все то, чем мы жили, дышали, о чем мечтали, наконец, здесь!

Командный голос Уриила нарастает в моей голове.

— Мы будем, как...

Боги.

— ... Герои древности!

Он делает глубокий вдох.

— Наконец-то, — Еще один вдох, его грудь удовлетворенно вздымается, — настало время Судного Дня. Легендарный апокалипсис начался!

Всем нужна минута, чтобы понять то, что он сказал, а потом орда скорпионьей саранчи движется к нам.

Я хочу закричать, что он лжет. Что скорпионы его творения, а не библейская саранча. Но я упускаю возможность сказать что-либо, потому что толпа сходит с ума.

Воины поднимают свои мечи, пронзая небо. Они издают боевой клич, который разрушает сумерки. Изгибаясь, их крылья вырываются из оболочек, где были спрятаны до сих пор.

Аккуратно сложенные перья Мадлены разлетаются повсюду. Перышки и пух взлетают в воздух и опускаются, представляя собой сцену из черно-белого парада прошлых лет.

Я отшатываюсь назад, жалея, что не могу просто исчезнуть. По иронии судьбы Энди делает то же самое, так что мы продолжаем быть зеркальным отражением друг друга.

Жажда крови пульсирует в воздухе, словно всплеск феромонов. Воздух наполняется ими всё больше и больше.

И тогда случается самое ужасное.

Рядом с нами на сцене, воин хватается торговца ангельскими частями и поднимает его над головой.

Парень извивается как ребенок, и его очки падают. Ангел швыряет его в толпу.

Сотня рук хватается бедного человека и тащит вниз, в центр толпы ангелов. Мужчина кричит и кричит.

Многие из них пихают друг друга, чтобы добраться до человека. Кровавые клочья ткани и обрывки, влажные куски чего-то, о чем я не хочу думать, летят туда, где мы приземлились.

Ангелы-воины бушуют и орут, беспokoйно толкаясь друг с другом, подбадривая тех, кто разрывает человека, потонувшего в их насилии.

В толпе много людей.

Отсюда они выглядят маленькими и испуганными, поскольку понимают, что происходит. Большинство из них женщины и они выглядят особенно беззащитными в своих коротеньких платьях и на каблуках.

Скорпионы взмывают в небо, затеняя его. Усилившийся ветер от взмахов сотен крыльев смешался с криками. Безумная энергия бьет ключом, будоража кровь и опьяняя воинов.

Люди паникуют и бегут.

И, как кошки, инстинкт которых атаковать бегущую мышь, воины атакуют. Это бойня.

Те, кто пойманы в ловушку в центре толпы, не могу сбежать, хоть и пытаются. Здесь слишком тесно, чтобы ангелы могли обнажить свои мечи. Поэтому они хватают людей голыми руками.

Крики наполняют ночь, в центре люди сбиваются в кучу, а по краям расходятся веером, потому что люди бегут в разные стороны. Ангелы, кажется, наслаждаются преследованием, потому что они позволяют людям убегать из толпы, прежде чем схватить их.

Один воин ударяет кулаком в живот официанта и вытаскивает длинную, кровавую массу, которая может быть только его кишечником. Он надевает его на кричащую женщину, как украшение. Ангелы вокруг него кричат в знак одобрения и в безумии ударяют кулаками в небо.

Со своего места на сцене я вижу, как красный цвет крови распространяется по толпе и

его невозможно остановить.

Энди в панике кричит. Она поворачивается и бежит, спрыгивает со сцены и уносится в ночь.

Мои инстинкты вопят сделать то же самое, но на сцене меньше всего людей, и это единственное безопасное место, что я вижу. Но быть на сцене во время этой бойни равноценно быть в свете ярчайшего прожектора, когда каждая клеточка моего тела хочет спрятаться во тьму.

Кажется, даже Уриил в растерянности и не знает что делать. Отрывистые движения головой и напряженные выражения его лица, когда он повернулся, чтобы отдать приказ помощнику, говорит мне, что это явно не часть плана.

Он хотел, чтобы все были пьяны, взволнованны и раздражены настолько, что смогут сломать табу сегодня вечером. Но такого он явно не ожидал. Возможно, если бы он был воином, а не политиком, то смог бы предугадать их реакцию. Он знал бы, что внешняя оболочка цивилизованного поведения, просто ждала момента, чтобы исчезнуть.

Ангелы пихающие друг друга в гонке, чтобы поймать кого-нибудь, начали нападать друг на друга.

Всё это превращается в потасовку, и помимо этого, в резню. Некоторые из них поднимаются в воздух для большего пространства, и хаос становится трехмерным.

Периферическим зрением я улавливаю движение, которое только сейчас привлекает мое внимание. Кто-то несется через толпу к сцене.

Я пытаюсь не позволить своему воображению пойти в том направлении, в каком оно хочет. Но ничего не могу поделать. Я не обычная девица в беде, ждущая спасения в виде принца на белом коне, но, независимо от того, есть ли на это шансы, было бы чертовски вовремя, если бы прилетел Раффи и унес меня в небо.

Но это не он.

Это Велиал. Его огромные плечи прорываются сквозь хаос, пока он прокладывает себе путь. Взглядом я рыскаю в толпе позади Велиала в поисках Раффи, но не нахожу его.

Разочарование бьет по мне так сильно, что я хочу заплакать. Мне нужно выбираться отсюда.

Одной.

Много отвлекающих действий — это хорошо. Снующие повсюду ангелы-убийцы — это погано.

Вот куда может завести меня мой отмороженный мозг.

Велиал залазит на сцену и проталкивается через ангелов, окружающих Уриила.

Меня окружают крики, рыдания и запах крови. Мой мозг и мышцы хотят заклинить, и мне приходится приложить все усилия, что бы сдержаться от того, чтобы прыгнуть в смертельную толпу, как Энди.

Я разрываюсь между тем, стоять ли мне здесь, ожидая пока ангелы сойдутся вокруг меня, или бежать в это месиво и надеяться, что я смогу выбраться отсюда.

У меня никогда не бывало приступов паники, и я надеюсь, что сейчас его тоже не будет. Но я более чем осознаю, каким ничтожным, несущественным созданием я являюсь по сравнению с этими полубогами. Я что, на секунду задумывалась над тем, что среди них может быть мой шпион? Что я смогу преодолеть любого из них? Я еще меньше, чем никто — я ничто. По всем законам природы, я должна свернуться клубочком под столом и звать мамочку.

Единственное, что делают остальные люди — это полагаются на мамочку.

Я далека от этого. Я всегда была сама по себе, и до сих пор у меня неплохо получалось, так ведь?

Мысленно я бегу через кучу уязвимых частей тела, которые делают размер и силу неуместными.

Глаза, горло, пах, колени — даже у самых крупных, самых выносливых мужчин есть уязвимые точки, которым очень легко навредить. Эта мысль успокаивает меня достаточно, чтобы я могла начать искать выход.

Рассматривая сцену уже меньше паникуя, я замечаю кого-то новенького на лестнице.

Раффи стоит на ступенях так прямо, как статуя, и смотрит на меня.

В сумерках его белокрылое покрытие сверкает, словно звезды на летнем небе. Я бы никогда не догадалась, что под этим покрытием скрыта пара демонских крыльев с острыми лезвиями по краям.

Он меня узнал?

Группа Уриила начинает спрыгивать со сцены и взмывать в воздух, словно единый

многокрылый организм.

Велиал последним покидает сцену. Он открывает свои украденные крылья на всю их ширину и начинает бить ими воздух.

Раффи прыгает и хватает его.

Они громко обрушиваются на сцену, но никто не замечает еще одну пару дерущихся воинов. Теперь мы единственные, кто остались на сцене. Ниже нас звуки резни. Над нами, кажется, бесконечная масса скорпионов пробирается через толпу летящих. Между всем этим — пьяный ангел, в рукопашную дерущийся с кем-то, взмыв в воздух.

Сверху на сцену обрушивается окровавленный ангел.

С него течет так много крови, что она попадает на мое платье. Его плечи ужасно изодраны, будто он счесал их об острый конец фонарного столба. Но он, кажется, не замечает этого, когда взлетает вверх, готовый к большему.

Я вдруг остро осознаю, что я — единственный человек вокруг.

Что бы я ни отдала сейчас за меч Раффи.

Окровавленный ангел шагает ко мне. Я хватаю добротный острый нож со стола и избавляюсь от туфель.

Или я пытаюсь.

Одна из моих туфель не хочет сниматься без посторонней помощи. Или моя нога опухла, или туфли были для меня сильно малы.

Я не знаю ни одного боевого искусства, которое не требует хорошей работы ног, и я уверена, что иметь одну босую ногу, а вторую в туфле на каблуке — не лучшая техника.

Мое платье тоже является проблемой. Оно длинное в пол и обтягивающее. Оно выглядит великолепно, но, точно, не дает мне достаточно пространства для удара. Ноги — самая сильная часть моего тела, и я не собираюсь страдать в бою из-за скромности. Я разрезаю ножом юбку по шву до бедра.

Я направила нож под углом, поэтому он пройдет между ребер, когда я ударю.

Горло — лучшая цель, но я слишком низкая чтобы тягаться с этим зверем. По крайней мере, не первая атака. Второй шаг, после того, как он принял удар, это уже другая история.

Он фактически улыбается моему ножу, как будто это только прибавляет ему веселья. Он приподнимает брови, видя по тому, как я держу нож, что я знаю, как им пользоваться. Но его меч остается нетронутым в ножнах, словно эта резня, и шумиха не заслуживает его использования.

Его глаза сосредоточены на моем ноже и лице. Это легко сделать, потому что мои руки возле лица в боевой позиции.

Но на ноге, что сзади, по-прежнему есть обувь, отчего она кажется на несколько дюймов выше той, что стоит спереди. Ни за что у меня не получится прилично работать ногами, вот так вот хромая. Поэтому я делаю единственное, что могу. Я в упор бью его в лицо каблуком.

Он не ожидал этого.

Ангел отлетает назад на сцену.

— Это действительно ты, — говорит Раффи.

Он смотрит на меня, не веря своим глазам. Его кулак взлетает в воздух, но замирает в процессе выбивания дури из окровавленного и шатающегося Велиала.

Он растягивается в улыбке, расплавляющей мои кости.

Велиал бьет его по голове, прерывая момент. Раффи отшатывается.

Велиал внимательно смотрит на меня. Он улыбается, как будто бы теперь знает секрет. Его зубы в крови, капающей с десен.

Он прыгает на сцену и расправляет крылья.

Раффи прыгает и хватает Велиала за ногу. Отдергивает его, мешая Велиалу взлететь. Раффи собирается вернуть свои крылья.

Я срываю оставшуюся обувь, готовая броситься ему на помощь.

Прежде, чем я могу снова двигаться, окровавленный ангел, которого я выбила со сцены, волочится обратно от груды бушующих тел.

Ну и ну, он выглядит обиженным.

Мой каблук попал ему в нос, который сейчас словно взорвался на его лице. Его когда-то

праздничная маска, теперь похожа на нечто из фильма ужасов.

Я возвращаюсь назад, быстро взглянув на Раффи. Он изо всех сил удерживает Велиала от взлета. Это замечательная возможность вернуть свои крылья. Кто будет спрашивать с очередного акта жестокости среди многих других? У него, возможно, не появится такого хорошего шанса снова.

Раффи смотрит на меня, и наши взгляды встречаются.

Ветер раздувает мои волосы по лицу и развивает мое платье с разрезом вокруг ног.

Я не уверена, что более унижительно — что мои чулки отображают весь путь к их верху, или что мои крылья феи развиваются на ветру перед боем.

Мой противник замахивается кулаком для удара, который окажется смертельным для меня, если достигнет своей цели.

Я готова к отвлечению и нападению. Говорю себе что могу победить его, но не могу скрыть того факта, что буду только задерживать неизбежное. Я понимаю, что побеждена.

Его кулак летит в меня.

Прежде, чем я могу среагировать, он отклоняется от предплечья, такого же большого, как его. Раффи со всей силы бьет его, ангел падает назад и остается там.

Велиал парит у края сцены, наблюдая за нами с кровожадным оскалом, словно ему нравится то, что он видит.

Он взмывает в воздух.

На спине Велиала красивые белоснежные крылья Раффи бьются назад и вперед. Раз два. Размахивая изящное «прощай».

Демон-исполин растворился в дерущейся и улетающей толпе.

Раффи стаскивает пиджак с моего полуобморочного обидчика и оборачивает вокруг меня. Он прикрывает всю верхнюю часть тела, включая мою голову. Прячась в пиджаке большого размера, я могу заглядывать через щель, образуемую благодаря воротнику.

Теплая рука обхватывает, словно щит, мое плечо и поворачивает меня к краю сцены.

— Оставайся со мной, — раздается знакомый мужской шепот над моей головой.

Даже среди воплей толпы и рева волн, что-то в моей груди раскрывается при звуке того голоса.

Я поднимаю голову, чтобы что-то сказать, но он прикладывает свой палец к моим губам и шепчет:

— Молчи. Ты испортишь мое представление о спасении невинной девицы, попавшей в беду, как только откроешь свой рот.

Я так рада, что залилась бы истерическим смехом, даже если бы открыла рот.

Моя способность видеть уменьшается до размеров прорези между воротниками пиджака, пока я торопливо шагаю, окутанная теплом его объятия. Он крепко прижимает меня к себе, направляя и прикрывая своим телом. Я иду рядом с ним, пытаюсь стать невидимой.

Мы спускаемся на четыре ступеньки в бурлящий котел насилия.

Как только мы оказываемся внизу, начинается толкотня. Я крепче сжимаю свой нож, пытаюсь подготовиться ко всему, что может произойти. Раффи щедро толкается в ответ и отпихивается в очень доминирующей манере. Он придерживает меня сзади, когда рассекает толпу перед нами.

Мы находимся у края толпы, но нам все еще надо проложить себе путь, чтобы достичь открытого пространства. Мы переступаем через тела, и я пытаюсь не смотреть вниз.

Большая часть толпы слишком занята собственной потасовкой, чтобы возиться с нами. Сейчас это в основном противоборство ангела против ангела, но еще есть несколько людей, они валяются на земле с поднятыми в защитном жесте руками, пытаюсь уклониться от избивающих кулаков и ног.

Раффи тянет меня за собой слишком быстро для меня. Я вижу не все в давке тел и врезаюсь в него, когда он внезапно останавливается.

Мы у края толпы, большая часть баталий осталась позади. Перед нами утес, роняющий тень на темный пляж. Единственное, что отделяет нас от свободы, — это драка.

Два ангела уже вовлечены в нее, другая пара кружит напротив друг друга. Ни у одного из них нет мечей. Эти драки не включают реальное нанесение увечий, по крайней мере, друг другу. Они похожи на пьяных воинственных викингов, с которыми Уриил думал, что может управиться.

Одного из ангелов отшвыривают, и он преграждает нам путь. Меня задевает его рука, когда он пролетает мимо, затем разворачивает и шатает. Голова выскользывает из-под большого пиджака.

— Что это там у тебя? — спрашивает тот, кто еще на ногах. — Одного упустили?

Он самодовольно хватает меня.

Раффи без предупреждения размахивается и бьет его в лицо, это сопровождается двумя настолько быстрыми ударами, что очертания его кулаков почти размыты.

Я уворачиваюсь в сторону и выхожу из его тени. Когда другой ангел, пошатываясь, отступает, Раффи не преследует его. Он остается рядом со мной.

Теперь я полностью раскрыта. Я сбрасываю куртку, становлюсь в оборонительную позицию и поднимаю нож перед собой.

Этот ангел, как и предыдущий, улыбается, когда видит мой клинок. Он настроен на более важную задачу, чем давка муравья. По крайней мере, у этого муравья есть острый нож и настрой.

Моя спина незащищена, но придется надеяться, что ангелы проявят благородство и не станут атаковать сзади, пока я защищаюсь. Для них это лишь развлечение, как ни крути. Рядом со мной Раффи уже обменивается ударами с ангелом. Он бьет нападающего с силой лобового столкновения.

Мой собственный противник делает первый ход. Его улыбка настолько широка, что можно подумать, я состряпала для него угощение.

Мужчины — они все тренируются друг с другом. Они ожидают нападения на определенные части тела, полагаются на верхнюю половину, и всегда недооценивают женщин.

Что касается меня, то я не обладаю силой по сравнению с большинством мужчин, тем более с этими парнями. Как и у женщин-бойцов, моя сила исходит от бедер и коленей.

Он бросается ко мне, пытаясь схватить клинок, ожидая, что я пойду прямо на него.

Я ныряю вниз, согнув колени, заставляя ангела нырнуть за мной.

Я вскакиваю в последнюю секунду и вонзаю лезвие в его пах со всей силы, балансируя на пружинящих ногах.

Зачем беспокоиться по поводу их сильных сторон, когда можно напрямую использовать слабые?

Он катается на песке, как и любой другой парень, получивший по яйцам. Он исцелится. Но не сможет нарушать запреты в ближайшее время.

Другой ангел падает головой вперед. Я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как Раффи избивает последнего. Еще несколько ангелов выходят из толпы следом за нами, привлеченные хорошей дракой.

Раффи замечает окровавленный нож в моих руках.

— Если у меня еще были сомнения, ты ли это, то сейчас они все развеялись.

Он указывает в сторону моего противника, катающегося по земле, прижимая руки к паху.

— Он должен был проявить вежливость и дать нам пройти. — Отвечаю я.

— Самое время научить его манерам. Всегда хотел встретить девчонку, которая грязно дерется, — кивает Раффи.

— В самообороне нет такого понятия, как «грязный бой».

Он фыркает

— Не знаю, что лучше — смеяться над ним или проявить уважение к тебе.

— Давай же, это легко.

Он ухмыляется. Есть что-то в его глазах, отчего все внутри меня расплавляется, словно нечто в глубине нас сообщает без моего ведома. Я первая, кто отводит взгляд.

Я засовываю лезвие между бедром и эластичной полоской своих высоких чулок. Если они достаточно плотны, чтобы держаться на месте при борьбе, то должны и порядочно послужить, удерживая мой нож. Я рада, что эти вещи для чего-то полезны.

Я поднимаю глаза и вижу наблюдающего за мной Раффи. Чувство неловкости накрывает меня.

Раффи обхватывает мою талию и поднимает меня на руки, как в старых фильмах. Его руки придерживают мою спину и колени.

Я рефлекторно оборачиваю руки вокруг его шеи. На мгновение я в замешательстве, и самые глупые мысли наполняют мою голову.

— Не отпускай меня. — Говорит он.

Он бежит вместе со мной к обрыву. Два шага к краю, и его крылья вырываются из своего укрытия. Блестящие белоснежные перья Мадлен взрываются позади нас, как только раскрываются огромные крылья летучей мыши.

Свобода в облике демонических крыльев.

Мне хочется смеяться и плакать одновременно.

Я лечу в объятиях Раффи.

Мы в воздухе.

Я крепче цепляюсь за него, а он перехватывает меня так, что я держусь как ребенок, обвив ногами его талию. Он теплый, даже не смотря на то, что в спину нам дует холодный ветер с океана. Мы очень тщательно выбрали высоту, и она была бы пугающей, но его руки вокруг меня приносят чувство безопасности, и я не могу не успокоиться.

Правда, это чувство длиться совсем недолго. Между крыльями Раффи я вижу проблески того, что находится позади нас.

Пьяные или нет, ангелы не испытывают проблем с подъемом в воздух. Вид крыльев демона, должно быть, подстрекал их, потому что нас преследовало гораздо большее количество ангелов, чем мы видели на пляже. Они летят через клочья тумана, словно освещенные огнем, в то время как мы скользим по волнам тьмы.

Ангелы должны быть прекрасными существами света, но те, что за нами, больше похожи на стаю демонов, сеющих тьму. Раффи должно быть подумал о чем-то подобном, потому что он усиливает хватку вокруг моей талии, как бы говоря «я не такой».

Он разворачивается, летя дальше от берега, туда, где туман стелиться словно одеяло. Он скользит ниже к воде, и туман становится толще, а волны шумят громче.

Мы так низко, что море брызг обрушивается на меня. Вода стелется под нами, превращаясь в бурную и подвижную поверхность. Это похоже на то, будто яростный и черный прибой растянулся на много километров.

Раффи поворачивает то в одну, то в другую сторону. Он делает резкие, неожиданные повороты, а потом некоторое время летит прямо. Побег с использованием маневров.

Туман очень густой, и есть шанс, что ангелы потеряли нас среди теней. Рев волн и ветра означает, что ангелы не могут слышать, как мощные крылья Раффи разрезают воздух.

Я дрожу, прижимаясь к его телу. Я настолько замерзла от ледяных брызг океанской воды и промозглого ветра, что не в состоянии чувствовать свои руки вокруг его шеи и ноги, обвивающие его торс.

Мы скользим в полной тишине, рассекая ночной воздух. Я понятия не имею, как близко ангелы и преследуют ли они нас до сих пор. Я ничего не вижу и не слышу в этой белой пелене. Мы еще раз поворачиваем, двигаясь к середине океана.

Внезапно из тумана выплывает лицо, а за ним и гигантские крылья с белоснежными перьями. Он слишком близко. Он врзается прямо в нас.

Мы теряем контроль, и крылья летучей мыши сталкиваются с перьями.

Раффи хлещет его своими косами, разрезая пернатые крылья. Острые концы крыльев разрезают плоть через слои перьев до тех пор, пока не цепляются за кости ангела.

Мы падаем, так как из-за слишком большой массы не можем держаться в воздухе. С большим трудом Раффи восстанавливает равновесие, но он не может использовать свои крылья как оружие и летать одновременно. Стоило ему только распутать их с крыльями ангела, как тот тянется к мечу.

У Раффи нет меча.

И он несет меня — пятьдесят килограммов мертвого веса, который может только испортить его баланс и боевую технику. Его руки не свободны, а держат меня, и он не может бороться. Его крылья должны быть оружием, а не держать нас в воздухе.

Моя единственная мысль — то, что я не собираюсь в конечном итоге действительно умереть в руках Раффи. Я не собираюсь быть еще одной раной на его душе.

Ангел достает свой меч.

Будучи обученной, я знаю, что некоторое оружие эффективно лишь на расстоянии. Меч один из таких.

Прямо сейчас ангел имеет достаточно места для того, чтобы уйти назад и пронзить нас или поднять свой меч и разрезать нас. Но если он прижмется к нам, то его возможности значительно сократятся.

Это просто вода. Будет чертовски холодно, если я упаду, но все же я не умру. По крайней мере, не сразу.

Просто удивительно, как часто мы должны идти против своего инстинкта самосохранения, чтобы выжить. Я еще сильнее сжимаю ноги вокруг талии Раффи и отталкиваю от него свою верхнюю часть тела.

От неожиданности он расслабляет руки, прежде чем снова крепко обернуть их вокруг меня. По времени мне этого достаточно, чтобы вытянуться и схватить вооруженную мечом руку ангела и одновременно рубашку его смокинга с высоким воротником.

Я фиксирую свой локоть и придерживаю его руку, чтобы избежать взмаха металла в нашу сторону. Я очень надеюсь, он недостаточно силен, чтобы раздробить мое плечо. Другой рукой дергаю его вперед.

На все это уходит секунда. Если бы ангел ожидал такой маневр, он ни за что бы не позволил мне совершить его. Но какой нападающий ожидает от своей жертвы, что та притянет его ближе?

Он лишен возможности полностью контролировать крылья, чтобы балансировать, и мне удастся толкнуть исключительно легкого ангела в нашу сторону.

С близкого расстояния его меч несет меньшую угрозу для нанесения удара, но Раффи вынужден летать неуклюже, чтобы не задеть своими крыльями клинка. Мы качаемся в воздухе, вблизи от темных волн.

Одной рукой Раффи крепко держит меня, другой отбивается от ангела, который пытается его ударить.

Я наклоняюсь и хватаю рукоять меча.

У меня нет шансов отобрать его у ангела, но я могла бы отвлечь его от борьбы с Раффи. И, если мне действительно повезет, я бы даже могла убедить меч в том, что его пытается поднять не владелец.

Мы сцепились в воздухе, неуклюже опускаясь, затем немного набираем высоту, подпрыгивая и кружа вверх-вниз над водой.

Мне удастся ухватиться за рукоять меча обеими руками, и, хотя я не в силах высвободить его из хватки ангела, но могу наклонить.

Как только мне это удастся, меч неожиданно становится тяжелым, настолько тяжелым, что рука ангела слабеет.

— Нет! — кричит он. Его голос полон неподдельного ужаса, так как меч угрожает выскользнуть из наших рук. Раффи бьет противника локтем свободной руки. Ангел кренился назад. Его меч падает. И исчезает в воде.

— Нет! — вопит он снова, ужас и неверие возникают в его глазах, когда взгляд устремляется к черным волнам, что поглотили меч. Предполагаю, у них нет ангелов-дайверов, чтобы поднимать мечи и другие ценности со дна океана.

Ангел издает боевой клич, жажда крови искажает его лицо. Он призывает к атаке.

Из густого тумана появляются еще два ангела.

Это неудивительно, со всем шумом, что наделал первый. Несмотря на это, мое сердце все равно подпрыгивает при виде их. На нас надвигаются все трое. Раффи разворачивается и летит к открытому морю. Нет ни единого шанса, что он обгонит их со мной, утягивающей его вниз.

— Отпусти, — заявляю я ему в ухо.

Раффи прижимает меня сильнее, показывая, что здесь не о чем говорить.

— Нам обоим будет безопаснее со мной, находящейся в воде, чем отяжеляющей тебя во время боя. — Он все не уступает. — Я умею плавать, Раффи. Это не проблема.

Что-то большое врзается в нас сзади. И руки Раффи освобождаются. Я отлетаю.

Первое мгновение падения чувствуется как замедленное движение, когда каждое ощущение усиливается. Чисто инстинктивная реакция выживания заставляет меня зацепиться и сжать первое, что я смогла.

Одна рука хватает воздух. Другая — кончик пернатого крыла.

Весь мой вес приходится на одно крыло, ангел изгибается и теряет контроль. Я направляю всю свою панику в тиски.

В океан мы погружаемся вместе.

Каждая клеточка в моем теле замерзает, а затем взрывается ледяными осколками. Холодные иглы впиваются в меня. По крайней мере, так кажется.

Эти ощущения наиболее сильны, когда моя голова уходит под воду, будто она была последним бастионом тепла в моем теле. Мне хочется вопить от шока, но мои легкие настолько замерзли, что вопль умирает внутри меня.

Темная буря кружит вокруг, когда я пушечным ядром срываюсь вниз. Я утратила всякое ощущение собственного тела и направления.

В конечном счете, я прекращаю падать, но, остановившись, я не уверена где верх. Мое тело кувиркается, пока секундомер воздуха в моих легких отсчитывает время.

Никогда бы не подумала, что не пойму где верх, а где низ, но без силы тяжести и света я не могу этого сказать. Я слишком напугана, чтобы выбирать направление.

Меня окружают пузырьки стремительно тающего воздуха, и я могу думать только об ужасных вещах, поджидающих меня в водяных глубинах ада. Все эти полубредовые ночи с мамой, напевающей в темноте, рисуют картинки демонов, утаскивающих меня в ад, заполняющийся водой огромный гроб-море. Эти темные фигуры двигаются в воде или...?

Забудь об этом.

Дыши. Плыви. Думай.

Не время быть поглощенной водоворотом бессмысленной чуши, не поможет.

Пузырьки. Что-то с пузырьками.

Разве они не поднимаются вверх?

Я подношу руку ко рту, чтобы почувствовать пузырьки и выпускаю драгоценный воздух из моих горящих легких. Они щекочут меня, проплывая по лицу и мимо ушей.

Я следую в ту же сторону. Течение воды может унести пузырьки в любом направлении, но, в конечном счете, они поднимутся наверх, правильно? Я определенно надеюсь на это.

Я выпускаю еще немного воздуха, пытаюсь не выдохнуть больше, чем мне нужно, пока пузырьки, соответственно, не касаются моего носа по пути вверх. Я гребу ногами со всех сил, следуя за пузырьками так быстро, как позволяют мои саднящие легкие.

Я начинаю отчаиваться, что плыву в неверном направлении, когда замечаю, что вода становится более переливающейся, светлой. Я плыву быстрее.

Наконец, голова взмывает на поверхность, и я делаю большой глоток. Соленая вода заливается в рот, когда волны бьют в лицо. Легкие сжимаются, и я отчаянно пытаюсь контролировать кашель так, чтоб не вдохнуть полный рот воды.

Море вспыхивает рядом со мной и что-то взрывается.

Головы, руки, крылья. Ангел, с которым я танцевала танго, тоже нашел путь наверх.

Он побеждает, отчаянно глотая воздух и разбрызгивая воду. Его перья промокли и, кажется, он не очень хорошо плавает. Он машет руками и крыльями, бесполезно шлепая ими по воде.

Он и дальше держится на плаву, но это очень утомительный способ плыть. Если бы он был человеком, он бы уже истратил всю свою энергию и утонул.

Я разворачиваюсь и отталкиваюсь от воды. Я так замерзла, что едва могу двигать руками.

Крылья ангела взмахивают впереди и блокируют меня. Они подтягивают меня поближе

к нему.

Я тянусь за ножом, надеюсь, что он все еще прикреплен к нейлоновой повязке. Руки настолько замерзли, что я едва его чувствую, но он на месте. Это обычный нож, а не ангельский клинок, но я все равно могу порезать его. Он все еще чувствует боль, все еще может истекать кровью. Ну, может, в таком холоде он не почувствует всей боли, но я должна попытаться.

Он тянется ко мне, и я всаживаю нож в его руку.

Он отскакивает назад и затем тянется ко мне другой рукой, хватая за волосы. Я режу его предплечье. Он отпускает, но затем снова хватает меня раненой рукой, разбрызгивая воду.

Он подтаскивает меня к себе, обвивает руками и тащит вниз, в классической попытке утопить, обезопасив себя, как учили инструкторы.

Я глубоко вдыхаю. Он толкает мою голову в ледяную воду, и она снова поглощает меня.

Не знаю, пытается ли он утопить меня в финальном «я-заберу-тебя-с-собой» жесте или просто подчиняется инстинктам. В любом случае, я закончу тем, что умру, если у него получится.

Я отбиваюсь со всей паникой и остатками сил, раня его тело и руки все глубже. Снова и снова.

Кровь подогревает воду.

Он ослабляет хватку, и у меня получается вынырнуть и набрать полные легкие воздуха. Он больше не толкает меня под воду, но все еще держит.

— Ты — не единственный монстр в этом мире, — выдыхаю я.

В северной Калифорнии есть еще большая белая акула. Наши сёрферы и акулы, кажется, по большей части живут в мире, за исключением редких нападений акул. Но никто никогда не зайдет в воду, при этом истекая кровью.

Я сильнее разрезаю его грудь. Ленты крови вытекают из него.

Мы встречаемся взглядами. Он думает, что я говорю о том, что монстр — это я. Быть может, он прав.

Я — не большая белая акула, но все эти ножевые порезы и удары напоминают мне маму и ее жертв. На этот раз я не против сходства. На этот раз я сильнее держусь за ее сумасшествие.

Иногда мне лишь нужно выпускать свою внутреннюю маму наружу.

Я снова режу его, словно сумасшедшая. Наконец он отпускает меня.

Я отплываю от него так быстро, как только могу. Я не блефовала насчет акул.

Нож усложняет греблю, но я не выпускаю его, пока не отплываю на безопасное расстояние от истекающего кровью ангела. Только тогда я засовываю его обратно в нейлоновую повязку.

Я настолько выжата, что замечаю ледящий холод снова только через несколько гребков. Дыхание превращается в клубочки тумана перед лицом, а зубы стучат, но я заставляю себя двигаться.

Сильный всплеск сотрясает воду.

Клубок крыльев и конечностей проносится над поверхностью, проделывая каналы в море.

Это Раффи и два ангела сцепились в схватке. Они кружат и сражаются, вспахивая волны.

Вскоре они разделяются и в конце тормозят, поднимая брызги и погружаясь в воду. Мечи обоих вражеских ангелов оголены, отчего им труднее плыть. Они висят на них, сражающихся с водой с их обвисшими, бесполезными крыльями.

Раффи выглядит не лучше. Его кожистые крылья промокают хуже, чем оперенные ангельские, но, очевидно, он понятия не имеет, как с ними плавать. Возможно, на небесах нет океанов.

Я плыву к нему.

Один из ангелов роняет меч, крича от боли и разочарования. Он, вероятно, держал его, сколько мог, но трудно оставаться на плаву, одновременно вкладывая меч в ножны, и еще труднее плыть с мечом в руке.

Второй ангел качается на поверхности, пытаясь удержаться на плаву, сжимая одной рукой меч.

Когда в третий раз ангел уходит под воду, кончик клинка опускается вниз, как будто он слишком тяжел для него. Голова ангела появляется на поверхности, и он с трудом выдыхает «нет, нет, нет» с непередаваемой тоской.

Кончик клинка падает в воду и исчезает. Меч ангела принял решение за него.

Меня не удивит, если меч — это единственное, с чем связаны войны, за исключением их товарищей по оружию. Это возвращает к воспоминанию, какие шок и боль испытал Раффи, когда меч отверг его.

Я плыву быстрее. Или пытаюсь. От холода у меня все онемело и дрожит, и сложно контролировать собственное тело.

Они все удерживаются на плаву, но с трудом. Мне интересно, как долго они смогут продержаться.

Только на расстоянии взмаха крыла Раффи я кричу:

— Раффи, прекрати молотить крыльями, — он оборачивается ко мне.

— Успокойся и я подплыву к тебе.

Я слышала, что большинство утопающих не могут сохранять спокойствие. Они должны собрать всю волю, чтобы противостоять инстинкту самосохранения, чтобы прекратить паниковать. Это позволяет довериться тому, кто спасает тебя.

У Раффи, должно быть, невероятная сила воли, потому что он немедленно прекращает бултыхаться. Он осторожно шевелит руками и ногами, но этого недостаточно, чтобы удержать его на плаву. Он начинает тонуть.

Я плыву с максимальным ускорением, на которое способна.

Его голова скрывается под водой до того, как я успеваю добраться до него. Я хватаю его, но его гигантские крылья создают сильное сопротивление, и меня затягивает вниз.

Мы оба погружаемся под воду.

Даже сейчас, когда мы тонем, он не бьется в истерике. Я в восторге от его стальной

воли, управляющей его инстинктивными порывами. И от степени его доверия.

Под водой я не могу посоветовать ему сложить крылья для уменьшения сопротивления. Я отчаянно хватаюсь за крыло и сворачиваю его.

Он понимает и складывает крылья вдоль тела. Они выглядят легкими и тонкими, как воздух. Я уверена, что если он узнает, как использовать их в воде, он сумеет скользить на них, как скат.

Пинаясь и вытягивая, как могу, я вытаскиваю нас на поверхность. Не то чтобы я супер пловец, но, как большинство калифорнийских детей, я провела достаточно времени в океане, чтобы чувствовать себя в нем комфортно. С полыми костями Раффи, или что там делает его легким, он не тяжелая ноша.

Волна накрывает меня, когда его голова всплывает, и он начинает дышать. Я плыву, обхватив одной рукой его плечо и грудь, удерживая наши лица над водой.

— Гребь ногами, Раффи. Пинайся ими, — его ноги работают как мощный мотор.

Как только мы соберемся и сможем двигаться в общем ритме, мы отплывем от остальных ангелов.

Тот, которого я подрезала, по-прежнему тихо дергался в кровавой воде не так далеко от остальных. Не знаю, что произойдет в борьбе между бандой ангелов и стаей больших белых акул, но хотелось бы находиться подальше, чтобы не видеть этого.

Так как ангелы находятся на территории акул, я ставлю на акул. Кто сказал, что ангелов нельзя убить?

Они быстро исчезают в тумане, и я полагаюсь на сверхъестественный инстинкт Раффи, который поможет нам плыть в направлении берега.

Все говорят, что вода Южной Калифорнии теплая, но к водам Северной Калифорнии это не относится. Конечно, не Аляска, но достаточно холодно, чтобы получить переохлаждение, ну или, по крайней мере, чувствовать, что получил переохлаждение. Никогда не видела, чтобы серферы входили сюда без гидрокостюма. Но тело Раффи теплое даже в этой морозной воде, и, я подозреваю, что это его жар поддерживает во мне жизнь.

Когда он устает, мы отдыхаем на его раскинутых крыльях. Расправленные крылья без усилия удерживают нас на плаву.

Когда достигаем берега, волны становятся более бурными, и мы неловко падаем. Волны то швыряют и топят нас, то несут к берегу.

Нам удается выбраться на песок. Мы проползаем достаточно далеко, чтобы быть выше уровня прибоя прежде, чем рухнуть кучей мокрых волос и одежды.

Я оглядываю архангела, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Он тяжело дышит и смотрит на меня так напряженно, что это заставляет меня испытывать неловкость.

Я понимаю, что нужно что-то сказать. Мы не разговаривали с тех пор, как он ушел из нашей комнаты в отеле старой обители на операцию. С тех пор прошло много времени, он думал, что я мертва.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то значительное, запоминающееся.

— Я...

Ничего не происходит.

Я протягиваю руку, думая, что, возможно, нужно касаться руками, чтобы наладить контакт. Но между пальцами запутались водоросли, и я рефлекторно стряхиваю их. Они со склизким хлопком приземляются на его лицо, а потом соскальзывают вниз.

Он раскидывается на песке, безмятежно смеясь.

Его смех слаб и ему не хватает воздуха, но это по-прежнему лучший звук, который я когда-либо слышала. Он полон тепла и подлинной радости, которую может испытывать только живой, дышащий... эм... человек.

Он дотягивается и хватается меня за руку. И тащит по песку к себе. Мое платье задирается, в нем больше песка, чем ткани, но мне все равно. Он обнимает меня и крепко прижимает.

Он — теплый очаг в море льда. Находясь в его руках, я ощущаю себя дома, которого у меня никогда не было. Раффи все еще с трудом сдерживает смех, рокочущий у него в груди. Моя грудь движется в такт с его дыханием, и я улыбаюсь.

Но где-то на полпути настроение меняется. Он сотрясается от звуков, сильно похожих на смех, но это не так. Он держит меня так крепко, что если нагрянет армия скорпионов и попытается вырвать меня из его рук, то не сумеет.

Я глажу его волосы и шепчу слова утешения, которые он говорил мне в прошлый раз, когда мы были вместе.

— Шшш, — говорю я. — Я здесь. Я рядом.

Он такой теплый, как полуденное солнце в летний день.

Мы держим друг друга в нашем маленьком теплом очаге, спрятанные от монстров ночи, клубящимся вокруг туманом и кровавым прибоем, плещущем у наших ног.

Мы оказываемся на пляже, среди ряда домов, укрытых завесой тумана. В Мире До эти дома стояли в пешей досягаемости от воды, но не на пляже.

В Мире После они тонут в море обломков и оказываются ближайшими к воде. Многие из домов до сих пор выглядят нетронутыми, с их морскими коньками на флагах, деревянными шезлонгами на крыльце, словно ожидают, что жильцы вот-вот вернуться домой.

Спотыкаясь, я плетусь в гостиную за Раффи, измученная настолько, что не замечаю ничего вокруг. Внутри мы защищены от ветра. Дом не отапливается, но по сравнению с тем, что было, здесь гораздо теплее. Я мокрая и вся в песке, мое тонкое платье облепило тело как перчатка.

В отличие от меня, Раффи в полной боеготовности. Он проверяет каждый угол дома, прежде чем расслабиться.

Здесь нет электричества. В комнатах царит темнота. Туманное лунное сияние льется сквозь окна. Нам повезло. В доме есть камин с ящиком для дров рядом с ним, вместе со спичками, и декоративные свечи на каминной полке.

Я пытаюсь зажечь свечи. Мои руки трясутся так сильно, что я ломаю три спички, прежде чем зажигаю свечу. Раффи разводит огонь. Едва появляется крошечный язычок пламени, я немного расслабляюсь. Можно подумать, часть меня всерьез беспокоилась, что мои жизненные функции напрямую зависят от огня.

Раффи бьет дрожь, но он встает и закрывает вертикальные жалюзи на окнах. Не знаю, как ему хватает на это сил. Моих ровно столько, чтобы подползти к камину и оставаться как можно ближе к живительному теплу.

Он даже находит время, чтобы схватить пару одеял и полотенце, где-то в темных закоулках дома и завернуть меня в одно из одеял. Моя кожа так заледенела, что я едва ощущаю мягкое тепло его руки, растирающей мою шею.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

Я отвечаю, клацая зубами.

— Настолько хорошо, насколько это возможно, после купания в кишасей ангелами воде.

Раффи кладет руку на мой лоб.

— Вы, люди, такие хрупкие. Если вас не убивает время, то это делают микробы, акулы или переохлаждение.

— Или жаждущие крови ангелы.

Он встряхивает головой.

— Вроде все в порядке, и вдруг вы уходите навсегда, — он уставился на мерцающий в камине огонь.

С моих волос капает ледяная вода, сбегает ручейками по шее и спине. Платье липнет к телу, словно влажный песок. Будто прочтя мои мысли, Раффи оборачивает пляжное полотенце вокруг своей талии и скатывает его на животе, чтобы удерживать на месте.

Он стаскивает ботинки и сдирает штаны.

— Ты что делаешь? — нервно спрашиваю я.

Он продолжает раздеваться.

— Пытаюсь согреться. Тебе следует сделать то же самое. Мокрая одежда сохранению тепла не способствует. Его штаны плюхаются на ковер.

Я не решаюсь сделать это, пока он сидит так близко ко мне, напротив огня.

Он раскрывает свои демонические крылья. Я полагаю, он пытается их высушить, но они создают эффект тепловой ловушки. Мышцы спины расслабляются, едва я ощущаю, как теплый воздух окружает меня.

Я встряхиваюсь, пытаюсь избавиться от ледяной воды. Раффи окружает меня крыльями, согревая нас обоих.

— Отлично поработала там, — говорит он.

Архангел смотрит на меня с молчаливым одобрением.

Я удивленно моргаю. Не то, чтобы никто не говорил мне этого раньше, но не так. По-другому. Неожиданно.

— Ты тоже, — мне хочется сказать больше.

Лихорадочно подыскиваю слова, роясь в хранилищах мыслей, но дверь туда с треском захлопывается. Мысли давят на дверь как поток, грозясь затопить меня. Я упорно держу дверь закрытой, привалившись спиной для верности. Мой язык все еще путано излагает мысли.

— Ага, ты тоже.

Раффи кивает, как будто понял все то, что я не решилась высказать.

Какое-то время мы молча слушаем, как потрескивает огонь в камине.

Я согрелась настолько, что готова избавиться от шершавого, влажного платья, высасывающего тепло кожи. Я заворачиваюсь в одеяло поплотнее и прикусываю кончики, чтобы удержать его на месте ширмой.

Раффи ухмыляется, видя, как я извиваюсь, пытаюсь сбросить мокрое платье.

— Я уверен, что уважаемый современный мужчина повернулся бы спиной, а то вдруг одеяло свалится.

Я киваю, крепче стискивая одеяло зубами.

— Но тогда мы потеряем тепло, — он разводит крылья на несколько дюймов, чтобы продемонстрировать наглядно.

Холодный воздух мгновенно впивается в мои ноги. Раффи сводит крылья обратно и пожимает плечами.

— Постарайся, чтобы оно не упало.

По-прежнему молча извиваюсь на месте, высвобождаясь из левого рукава.

— Я не ехидничаю, если что, — говорит он, — потому что это было бы катастрофой.

Сощуриваюсь и посылаю ему взгляд, говорящий: даже не пытайся меня рассмешить.

— Ты слышала шутку о...

Ярываю платье под одеялом. В любом случае, оно безнадежно испорчено. Срываю его и выбрасываю из-под одеяла.

Оно приземляется на штаны на ковре.

Раффи раздражается хохотом, прекрасным беззаботным и искренним. Смех так заразителен, что я едва сдерживаюсь, чтобы не вторить ему.

— Ты просто мастер гениальных решений, — усмехаясь, говорит архангел. — Правда, все они из серии — рвать, ломать, пинать, но творческий подход налицо.

Я разжимаю зубы — теперь я могу держать одеяло руками.

— Надоело мокнуть, вот и все. Я думаю, твоим шуткам не грозит стать смешными.

— Меня ранят твои комментарии, — говорит он с улыбкой.

Слово "ранят" отзывается во мне эхом, я вижу, что так и есть, ибо его улыбка меркнет.

— Что случилось там, в старой обители? Я видел, как тебя ужалил скорпион. Я смотрел, как ты умираешь. Как тебе удалось выжить?

Объясняю, что жало скорпиона парализует и замедляет сердцебиение и дыхание так, что человек кажется мертвым.

— Я думал, что потерял тебя.

Потерял меня?

Я уставилась в огонь, не видя ничего перед собой.

— Я тоже думала, что потеряла тебя, — с трудом выговорила я.

Огонь трещит и пожирает древесину. Это напоминает мне о пожаре в старой обители, когда Раффи спас меня, даже если он думал, что я мертва.

— Спасибо, что вернул меня моей семье. Это было безумно и опасно делать.

— Я был слегка чокнутым и опасным в тот момент.

— Ага, я заметила. — Мне никогда не избавиться от воспоминаний как Раффи крушит тубы с заключенными в них скорпионами, как убивает монстров, видя мою смерть.

Его губы кривятся, словно он смеется над самим собой.

— Должно быть, это было увлекательно.

— Нет, на самом деле не было. Это было... душераздирающе. Это разбило мне сердце.

Я моргнула, когда осознала, что произнесла это вслух.

— Я имею в виду... — ничего не приходит в голову, чтобы объяснить как-то то, что я только что сказала.

— Разбитое... — он смотрит в огонь, — сердце...

Раффи произносит слова так, словно они для него внове, затем кивает.

— Ага, полагаю, это отражает суть.

Огонь потрескивает в камине. Удивительно, как быстро он согрел нас.

— Я не говорю, что ты был убит горем, — я будто бы забыла родной язык, с трудом подбираю слова. — Я только сказала, что на это было невыносимо смотреть... для меня.

Он не подтверждает, но и не отрицает, мог он или не мог быть убит горем.

— Ну ладно, может, ты действительно немного расстроился. — Как неловко!

Теперь я окончательно смутилась. Часть меня ругается последними словами, что я такая тупица, а часть — с замирающим сердцем ждет реакции.

Оранжево-красное пламя растет и становится жарче. Ритмичный танец и потрескивание огня гипнотизирует. Восхитительное тепло.

— Ты дрожишь, — говорит Раффи неохотно, даже с горечью. — Прими душ. Может, нам повезло, и здесь есть горячая вода.

Он медлит, а я задерживаю дыхание.

Раффи отстраняется от меня.

Он встает и уходит в темноту дома.

Холод моментально возвращается, едва исчезает защита от крыльев. Я смотрю, как Раффи сливается с тьмой — сначала крылья, затем голова, плечи и руки скрываются в тени.

И все.

Я сижу, глядя ему вслед, и хочу сказать что-нибудь, но не знаю что именно.

Неохотно встаю и отхожу от камина. В доме становится холодней, пока я поднимаюсь наверх в поисках ванной.

Там есть мягкие полотенца, сложенные аккуратными стопками, что предполагает, что их не использовали после стирки. Это было, наверное, несколько месяцев назад.

Я принимаю душ при свете свечей. Вода едва теплая, но в сравнении с океаном кажется в самый раз. Хотя, я не задерживаюсь долго. Лишь на время, достаточное для того, чтобы смыть песок, мыло и шампунь как можно быстрее. Я все еще дрожу от холода, просочившегося в мои кости и не могу дождаться, когда снова буду сухая и в тепле.

На двери ванной висит толстый халат, в который я хотела бы завернуться. Но эта роскошь для людей из Мира До, а не для тех, кто в любую минуту может бежать от монстров или мародеров.

Я быстро роюсь в шкафах и ящиках для одежды. Лучшее, что я могу найти — это вязаное платье или свитер. Все остальное, как минимум, на четыре размера больше. Я обвязываю свитер вокруг пояса вместе с шарфом и натягиваю пару эластичных брюк. Ноги удобно прикрыты до самых лодыжек, хотя это, скорее всего, укороченные брюки.

Уверенна, что могла бы найти что-то получше, но я не хочу ошиваться со свечей у окна на втором этаже. Туман скрывает крохотный огонек, но стоит ли напрашиваться на неприятности?

Внизу гостиная тепло освещена отблесками огня от камина. Раффи стоит на стуле, приклеивая одеяло поверх окна. Должно быть, он подумал о том же, о чем и я — о привлекающем внимание свете свечей.

Есть что то такое в нем, стоящем на стуле и пытающимся достать до верхнего окна, что помогает мне расслабиться. Это кажется таким нормальным.

Ну, нормально, если ты игнорируешь темные крылья, скользящие за его спиной. Я догадываюсь, что он высушил их. Крюки и косы сверкают в свете свечей. Ни пера, чтобы покрасоваться. Я задумываюсь, начищает ли он косы?

— Ты ведь не Падший? — вопрос срывается с моих губ прежде, чем я успеваю прикрыть рот рукой.

— Из всего, что я слышал, это лишь делает меня еще более сексуальным для вас, Дочерей Человеческих.

Он заканчивает приклеивать последний кусок одеяла.

— Что вы все находите в плохих мальчиках?

— Я задала вопрос, Раффи. Это серьезно.

— Это шанс для тебя обеспечить себе спасение? — он спрыгивает со стула и, наконец-то, оборачивается, глядя на меня.

При взгляде на меня, его плечи сотрясает немой смех, который вскоре перерастает в открытое хихиканье.

Смех Раффи — это то, чем я обычно наслаждаюсь, за исключением того, что он смеется надо мной.

Я смотрю себе под ноги. Допускаю, что могла сильно торопиться, пока одевалась наверху.

То, что при свете одной свечи выглядит как свитер с едва заметным узором, при свете нескольких оказывается свитером с леопардовой расцветкой. И поскольку он большой для меня, то везде собирается в складки и свисает.

То, что я приняла за темный шарф вокруг моей талии оказывается красным галстуком, а коричневые носки на самом деле являются несоответствующей парой из розового и фиолетового.

— Почему всем остальным можно выглядеть, будто они участники вечеринки поохотимся-на-зомби, а я должна переживать на счет моды?

Он не прекращает хихикать.

— Ты выглядишь, как леопардовый шарпей.

Я думаю о маленьких собачках, похожих на мопсов с большими складками кожи.

— Знаешь, ты пугаешь меня. Меня будет преследовать то, что меня обозвали морщинистой маленькой собакой в мои нежные семнадцать лет.

— Ага. Чувствительная девушка. Это показывает, какая ты есть, Пенрин. — Свет от камина смягчает его черты лица и согревает кожу. — Но если тебе нужен небольшой толчок для твоего нежного эго, то могу сказать, что ты великолепно выглядела с крыльями.

Внезапно я чувствую себя неловко.

— Спасибо... Наверное.

— Ты не хочешь выглядеть великолепно с крыльями?

— Боюсь, что это может стать предметом насмешек, что я, гм, похожа на морщинистую собаку с крылышками, но я же хороший человек или что-то такое, — я смотрю на потолок, пока размышляю об этом. — Ладно, это не смешно, получилась действительно плохая шутка.

— О, не беспокойся. Ты в безопасности, — уверяет он. — Я никогда никому не скажу, что ты хороший человек.

Я неодобрительно смотрю на него, и он хихикает над своим собственным комментарием. И в этот миг он снова становится тем же Раффи, которого я знала на дороге.

Мы нагреваем воду на газовой плите, которая все еще работает, если ты можешь зажечь ее спичкой.

После этого мы сидим у камина, попивая горячую воду из кружек, пока я рассказываю, что происходило со времени нашей последней встречи. Тепло такое приятное, что я хочу свернуться калачиком и уснуть.

— Где мой меч?

Я глубоко вздыхаю. Я не упоминала о сновидениях меча. Будет немного чересчур, если я признаюсь, что я совала нос в его жизнь.

— Мне пришлось оставить его в куче хлама на тридцать девятом пирсе в Сан-Франциско, когда меня поймали.

— Ты оставила ее?!

Я киваю.

— У меня не было выбора.

— Она не заслужила одиночества.

— Думаю, никто из нас не заслужил.

Мы встречаемся взглядами, и через меня пробегает электрический заряд.

— Она скучает по тебе, — шепотом говорю я.

— Правда? — его голос смягчается. Он так пристально вглядывается в мои глаза, что, клянусь, смотрит прямо мне в душу.

— Да, — тепло приливает к моим щекам. Я... — Она постоянно думала о тебе.

Свет от свечей мягко мерцает на линии его подбородка и губ.

— Ненавижу терять ее, — его голос теперь — низкое рычание. — Я и не осознавал, какую поддержку получил. — Он тянется и убирает мокрую прядь волос с моего лица. — Как опасно может быть привыкание.

Его взгляд приковывает меня к месту, и я не могу ни пошевелиться, ни вдохнуть.

— Может, девушка должна слышать это. Может, она тоже хочет быть с тобой, — слова сливаются в поспешном шепоте.

Он закрывает глаза и глубоко вдыхает. Качает головой.

— Этому не бывать.

— Почему?

— Правила. Традиции. Опасность. Со мной быть опасно.

— Опасно быть без тебя, — я ближе придвигаюсь к огню.

Он тянется и набрасывает одеяло мне на плечи.

— И все равно это не меняет правила.

Я закрываю глаза и чувствую тепло его пальцев, пробегающих по моей щеке.

— Кому нужны эти правила? Конец света, помнишь?

— Нам нужны. Ангелы — раса воинов.

— Я заметила. Но зачем они вам?

— Единственный способ сдерживать общество убийц вместе на веки вечные — это строгая субординация и нулевая терпимость к нарушению правил. Иначе мы бы давным-давно поубивали бы друг друга.

— Даже если правила бессмысленны?

— Иногда они имеют смысл, — он ухмыляется. — Но это не относится к делу. Главное — чтобы воины исполняли приказы, а не судили о них.

— Но если они отделяют тебя от вещей и людей, которые тебе небезразличны?

— Особенно тогда. Часто это самое эффективное наказание. Смерть — не большая угроза для настоящего воина. Но забрать твою Дочь Человеческую, твоих детей, друзей, твой меч — вот это действительно наказание.

Не могу ничего с собой поделаться. Придвигаюсь ближе к нему так, что мое лицо находится на расстоянии поцелуя.

— Мы правда такие страшные?

Он практически нечаянно смотрит на мои губы. Но не отодвигается ни на миллиметр. Он приподнимает бровь.

— Дочери Человеческие действительно опасны. Не говоря уже о раздражительности, — он пожимает плечами. — Хотя, их болтливость — довольно мило.

Я откидываюсь назад.

— Я начинаю понимать, почему твой меч ушел от тебя. — Ой. Вышло неправильно. — Прости, я не имела в виду...

— Она ушла, потому что делала то, что приказано было делать, почувствовав тьму.

— Почему?

Он смотрит в кружку.

— Потому что Падший с ангельским клинком слишком опасен. Их крылья со временем изменяются и, в конечном счете, отрастает их собственное оружие, если они переживают достаточно сражений. Иметь оба крыла Падшего и ангельский меч — это слишком опасное

оружие, чтобы оно было дозволено.

— Но ты же не Падший, так? Почему тогда твой меч бросил тебя?

— Ее запутали крылья, — он берет питье, выглядя так, словно желает, чтобы это было что-то покрепче воды.

— Она частично понимает, но это не похоже на разум, — он наполовину улыбается.

Я вздыхаю и опускаю кружку.

— Твой мир отличается от моего. Разве у вас есть что-то общее с людьми?

Он смотрит на меня этими глазами убийцы на идеальном лице.

— Ничего, чтобы мы могли допустить.

— Нет никакого пути избежать этого, правда? — спрашиваю я. — Мы — смертельные враги, и я бы должна пытаться убить тебя и тебе подобных.

Он прислоняется ко мне, прикасаясь своим лбом к моему и закрывает глаза.

— Да, — его нежное дыхание ласкает мои губы, когда он говорит.

Я тоже закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на тепле его кожи.

С поисков пищи Раффи возвращается с коробкой злаковых хлопьев и банкой арахисового масла. Я хотела отправиться в путь, но он настоял на том, что солдатам нужна пища, чтобы лучше бороться. Кроме того, он сказал, что ему нужно время на обдумывание следующего шага. Таким образом, он взлетел в ночное небо со своим удобным ночным зрением, а я сидела в доме у свечи.

Каша из отрубей и изюма на вкус как небеса, ну, то есть нирвана или что-то еще столь же замечательное и не напоминающее о смертоносных ангелах.

На этот раз у нас чистые руки и мы едим горстями хлопья и слизываем арахисовое масло прямо с наших рук. Я думаю, в этом месте на кухне есть посуда, но зачем она нам? Есть что-то забавное в том, как мы зачерпываем пальцами клейкое совершенство и слизываем его с наших пальцев, словно мороженое.

Отруби с изюмом и арахисовое масло. Кто знал, что это может быть таким вкусным? Если бы могли добавить немного шоколада, то, вероятно, сделали бы наивкуснейшую арахисовую пасту с хрустящей шоколадной крошкой для школьной распродажи. Ладно, может быть это бы не казалось нам таким вкусным в Мире До, но прямо сейчас это восхитительно.

— Мне нужно вернуться в обитель, — говорит Раффи, засовывая свои пальцы в банку.

Горстка хлопьев останавливается на пути к моему рту.

— Серьезно? В место, полное сумасшедших, кровожадных неандертальцев, от которых мы едва сбежали живыми?

Он смотрит на меня, выгнув бровь. Облизывает арахисовое масло со своих пальцев.

Я сую хлопья в рот и начинаю хрустеть.

— Просто потому, что ваши люди симпатичные, не означает, что они не неандертальцы внутри.

— Основываясь на том, что ты мне рассказала, я могу предположить, что Ури имел в виду вовсе не бунт. Любой солдат мог сказать ему, что должно случиться то или иное. Поговори об апокалипсисе перед разочарованными солдатами, понятия не имеющими о своей миссии, и ты получишь небольшую драку.

— Небольшую драку?

— Слишком старомодно? — Он зачерпывает больше арахисового масла.

Кажется, он предпочитает не смешивать его с хлопьями.

— Людей разорвали на куски. В буквальном смысле. Кровавые, маленькие кусочки. Это не очень похоже на небольшую драку.

— И мне жаль, но я не мог ничего сделать, чтобы остановить это. — Не похоже, чтобы он сожалел.

Его голос холодный, расчетливый и прагматичный.

— Что это вообще за восхищение апокалипсисом? О, ура, мы можем поубивать бедных, беспомощных людей? — Мой голос звучит капризно.

Я погружаю горсть хлопьев в арахисовое масло, убедившись, что оставила немножко в нем. На всякий случай кидаю в него еще пару изюминок.

— Ажиотаж вокруг апокалипсиса не имеет ничего общего с людьми.

— Ты можешь обманывать меня.

Он вглядывается в загрязненную банку арахисового масла. Бросает на меня взгляд исподлобья и опускает его обратно, но масло не зачерпывает.

— Люди — всего лишь случайность.

— Убийства и уничтожение целых видов — просто случайность? — Я не могу убрать обвинение из голоса, хоть и знаю, что он не согласен с планом нашего уничтожения.

Ну, или, по крайней мере, я думаю, что он не был лично вовлечен, хотя и не могу точно утверждать, не так ли?

— Твой народ делал то же самое со многими видами животных. — Он хватает коробку с хлопьями.

— Это не то же самое. — Я беру банку с арахисовым маслом.

— Почему нет?

— Не могли бы мы вернуться к тому, как твой народ празднует убийство моего? — Я зачерпываю побольше арахисового масла.

Он смотрит, как я слизываю арахисовое масло со своих пальцев.

— Они празднуют возможность освободить своих друзей.

— У ангелов есть друзья? — Я облизываю каждый палец, наслаждаясь каждым граммом этого удовольствия.

Он неловко ерзает на своем месте и впивается в меня взглядом.

— Когда бок о бок сражаешься с другими войнами, они становятся для тебя братьями. У каждого из нас есть брат, который пал. Единственная надежда для них — Судный день. В этот день они наконец-то предстанут перед судом.

— Вечные наказания доходят до суда?

Я собираюсь вновь опустить пальцы в банку, когда он насыпает туда хлопьев. Мне придется сперва съесть хлопья, и только потом я смогу вновь оближивать арахисовое масло.

— Система специально так жестока, чтобы держать нас в узде. Это то, что держит сообщество наших воинов вместе.

Я тычу пальцем в смесь хлопьев и арахисового масла, задаваясь вопросом, раздражен ли он.

— И если их признают виновными? — Я вытаскиваю палец с арахисовым маслом на кончике.

Я облизываю его, наслаждаясь последней сладостью.

Он резко встает и начинает ходить по комнате.

— Тогда вечность станет длиннее.

Я знаю ответ на свой следующий вопрос, но все же не могу не спросить.

— И когда же придет Судный День?

— В конце апокалипсиса.

Я киваю.

— Понятно. Того, которого все так ждут. — Скажем прямо, ничто не заставит меня почувствовать себя лучше в эти дни.

Он втягивает воздух и шумно его выдыхает, словно ему необходимо выпустить пар.

— Давай найдем мой меч.

Мне очень не хочется тратить время на полет к Пирсу 39, но и меч, и мамин передатчик находятся там. Передатчик все еще является лучшим шансом найти Пейдж. Кроме того, я смогу увидеть, сбежали ли мама, Клара и другие с острова. Если нет, то, может быть, я сумею им помочь. Док сказал, что скорпионы, скорее всего, будут сегодня отсутствовать, и

теперь я знаю, что это Велиал организовал демонстрационный полет саранчи на ангельский митинг смерти. Побег из Алькатраса должен уже либо пройти успешно, либо потерпеть поражение. Я даже не могу себе представить, что там сейчас происходит, если побег не удался.

Я быстро нахожу просторное пальто и пару теннисных туфель, которые сидят на мне удивительно хорошо. В тоже время Раффи берет устрашающий на вид кухонный нож и засовывает его в ножны на поясе.

Снаружи рассеялся туман, показывая ясную ночь с убывающей луной и звездами, отражающимися в океане. Между нами и морем пляж, покрытый кусками дерева и стеклом от разрушенных домов.

Разбитое стекло отражает свет с неба, словно ковер сверкающих светлячков протянулся так далеко, как только я могу видеть. Это так неожиданно красиво, что я останавливаюсь посмотреть. Как что-то столь чудесное может получиться из разрушения?

Я поворачиваюсь к Раффи, чтобы посмотреть, понравилось ли ему тоже. Но вместо этого он наблюдает за мной.

Я подхожу к нему, чувствуя неловкость. Полеты в его руках раньше были ничем иным, как необходимостью войны, и у нас не было времени думать о чем-то другом.

На сей раз это добровольный выбор, и я не могу не думать о его сильных руках, удерживающих меня, и теплой коже, касающейся моей.

Я поднимаю руки, словно ребенок, который просит, чтобы его взяли.

Он колеблется секунду, изучая на меня. Вспоминает ли он, как держал меня в объятиях в старой обители, когда думал, что я умерла? Каково это для него — так часто обнимать кого-то после долгих лет одиночества?

Он поднимает меня на руки и прижимает к себе, пока я обнимаю его за шею. Моя щека прижимается к его, поскольку он приподнимает меня. От этого прикосновения по мне проходит импульс тепла, и я сопротивляюсь желанию прижаться.

Он пробегает пару шагов и вот мы уже в воздухе, направляемся к Алькатрасу.

Если бы я не летала с ним прежде, я бы испугалась. Я над водой, и лишь его руки удерживают меня от ледяного погружения. Но его руки крепко меня удерживают, а его грудь теплая. Я склоняю голову на его мускулистое плечо и закрываю глаза.

Он трется щекой о мои волосы.

Я знаю, что скоро мне придется думать о Пейдж, маме и Кларе. Моими приоритетами станут выживание, удержание вместе моей семьи и обеспечение их безопасности от монстров и людей.

Но сейчас, в этот момент, я позволяю себе быть обычной семнадцатилетней девушкой в руках у сильного парня. Я даже позволяю себе подумать о некоторых возможностях, которые могли бы открыться для нас в Мире До.

Только на некоторое время.

Прежде, чем я вновь спрячу все свои мечты в самый дальний ящик в своей голове.

Вместо того, чтобы подняться вверх полуострова, мы летим, пока не достигаем залива у Сан-Франциско.

План состоит в том, чтобы лететь вдоль залива, вдоль прибрежной полосы полуострова. Этот маршрут до Алякатраса длиннее, но туман, клубящийся над водой, является нашим спасением. Со всеми ордами ангелов и скорпионов в небе сегодня, лучший вариант — это лететь над водой. Раффи был прав.

Воздух влажный, а ветер — порывистый. Несмотря на пальто, Раффи — вот мой источник тепла. Не могу удержаться, прижимаюсь к нему, пытаюсь согреться и остро ощущаю его тело, пока мы несемся сквозь туман. Раффи склоняет голову, будто услышал что-то.

Он продолжает оглядываться, пытаюсь увидеть источник шума. Я даже не знаю, как он находит правильное направление в этом облаке, не говоря уж о том, чтобы слышать незначительный звук. Но он все это делает.

Мы выскальзываем из густейшей дымки и молча скользим вдоль шупалец тумана над заливом. Рассеянный лунный свет слабо освещает маслянистую тьму внизу.

Я слышу приглушенное урчание двигателя прежде, чем вижу лодки. Под нами, полдюжины лодок продолжают свой путь через залив. Я не вижу паром Капитана Джейка.

Конечно, нет ни одной причины, чтоб он был здесь, но я не прекращаю надеяться, что они выбрались с Алякатраса. Эти лодки меньше, но достаточно велики, чтобы вместить дюжины людей каждая.

Удалось ли Тра и Тру собрать спасательную команду?

Если да, то я потрясена. Это означает, что им удалось раздобыть достаточно лодок, чтобы выволить всех пленников из ловушки. И они оказались достаточно разумны, чтобы использовать темноту как прикрытие и добираться по воде, а не по суше.

Раффи скользит вниз, кружит над лодками, такой же озадаченный, как и я.

Палубы покрыты людьми, жмущимися друг к другу в поисках тепла. Кто-то, должно быть, замечает отблеск или тень на воде. Двигатели отключают, и лодки продолжают скользить сквозь ночь в тишине. Мужчина с винтовкой указывает в небо, но не в нашу сторону, так что мы остаемся незамеченными. И лучшая новость — никто не стреляет.

Я полагаю, у них приказ стрелять только в самом крайнем случае, так как шум от одного выстрела может приманить орды монстров. Лодки благополучно скользят сквозь туман. Если это беглецы из Алякатраса, то, должно быть, они провели в воде не один час, а значит, большую часть времени движутся с выключенными двигателями.

Ни огонька, ни звука, ни малейшего движения — все замерло, кроме крыши самой большой лодки во главе флотилии. Отражения лунного света от ряби волн достаточно, чтобы понять, что там кто-то привязан.

Это поверженный скорпион.

Кто-то нависает над извивающимся чудовищем.

Тело и хвост монстра надежно связаны, рот заткнут кляпом, но тот отчаянно шипит и пытается ужалить женщину, склонившуюся над ним. Женщина поглощена тем, что делает и не замечает нас вовсе. Она что-то рисует на груди скорпиона. Я не вижу ее лица, но это может быть только один человек на свете.

Моя мать жива и, по-видимому, невредима.

Двое мужчин с винтовками стоят по сторонам от нее. Я догадываюсь, кто это может быть — Тату и Альфа. Если это так, то мама чрезвычайно поразила их во время побега, а значит, они будут защищать ее до последнего.

Мы мчимся над лодкой, но для моих глаз слишком темно. Не могу прочитать, что она пишет.

— Она рисует сердце на его груди помадой и пишет внутри: Пенрин и Пейдж, — шепчет Раффи в мое ухо.

Мы делаем круг по пути к пирсу.

— Сейчас она рисует цветы на его животе.

Не могу удержаться, чтоб не улыбнуться и встряхиваю головой.

Чувствую легкость.

И в ту же минуту я сжимаю Раффи так сильно, что некоторые люди называют это объятьями.

Пирс 39 в основном похож на тот, что я помню. Сломанные доски, торчащие в разные стороны, разрушенные дома и лодка на боку.

Паром Капитана Джейка прибыл на пристань в короне из сломанных досок. Корабль сидит в воде ниже, чем обычно, медленно погружаясь. Прожектор на палубе еще светит, прорезая призрачными лучами темноту пирса.

Видимо, не каждый выбрал путь через залив к полуострову. Некоторые, должно быть, хотели пойти кратчайшим путем, пересекая материк, а затем разбежались. Это имело бы смысл, если бы вы думали, что ваши шансы будут выше на суше, чем на воде или у вас есть близкие в городе. Однако, тот, кто управлял кораблем, явно не был Капитаном Джейком. Или же он был в стельку пьян, что в принципе возможно.

Мы обходим по окружности пирс, оценивая ситуацию. Мародеры бросаются врассыпную, когда на них падают наши тени в сиянии луны. Парочка из них еще совсем дети. Я удивляюсь, понимают ли они, насколько опасно быть здесь?

Как только все исчезают, мы бесшумно приземляемся в тени.

Раффи удерживает меня на секунду дольше, чем надо, прежде чем поставить на землю. А затем, касается на мгновение дольше, чем необходимо, снимая мои руки со своей шеи и отстраняясь.

Любой, кто заметит нас, подумает, что мы парочка, целующаяся в темноте.

Огни освещают балки и доски, торчащие на причале. Влажный воздух нашего дыхания превращается в пар и свивается вместе, пока мы оглядываемся и прислушиваемся, убеждаясь, что остались одни.

Кто-то плачет.

Замечаю одинокую фигуру, сидящую среди обломков кондитерской. Она старается быть тихой, но приглушенные рыдания различаются безошибочно.

Усохшая фигура и голос мне кажутся знакомыми. Жестом прошу Раффи подождать, пока я поговорю с человеком. Я обхожу с краю луч света и подхожу ближе.

Это Клара. Она обнимает себя за плечи, выглядя при этом еще меньше, чем обычно. Ее щеки, похожие на вяленую говядину, блестят от слез, пока она рыдает здесь в одиночестве.

— Привет, Клара. Это я, Пенрин.

Мягко зову ее, чтобы не напугать до смерти, стоя в нескольких футах поодаль. Она задыхается от ужаса. Все-таки, я обеспечила ей сердечный приступ.

Клара узнает меня и то ли снова рыдает, то ли смеется. Я подхожу и сажусь рядом. Сломанные доски жесткие и сырые. Не могу поверить, что он сидела здесь в течение нескольких часов.

— Почему ты все еще здесь? Ты должна была бежать как можно быстрее.

— Это место ближе всего к моей семье, — ее голос надламывается. — Мы провели счастливые воскресенья здесь.

Она медленно качает головой.

— Мне некуда идти.

Я собираюсь сказать ей, что надо идти в лагерь Сопrotивления, но вспоминаю, как они с ней обращались, с ней и с другими жертвами скорпионов. Люди, которые предпочитают похоронить своих любимых заживо, лишь бы не принимать их такими, какой стала Клара.

Они никогда не примут ее. Чему удивляться, что она не пошла вслед за Сопротивлением.

Обнимаю женщину за плечи, чтобы дать ей выплакаться. Это все, что я могу сделать.

Она слабо улыбается мне, но слезы вновь бегут по ее лицу, искажая его гримасой страдания.

Что-то падает и катится рядом.

Мы обе напрягаемся, что ж это доказывает, что Клара еще не готова сдаваться без боя.

Чумакая маленькая девочка с копной спутанных, вьющихся волос делает пару шагов, выходя из-за автомобиля, за которым пряталась. Руки взрослого тянутся к ней, хватают и тянут обратно.

— Нет, это она, — говорит девочка. — Я слышала ее. Она здесь.

Кто-то настойчиво шепчет за машиной.

Девочка качает головой, поворачивается и идет к нам.

— А ну-ка, вернись! — приказывает шепотом голос за машиной.

Мужчина выскакивает за девочкой, пригнувшись. Он хватает ее в охапку и тащит назад. Ребенок корчится и скулит, как мешок со щенками. Она пинается и вертится, пытаясь освободиться из мертвой хватки, но руки мужчины зажимают ей рот.

Ее приглушенный вскрик звучит как:

— Мамочка!

В отличие от меня, Клара сидит абсолютно спокойно.

Лицо второй девочки выглядывает из-за машины. Она чуть взрослее первой, но такая же чумакая и кудрявая. Она глядит на нас широко раскрытыми глазами.

— Элла? — Клара шепчет так тихо, что даже я, рядом, едва слышу ее.

Она вскакивает, задыхаясь.

— Элла? — Клара слегка качнулась и бросилась к ним.

Ох, это может быть или прекрасное воссоединение, или ужасная трагедия.

Сейчас темно и они достаточно далеко, чтобы разглядеть детали. Я совершенно уверена, что они не могут видеть, как выглядит Клара. Я поднимаюсь и незаметно слеую за ней, на случай, если ей понадобится моя помощь. Не то, чтобы я могу помочь, если семья отвергнет ее, но дам понять, что она не одна.

Мужчина замирает возле машины. Он поворачивается с девочкой на руках. Ребенок вырывается и приглушенно вопит: "Мамочка!"

Вторая девочка нерешительно выходит из-за машины.

— Мама? — произносит она, совершенно сбита с толку.

— Хлоя, — Клара с рыданием произносит ее имя и бросается к ней.

Старшая девочка подбегает. Я глупо улыбаюсь, когда она замирает и стоит, вытаращив глаза на мать. Она достаточно близко теперь, чтобы как следует рассмотреть нас. Я снова вижу Клару такой, какой ее впервые увидела моя мать, какой ее видят другие люди. Она действительно выглядит так, словно выползла из могилы, пролежав там какое-то время.

Хлоя, пожалуйста, не кричи. Это будет конец для Клары.

Она такая сильная, что пережила атаку скорпиона, выползла из-под развалин, где была похоронена заживо, сбежала от монстров Алькатраса. Но крик дочери при одном взгляде на нее она не переживет. Клара рассыплется на мелкие осколки и ничто в мире уже не склеит ее.

Клара тоже останавливается. Восторг на лице сменяется ужасающей неуверенностью.

Младшая девочка высвобождается из рук мужчины и несется к нам. В отличие от

сестры, она, не раздумывая, прыгает Кларе в объятья.

— Я знала, что это была ты! — девочка тает от счастья, обнимая мать. — Папочка заставлял нас ждать, пока мы не убедимся. Мы все время за тобой наблюдали. Ты все плакала и плакала, и мы не могли понять. А потом ты заговорила, и я узнала! Я слышала твой голос и знала что это ты! Видишь, папочка? Я же тебе говорила.

Но отец застыл в двух шагах от Клары, уставившись на нее.

Женщина взъерошила волосы Эллы дрожащей рукой.

— Да, детка, ты была права. Я так соскучилась по тебе. Так сильно соскучилась, — она видела ужас в глаза Хлои и мужа, глядя на них с мольбой.

Хлоя сделала неуверенный шаг к ней.

— Мам, это, правда, ты? Что с тобой случилось?

— Да, сердечко мое, это я. Я в порядке. — Сказала Клара. — Теперь в полном порядке.

Она протянула руку, приглашая Хлою, и девочка нерешительно шагнула ближе.

Отец отодвинул девочку назад.

— Это заразно?

— Что? — опешила Клара.

— Ты заразна? — мужчина тщательно выговаривал слова, словно Клара давно не говорила на родном языке.

— Нет, — прошептала Клара.

Ее голос сорвался. Я знала, что она с трудом удерживается.

— Я клянусь.

Хлоя выскользывает из рук отца и медлит, глядя на Клару. Затем, нерешительно подходит и прижимается. Вцепляется в мать так же сильно, как ее младшая сестренка.

Муж Клары смотрит на них, на лице отражается внутренняя борьба. Он решает подойти и обнять свою семью или бежать прочь. Он стоит и смотрит, пока дети осыпают мать подробностями, как они пришли сюда, чтобы найти ценные вещи, как уговорили его прийти сюда в последний раз. Как они притворились, будто идут на воскресный семейный обед, как обычно.

Слушая, как мягко Клара разговаривает со своими девочками, я рисую картинку идеальной мамы для каждого ребенка. Девочки выглядят счастливыми под охраной матери. Полагаю, это здорово.

Наконец, их отец подходит к Кларе, как мужчина из мечты. Без слов обнимает их всех и начинает плакать.

Я почти вижу это — Клара и ее муж привозят сюда, на этот пирс, детей на обед. Кричат чайки над водой, соленый бриз дует с залива, и теплое калифорнийское солнце освещает картину. Я вижу пару, идущую рука об руку, девочек, бегающих вокруг. Клара, такая, какая она была — свежая, цветущая и улыбающаяся, держит цветы из фермерского магазинчика, смеется с мужем вместе в этот ленивый воскресный полдень.

Я бесшумно отступаю в тень.

Я готовлюсь к сарказму Раффи насчет маленького воссоединения Клары. Он прислоняется к стене магазина, который практически цел — темная, угрожающая фигура в ночи. Если бы я его не знала, я бы сделала большой круг, чтобы обойти его.

Когда я могу достаточно приблизиться, чтобы разглядеть его лицо, на нем нет и тени сарказма. Он смотрит на воссоединение Клары с ее семьей с намного большей симпатией, чем я могла бы предположить для ангела, даже для Раффи.

И тогда я вспоминаю комментарий Велиала, когда он сказал, что ангелы не были созданы для одиночества. Поэтому, может он понимает больше, чем я думала.

— Я отменяю твой воинский статус, — говорит он, глядя на Клару и ее семью.

— У меня был воинский статус?

— Где-то около тридцати секунд.

— Какое отвратительное преступление я совершила, чтобы лишиться своего великого статуса?

— Настоящий воин должен вернуть свой меч, прежде чем заниматься личными делами.

— Все мои дела — личные. Каждое сражение — личное, — я веду Раффи в сторону кучи деревянных обломков и черепицы, где я спрятала меч.

— Хммм. Хороший ответ. Наверное, ты все-таки восстановишь свой статус.

— Маловероятно.

Я распахиваю деревянные развалины с дороги, пока не вижу запятнанную мордочку мишки.

— Вот она.

Я осторожно достаю мишку и меч. Гордо поправляю тюлевую юбку, показывая ему ножны. Раффи секунду смотрит на замаскированный меч, прежде чем прокомментировать.

— Ты знаешь, скольких этот меч убил?

— Это идеальная маскировка, Раффи.

— Этот меч — не просто ангельский клинок. Она — меч архангела. Лучше, чем меч ангела, в случае, если что не ясно. Ее страшатся остальные ангельские мечи.

— Что, другие мечи дрожат в ножнах, когда видят ее? — я прохожу мимо кучи разбросанного барахла к лодке капитана Джейка.

— Да, если хочешь знать, — говорит он, следуя за мной. — Она была создана для предельного уважения. И как она должна его получить, замаскированная под мишку в свадебном платье?

— Это не свадебное платье, а юбка для ее ножен. И она милая.

— Она ненавидит все милое. Она хочет калечить и терзать все милое.

— Все любят милое.

— Ангельские мечи ненавидят, — он поднимает бровь и смотрит на меня сверху вниз.

Думаю, не буду ему говорить, сколько милейших фигурок и картин ангелов было у нас в Мире До.

Мамин аппарат для отслеживания должен быть тут, но я не вижу его среди разбросанных развалин. Вместо этого я нахожу съёмный ремень с висящими на нем кошельком и ключами. Я привязываю медвежонка к ножнам, и это выглядит идеально. Я защелкиваю один конец вокруг ленты, пришитой к шее мишки, а другой — за ремень ножен.

— Ты еще не давала ей имя? — спрашивает он. — Она любит мощные имена, поэтому, может тебе стоит успокоить ее, дав ей хорошее.

Я закусываю губу, вспоминая, что говорила Тра-Тру как назвала свой меч.

— Эм, я назову ее, как она пожелает, — я одариваю его гадкой улыбочкой.

Он выглядит так, будто готовится к худшему.

— Она меняет имя с каждым новым владельцем. Если ты дала ей имя, оно будет таким до тех пор, пока она с тобой.

Черт.

Он смотрит на меня так, словно уже ненавидит это имя.

— Ну и какое?

Я раздумываю, не солгать ли, но какой в этом смысл? Я откашливаюсь.

— Мишка Пуки.

Он так долго молчит, и я начинаю думать, что он не услышал меня, но затем он, наконец, говорит:

— Мишка Пуки?

— Это была просто маленькая шутка. Я не знала.

— Я упоминал, что у меня есть сила, правда? Ты осознаешь, что когда она вступает в битву, она должна представиться противостоящему мечу? Она будет вынуждена сказать что-то нелепое, вроде "Я Мишка Пуки из древней линии ангельских мечей" или "Склонись передо мной, Мишкой Пуки, у которой есть только двое равных на всем белом свете". — Он качает головой. — И как она собирается получить уважение?

— Ой, да ладно, серьезно? В любом случае никто не будет уважать такие напыщенные объявления, независимо от имени. — Я перебрасываю ремень меча через плечо, и мишко-меч устраивается на моем бедре, где и должен быть.

Я замечаю мамин аппарат, лежащий на кошельке. Я кидаюсь к нему и включаю.

— Ты будешь удивлена тем, как много было противников, которых я победил, лишь сказав, что я Рафаил, Великий Архангел, Гнев Божий, — он бросает на меня запугивающий взгляд.

До меня доходит, что с демонскими крыльями он утратил силу своего имени и титул. Я вижу это по грусти в его глазах, показывающей, что он думает о том же. На аппарате желтая стрелочка указывает на залив Халф Мун возле обители. Я тяжело вздыхаю. Хотя бы раз я могу обнаружить свою сестру в каком-то мирном и простом месте?

— Пейдж в обители.

Раффи одаривает меня взглядом типа «не смей».

— Ты имеешь в виду то место, из которого я едва вынес тебя живой, потому что они убивают всякого человека, попавшего им в руки?

— Кстати, спасибо.

Он запускает пальцы в волосы, выглядя при этом взволнованным.

— Послушай, уверен, что смог бы найти тебе хорошее бомбоубежище с запасами на два года.

— Думаю, они все заняты.

— А я думаю, что кто-то с радостью освободит одно для тебя, особенно если я хорошенько попрошу. — Он сухо мне улыбается. — Ты сможешь устроить себе небольшие каникулы от этого всего и вернуться, когда все уляжется. Отсидишься, переждешь, будешь в безопасности.

— Тебе лучше быть осторожным. Могут подумать, что ты беспокоишься обо мне.

Он качает головой.

— Я лишь беспокоюсь, что кто-то может узнать мой меч в твоих руках. Если я спрячу тебя на несколько лет, тогда, может, смогу спасти себя от позора.

Я закусываю губу, пытаюсь смолчать, но вопрос все равно вырывается наружу.

— И что же ты будешь делать, пока я буду скрываться?

— Верну крылья. Узнаю, что случилось с моими людьми и расставлю все по местам, — он глубоко вздыхает. — И когда я улажу все свои дела, я вернусь с ними домой.

Я киваю, впиваясь ногтями в ладонь, чтобы сосредоточиться.

— Я не говорю, что это не заманчиво, Раффи. Быть в безопасности звучит замечательно, — я грустно ему улыбаюсь. — Возможно, я приму твоё предложение сразу же, как только соберу свою семью в кучу. Я имею в виду, если ты все еще будешь поблизости и готов помочь.

Он вздыхает.

— Скучаю по тем дням, когда женщинам нужно было только приказать, и у них просто не было выбора.

— Уверен, что это не было лишь мифом? Я более чем уверена, что никто не смог бы приказывать моей маме... никогда.

— По всей вероятности, ты права. Непокорность женщин в твоей семье, должно быть, уходит глубоко корнями в прошлое. Вы как чума на земле.

— Точно так же мы и чума для ангелов, и, уверена, остальные простят это нам.

— Ох, ты, безусловно, чума хотя бы для одного ангела. Есть что-то такое, что я могу сказать тебе, чтобы ты не шла в обитель?

Я останавливаюсь, чтобы подумать об этом.

— Хотелось бы, чтобы было. Моя жизнь была бы намного легче.

— Что, если я откажусь помочь тебе добираться туда?

— Тогда я пойду пешком или поеду.

— Что, если я затащу тебя в тюрьму и закрою там?

— Тогда я использую мой изящный маленький меч, чтобы прорезать себе путь наружу.

— Что, если я оставлю мой меч за пределами тюрьмы?

— Не оставишь. Если ты не можешь обладать им, то хочешь, чтобы он был у меня, верно? Нам лучше вместе, чем порознь.

Мы встречаемся взглядами.

— Кроме того, кто освободит меня, если с тобой что-то случится?

Он бросает на меня косой взгляд, словно мысль о том, что с ним может что-нибудь случиться сама по себе нелепая.

— Велиал, вероятно, все еще в обители, — говорю я.

— И почему ты так думаешь?

— Доктор, оперировавший Пейдж, думает, что она привязана к Велиалу. Кто знает, какие странные животные чувства они поселили в нее? Она может ощущать его местонахождение. — Я поднимаю мамино отслеживающее устройство. — Я слежу за Пейдж. Она отслеживает Велиала. Ты сможешь заставить меня прекратить следовать за Пейдж, поэтому, почему бы не поспособствовать ситуации и не перенести меня туда?

Он глядит на меня.

— Мне пришлось уже раз видеть, как ты умираешь. Этого не достаточно?

— Все, что тебе необходимо сделать — убедиться, что этого не повторится снова, — я солнечно ему улыбаюсь. — Все просто.

— Единственное, что просто, это ты. Упрямая маленькая... — его ворчание стихает до той точки, когда я не могу его услышать, но я подозреваю, что это не комплимент.

В конечном счете, он опускает руки.

Находиться так близко к нему так волнительно, что я чувствую его сердцебиение напротив своей груди. Я крепко хватаюсь за него, когда он раскрывает крылья, и мы летим в ночь.

Мы проносимся так близко к воде, что могли бы проплыть. Я ожидаю, что мы пролетим прямо сквозь волну. Летящие в лицо брызги напоминают ледяной душ. Я утыкаюсь лицом в шею Раффи в поисках его бесконечного тепла.

Здесь так холодно, что мои руки в знак протеста хотят отвалиться и упасть. Никого не радует, что это единственный путь, которым мы можем подобраться к Обители и не быть при этом замеченными. Если бы полетели над землей, они бы нас заметили.

Раффи спокойно и стойко переносит близость к воде, хотя плавал, возможно, всего раз за все свое существование. Я несколько менее спокойна. Ничем не могу помочь, но думаю, это последнее, что я могла бы сделать. Не могу выбросить из головы образы безумных воинов, забрызганных кровью.

Раффи держит меня крепче.

— Сейчас ты показываешь какие-то эмоции. Тебе идет бояться.

— Я дрожала, потому что замерзла.

— Ты милая, когда боишься.

Я награждаю его тяжелым взглядом.

— Эй, ты тоже милый, когда боишься.

Он фактически раздражается смехом.

— Ты имеешь в виду, что я убийственно красивый, когда не боюсь. Потому что ты никогда не видела, как я боюсь.

— Я сказала, что ты милый, а не "убийственно красивый".

Мы приближаемся к берегу. До сих пор звук волн, разбивающихся о песок и скалы, маскировал нашу шуточную перебранку. Но мы достаточно близко и инстинктивно затыкаемся.

Само собой, плана у нас нет. Мы просто собираемся взглянуть, что происходит и убраться оттуда подальше. Мы понемногу дрейфуем в сторону новой Обители до тех пор, пока, наконец, можем выйти на берег незамеченными. Мы приземляемся на пляж под утесом на краю территории отеля.

Прячась за заборами, кустами и скалами, мы подкрадываемся так близко, насколько осмеливаемся, к освещенному кругу на лужайке перед отелем. Новые факелы заменили старые, сбитые во время драки. Но они размещены в случайном порядке, словно пьяные ангелы даже не заботились, куда их воткнуть.

Я стараюсь соответствовать ловкости и координации Раффи, но мое замерзшее тело неуклюжее, я несколько раз поскользнулась, и мне стоит большого труда сохранить равновесие. Архангел бросает на меня красноречивый взгляд. Я должна быть осторожнее.

Мы бросаемся к ряду низких кустов и крадемся за ними вокруг лужайки. С краю площадки навалены кучи мусора, оставшиеся после вечеринки, словно выброшенные прибоем на берег, сломанные стулья, качалки, порванные костюмы и другие испорченные вещи.

Лужайка также покрыта пестрым ковром сломанных масок, чехлов для крыльев и других вещей, которые уже трудно идентифицировать. Газон пятнают темные подтеки, вероятно, бурые при свете дня. Если у ангелов и остались слуги, то они явно не собираются наводить здесь порядок.

Ангелы рассыпаны по лужайке и сильно страдают с похмелья, чтобы что-то замечать. На одной группе, распеваящей что-то в центре лужайки, по-прежнему одеты маски. Их голоса красиво сливаются, но из-за того, что они шатаются и пинают мусор, они больше похожи на пьяных пиратов после рейда.

Другая группа складывает что-то возле особняка. Они заставляют стол деревянными коробками. Кроме этого, вокруг полно шестов разной высоты.

Ангел парит у верхней части шестов, связывая треугольные флаги, что красочно реют под океанским бризом, как замковые флаги. Два ангела взлетают с баннером в руках. Они привязывают его к концам двух самых высоких шестов. На нем несколько символов, которые пробегают по баннеру, как сценарий.

Глаза Раффи становятся враждебными и холодными, когда он смотрит на баннер.

Я бросаю на него вопросительный взгляд, спрашивая, о чем тот сообщает.

Он наклоняется, его слова проскальзывают прямо мне в ухо.

— Голосуйте за Уриила сегодня, апокалипсис начнется завтра.

Я не понимаю всех последствий ангельской политики, но знаю, что в этом нет ничего хорошего. Они воздвигают избирательную кабинку для Посланника.

Другой баннер выше, наклонен под углом вверх, чтобы его было видно сверху. Один из ангелов на баннере — гигант со снежно-белыми крыльями. Велиал.

Мы с Раффи обмениваемся взглядами и направляемся в его сторону.

Когда мы подкрадываемся ближе, Раффи находит крыло, ниспадающее с куста. Он легко отбрасывает рваный покров в блесках на темных перьях и обсыпает свои крылья этими перьями. Я помогаю уложить их ровно.

Раффи берет одну из сброшенных масок, я затягиваю завязки от нее на нем. Маска винно-красного цвета, усыпанная серебром вокруг глаз и на щеках. Она полностью скрывает его лицо, кроме рта.

Он встает и без слов тянет меня за собой, вставая между мной и лужайкой отеля. Чтобы увидеть ангелов, мне нужно обогнуть его, а это значит, что они так же не видят меня. Раффи достаточно крупный, чтобы скрыть меня. Издали мы должны выглядеть, как воин, идущий на другую сторону места, где была вечеринка.

Я беспокоюсь, что ангелы могут лететь прямо над моей головой и увидеть меня. К счастью, все ангелы, должно быть, страдают от похмелья или вроде того, ни у кого из них нет сил, чтобы летать. Мы резво бежим по краю лужайки, приближаясь к Велиалу. Я держусь за Раффи, это не так сложно, с тех пор как он идет прогулочным шагом.

Велиал стоит позади Уриила. Он в стороне от свиты Уриила, когда тот дает им указания.

Раффи смотрит на небо, и мне интересно, слышит ли он что-нибудь. Велиал смотрит в том же направлении. Он наклоняется к Уриилу, и они быстро переговариваются.

Один за другим ангелы оставляют свои дела и смотрят вверх. Тупой гул, что так хорошо смешивался с шумом волн, становится громоподобным и его уже сложно игнорировать.

Облако темнее ночного неба роится перед нами. Оно крутится, расширяется, потом суживается, раскачиваясь в разные стороны.

Злобный звук тысяч скорпионьих крыльев, что летают над нашими головами, ни с чем не спутать.

Тени устремляются вниз к краю газона, вне досягаемости факелов.

Раффи наблюдает за сценой, которую я не могу видеть из-за темноты. Я мельком увидела тени, взлетающие обратно в воздух, но этого мне хватило, чтобы заметить переливающиеся крылья насекомых. Из темноты выходит маленькая Пейдж.

Она движется скованно и осторожно, словно наполовину машина, наполовину девочка. В свете факелов стежки, покрывающие ее лицо, красно-черные, а ее острые как бритва зубы отражают пламя, когда она проходит мимо факелов.

Теперь, когда я смотрю на нее, она движется так, будто ей больно, но ее лицо этого не показывает. Она ничего не показывает, может быть потому, что ей больно морщиться или как-то менять выражение лица. Я никогда не знала, что внутри нее есть такая сила.

Велиал наклоняет голову, наблюдая за тем, как она идет к нему.

— Червячок, — говорит он. — Это ты?

Его рот растягивается в улыбке, которая отчасти удивленная, отчасти гордая.

— Ты больше не ползаешь в грязи.

Он протягивает руку.

— Ты идешь на своих собственных, не так ли?

Это убивает меня — смотреть как моя младшая сестра вкладывает свою маленькую ручку в его.

Док был прав. В глубине души, я надеялась, что он просто чокнутый. Но увидев, как она идет к демону Велиалу, я поняла, насколько должно быть плохо ей было среди нас.

Пейдж смотрит на него. Ее шея напрягается, когда она встречается с ним взглядом. Держась за руки, они выглядят почти как отец и дочь.

Велиал немного приоткрывает свои украденные крылья и, держа Пейдж за руку, поворачивается, чтобы улыбнуться Уриилу.

Его улыбка словно говорит «Видишь? Посмотри на мои трофеи».

Пейдж тянет руку так, чтобы Велиал наклонился к ней. На секунду я думаю, что она поцелует его. От этой мысли меня начинает мутить.

Вместо этого, она прыгает и кусает его за шею.

Она мотает головой, словно бешеная собака, и кусок шеи отрывается, оставаясь у нее во рту. Велиал вопит. Кругом кровь

Уриил и его окружение отходят подальше от нападения. Все остальные просто замирают, побросав свои дела, и смотрят.

Жужжание в небе становится более неистовым, так как скорпионы возвращаются для следующего демонстрационного полета. Разве скорпионы не следовали командам Велиала все это время? Будут ли они злы?

Пейдж выплевывает все еще прикрепленный кусок плоти и хватается за голову Велиала прежде, чем он успеет отклониться. Она рвет его лицо.

Скорпионы пикируют к ним с неба. Я задыхаюсь, думая, что они нападут на Пейдж.

Но вместо этого, они хватают Велиала.

Их жала впиваются в него, накачивая парализующим ядом.

Вместо того, чтобы добить его, Пейдж начинает его пинать. Кричит на него. Отрывает от него куски волос и кожи. Она вырывает куски его плоти и плюет их ему в лицо.

И все это время она плачет.

Я загипнотизирована видом моей маленькой сестры, бушующей против Велиала. Он не слабый противник, но она застала его врасплох.

Я никогда не видела семилетних с таким количеством ярости. И конечно я никогда не видела в Пейдж так много злобы. Она избивает его своими маленькими кулаками, таким образом, я понимаю, что это скорее битва с ее внутренними демонами, чем с Велиалом.

Такое чувство, что мое сердце рушится и превращается в пепел, поскольку я наблюдаю за тем, что осталось от моей сестры.

Соленая жидкость касается моих губ прежде, чем я понимаю, что плачу.

Порывы океанского ветра обрушиваются на меня, заставляя дрожать, словно хрупкий лепесток во время шторма.

Раффи бежит вдоль скалы в сторону Велиала и хватается скорпиона за секунду до того, как он вонзит свое жало спину Велиала.

По началу, я опешила. Зачем Раффи защищает Велиала?

Но глядя, как кровь капает из шеи Велиала на белоснежные перья крыльев, я понимаю. Раффи освобождает руки Пейдж от горсти перьев.

Вместо них Пейдж хватается Велиала за волосы и рвет их. Белые перья кружат над дерущимися.

Пока Раффи, Пейдж и Велиал и три скорпиона дерутся, ангелы на лужайке глядят на это с любопытством.

Они, кажется, не склонны кидаться на помощь Велиалу. Думаю, что те, кто с ним сталкивался, не очень его жалуют, а остальные испытывают чувство отторжения. Они не принадлежат их племени.

Маска Раффи до сих пор на его лице, но он не единственный здесь в костюме. Никто не обращает на меня внимания, как будто бы люди, на которых ангелы были так сосредоточены пару часов назад, ничего не значат теперь.

Я оглядываюсь вокруг в поисках места, куда могу ускользнуть. Ничего, за исключением куста, за которым я могу спрятаться, но он слишком далеко от меня. Поблизости только океан, скалы, трава и факелы.

Струйки ангелов превращаются в поток. Происходящие странности разжигают их любопытство.

Они толпятся и толкают меня. Опоздавшие ангелы вынуждены подняться в воздух, чтобы увидеть действие.

Над нами роятся облаком скорпионы, то взмывая вверх, то ныряя вниз, как пчелы из потревоженного улья.

Я стою во внутреннем круге. Слишком на виду. Я поглаживаю мягкий мех плюшевого мишки на рукояти меча, стараясь сохранять спокойствие.

Мучительный крик Велиала оглашает ночь.

Все стоят и смотрят, как его безжалостно терзают и жалят. Кроме Раффи, лишь защищающего свои крылья, ни одно существо не приходит демону на помощь. Никто даже не ставит на него.

Велиал был прав. Он нелюбим и не нужен.

Пейдж, рыдающая и бьющаяся над Велиалом, наконец, поднимает глаза и замечает ангелов. Даже в таком освещении я вижу страх и неуверенность, отражающиеся на ее лице, пока она переводит взгляд от одного бездушного воина к другому.

Ангелы выглядят дико в отсветах факелов, с красными тенями на лицах.

Ее взгляд замирает на мне. Она мигает несколько раз, словно не верит своим глазам. Ее личико вытягивается, создавая ужасающую иллюзию, что лоскутный монстр тает, оставляя только жутко расстроенную Пейдж.

Она выглядит так же как на видео с Велиалом — крошечной, одинокой, потерянной. Маленькая девочка, пытающаяся сохранить веру, что старшая сестра придет и спасет ее.

Я протягиваю руки к ней, осознавая, как давно не прикасалась к ней. Пейдж теперь другая, но я не могу больше представлять ее чудовищем. Если нам всем суждено умереть

сейчас, то я хотя бы утешу свою малютку-сестру в последние минуты нашей жизни.

Пейдж опускает глаза и колеблется. Слезы оставляют светлые дорожки на ее окровавленном лице.

Я шагаю в центр круга и иду к ней. Плач усиливается, а когда я подхожу, она обнимает меня за талию изо всех сил.

Моя маленькая сестренка поднимает глаза на меня.

Мама была права. Ее глаза те же, что и раньше. Карие глаза, окаймленные длинными ресницами. Это как воспоминания о свете, нежности и радости, пойманные в ловушку ее изуродованного лица.

— Все хорошо, малышка, — шепчу я в ее волосы, обнимая ее. — Я здесь, я пришла за тобой.

Ее личико сморщивается и глаза сияют.

— Ты пришла за мной.

Я глажу ее волосы. Они такие же шелковистые, как и прежде.

Велиал лежит в грязи у ног Раффи. Кровь вытекает из глубоких порезов, укусов и оторванных кусков плоти. Три скорпиона, будто огромные пиявки с жалами, впиваются ртами в его открытые раны и начинают досуха его высасывать.

Велиал из последних сил вопит, неуклюже дергаясь в сторону от скорпионов.

Кожа Велиала начинает высыхать и морщиться. Я знаю, что скоро он иссохнет, а его плоть будет выглядеть как вяленая говядина.

Раффи бросает взгляд на ангелов, наблюдающих за ним, затем смотрит обратно на высохшую кожу Велиала. Даже с маской на его лице я могу сказать, что он не хотел делать ничего столь решительного перед ангелами. Но он не может позволить, чтобы его крылья высосали досуха и иссушили. И даже если он не может убрать этих скорпионов от Велиала, с неба могут спуститься другие.

Он отрывает одно из украденных Велиалом крыльев и твердо держит его в руке. Из-за пояса он достает кухонный нож, взятый в доме на пляже. Он отражает пламя факела, когда Раффи поднимает его, перед тем как резко опустить его вниз.

Велиал, еще не полностью парализованный, орет, когда Раффи надрезает сустав его крыла.

Крыло падает на землю.

Ангелы ошеломленно наблюдают за этим.

Раффи снова заносит нож.

Несколько воинов прыгают на Раффи, занеся крылья назад и с кулаками наготове. Они думают, что он отрезает крылья ангела и что они защищают одного из них. Догадываюсь, что одно дело — выступить против девчонки и ее домашних любимцев, но совсем другое — против ангела, отрезающего крылья другого ангела.

Но они не могут добраться до него достаточно быстро. Раффи отрезает второе крыло Велиала.

Белоснежное крыло падает на землю, все еще великолепное и полное жизни.

Раффи отбрасывает первого ангела, добравшегося до него.

Он в рукопашную дерется с первыми двумя ангелами, подкравшимися к нему. Он кричит на них, вероятно, пытаясь объяснить, что на самом деле происходит, но его слова теряются среди рева скорпионов, злого крика ангелов и шума волн.

Он может сдерживать двоих, но третий достает меч.

Единственное эффективное оружие, имеющееся у Раффи — это его демонические крылья, все еще скрытые под маскировкой из перьев. Он поднимается вверх, сомневаясь, показывать ли их такому большому количеству ангелов, хоть и маловероятно, что в маске его кто-то узнает. Но нападающий не оставляет ему выбора, когда заносит над ним меч.

Раффи распахивает свои демонические крылья.

Толпа смолкает. Гудение скорпионов стихает, когда они заканчивают свой полет. А зазубренные косы на крыльях Раффи выскальзывают наружу.

Они лязгают и отбивают меч его противника, который, на мгновение, взлетев в воздух, приземляется на лужайке.

Раффи опускает подбородок и угрожающе смотрит на ангелов. С огромными крыльями летучей мыши за спиной и косами, вспыхивающими красным в сумерках, он — идеальное

воплощение дьявола.

Два оторванных крыла лежат с другой стороны от Велиала. Белые перья, трепещущие на ветру, выглядят неуместно на пропитанной кровью земле. Праздничная маска Раффи лишь добавляет ужаса, когда он склоняется над Велиалом.

Пока все смотрят, единственные звуки — это гудение улетающей саранчи и плеск разбивающихся об утес волн.

И затем звук сотни ангельских мечей, вытаскиваемых из ножен, заполняет ночь.

Мое дыхание становится прерывистым, и я не думаю, что могу ощущать свои пальцы. Не вижу из этого выхода.

Раффи возвышается над Велиалом, наблюдая за окружившими его воинами. Его взгляд жесток, но это лишь доказывает, что ситуация, в которой мы оказались чертовски плоха. Даже если бы Раффи был в лучшей форме, он не смог бы бороться против целого легиона собственных людей, даже если предположить, что он хотел бы.

Мы с Пейдж окружены так же как и Раффи. У сестры, кажется, есть несколько новых трюков в рукаве, но шансы точно не в нашу пользу. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть есть ли прорехи в стене ангелов, через которые я могла бы провести Пейдж в безопасность, но таковых нет.

Мы в ловушке.

Они веером раскинулись вокруг нас, отрезая путь в любом направлении — землю, воду и воздух. Думаю, они не первый раз заманивают жертву в свою ловушку. Уверена, они знают, как двигаться, чтобы кого-то прикончить.

Несколько ангелов с мечами подступают к Раффи. Он оценивает их, смотрит на свои крылья на земле, будто запоминает их месторасположение. Он переступает через голову Велиала, готовясь к бою.

Скорпионы осторожно наблюдают за Раффи, но продолжают высасывать жизнь из Велиала. Когда мечи ангелов скрещиваются с косами на крыльях Раффи, скорпионы пугаются и улетают.

Глаза Велиала безучастно наблюдают, пока остальное его тело истекает кровью через порезы, укусы и оторванные куски плоти. Если бы я так хорошо не знала, то подумала бы, что он мертв.

Раффи пытается сдержать ангелов подальше от своих крыльев, но ты не так много можешь сделать, когда борешься за свою жизнь.

Я опускаюсь на землю и хватаю белоснежное крыло, пока кто-то на него не наступил. Я быстро сгибаю его и вручаю Пейдж.

— Держи это. Не позволяй ничему с ним случиться.

Я ныряю с другой стороны от Раффи и ползу по земле, чтобы схватить другое крыло прямо перед тем, как ангел наступит на него. Надо мной Раффи рассекает и блокирует удары исступленными движениями своих демонических крыльев.

Я пригибаюсь, держа крыло, чтобы убраться с дороги. Складываю его и отдаю Пейдж. Крылья светлые, но практически скрываются за ее телом, когда она держит их в руках.

Я направляю Пейдж подальше от драки. Но наш путь перекрывает воин, смотрящий на нас сверху вниз.

В сумерках его крылья больше похожи на пламя, но я знаю, что в свете уличных фонарей они пылают оранжевым. Это Жженный, со злости укравший Пейдж.

Он выглядит так же, как и на видео Дока — жестоким и сердитым. Он делает шаг к нам на встречу.

— Вот и ты, — говорит Жженный и тянется за Пейдж. — Наконец-то, ты для чего-то пригодилась, правда? Пора отдавать долги.

Я толкаю Пейдж себе за спину и сдергиваю мишку с моего меча. Я практически рада.

что у меня выпал шанс вступить с ним в бой. У меня особый вид ненависти к Жженому, Похитителю Маленьких Беззащитных Девочек.

Жженный смотрит на меня, словно на комара.

— Что ты собираешься делать? Лупить меня своим плюшевым мишкой?

Я достаю свой меч и принимаю боевую стойку.

Он действительно заливается смехом.

— Ты собираешься драться со мной своим оловянным мечом, маленькая девочка?

Я почти ощущаю гнев, исходящий от Раффи, который борется с несколькими войнами.

Жженный небрежно ударяет по мне своим мечом.

Я на автомате встречаю его стальной удар своим собственным. Обучение во снах должно быть работает, по крайней мере, в какой-то степени.

Жженный выглядит удивленным. Но это не мешает ему тут же нанести следующий удар.

Я могу сказать, что теперь он относится к этому гораздо серьезней.

Его меч обрушивается вниз словно кувалда.

Я размахиваю своим мечом, чтобы встретить его.

Шокирующий удар заставляет греметь мои кости до самых лодыжек. Мои зубы так сильно клацают, странно, что они все еще не выпали. Удивительно, но я все еще стою.

Но едва-едва. Понятно, что я не могу принять слишком много прямых ударов. Теперь я знаю, почему ни одни из моих тренировочных снов не включал в себя противника с мечом.

Жженный ожидал, что я упаду после первого же удара. Раздраженный, он вновь поднимает меч.

Я подныриваю и хватаю его руку с мечом. Вероятно это не очень желаемое движение, но ведь есть причины, по которым нужно заносить руку для удара. Со мной на таком близком расстоянии он сможет нанести пару порезов, но не сможет причинить слишком много вреда.

Я пытаюсь ударить его по колену, но он готов к этому и уклоняется. В отличие от других противников, с которыми я сражалась в последнее время, Жженный не выглядит ни пьяным, ни любителем. Он замахивается для нового удара.

Я ныряю. Я чувствую дуновение воздуха от лезвия, прошедшего возле моей макушки.

Я теряю равновесие, и у меня нет времени, чтобы принять хорошую оборонительную позицию.

У меня достаточно времени, чтобы поднять свой меч и заблокировать удар.

Он вновь бьет меня с силой, способной раздробить кости.

Когда удар достигает цели, череп так сильно трещит, что, кажется, вибрирует даже хребет. Я практически выпускаю меч, но чудом умудряюсь вцепиться в него.

Я спотыкаюсь и падаю на колени.

Неясно понимаю, что позади меня кричит Пейдж. У нее могут быть зубы убийцы, но этого не достаточно против ангельских воинов, и я рада, что она это знает.

Часть меня видит, как Раффи пробирается сквозь лезвия и удары, пытаюсь подобраться ко мне. Но против него выступает слишком много противников.

Меня заполняют волны ярости. Гнев, который, как я думала, исходил от Раффи, на самом деле исходит от меня. Нет, не от меня. От меча.

Жженный был в той группе, которая отрезала крылья Раффи. Именно поэтому меч вынужден был покинуть Раффи. Теперь он застрял у меня, слабого маленького человечки.

Она терпела оскорбление за оскорблением с тех пор, в том числе и насмешки. И теперь, финальное унижение — Жженный собирается вбить нас в землю в два или три удара.

О, да она недовольна. Ладно. Я тоже недовольна. Этот ублюдок похитил мою сестру и посмотрите, что из этого вышло.

Мы можем сгореть в огне вместе. По крайней мере, мы можем вложить весь наш гнев в последний удар. Надеюсь, я смогу ударить его в то место, где ему действительно будет больно.

Жженный имеет наглость нетерпеливо поторапливать меня подниматься. Он, наверное, никогда не переживет, если нанесет смертельный удар, пока его противник в лице худощавой девицы валяется на земле. Я лишь взвинчиваю эту злость, когда занимаю позицию и готовлюсь к удару.

Мы с Жженным вдвоем заносим наши мечи.

Я со всей силы кричу и делаю выпад в тот же момент, что и он.

Пейдж выкрикивает мое имя. Раффи кричит, отталкивая воина и пытаюсь добраться до меня.

Когда два меча скрещиваются, я не чувствую ни грохота костей, ни привкуса крови. Будто все силы сосредоточились на мече, прежде чем волной прокатиться по мне. Будто вся эта огромная смертоносная сила получила перенаправление.

Лезвие меча Жженого разрушается. Звучит так, словно кто-то кричит и бьется стекло одновременно. Зазубренные осколки попадают в крылья Жженого, насквозь их прорезая.

Я продолжаю нападать, и мой клинок проходит по груди Жженого.

Это чистая рана, не оставляющая следов до тех пор, пока кровь не начинает выступать на линии от одной руки к другой. Он падает.

Жженный лежит на утопанной траве и истекает кровью. Его глаза широко открыты в ошеломленном неверии. Тело его дрожит, а дыхание прерывистое и напряженное.

Он борется за каждый вздох. Один... Второй... Его глаза теряют фокус, а взгляд ничего не выражает. Он — не жилец.

Я еще секунду смотрю на него, чтобы убедиться, что он мертв, уверяя себя, что ангельский меч действительно убивает ангелов.

Поднимаю взгляд вверх. Раффи и остальные замерли прямо посреди их битвы. Все смотрят на нас.

Человеческая девушка, убившая ангела-воина. В бою на мечах. Невозможно.

Я тоже застыла. Руки все еще подняты, держа клинок, чтобы снова нанести удар.

Я оглядываюсь назад на мертвое тело Жженого, пытаюсь собрать мысли в кучу к тому факту, что я убила ангельского воина.

И тогда случается еще одна невообразимая вещь.

В одну секунду мы окружены ангелами, держащими свои мечи. В другую же — одна из рук опускается, и меч летит на траву, будто свинцовый. Ангел с непониманием смотрит на свой клинок.

Падают и другие мечи. И еще.

Затем все остальные до последнего меча падают на траву, будто подчиненные, преклоняющиеся перед своей королевой. Ангелы в смятении смотрят на мечи у своих ног.

Затем все поворачиваются ко мне. Фактически, будет правильной сказать, что они смотрят на мой меч.

— Ого.

Это самая разумная вещь, которую я могу сказать прямо сейчас. Раффи что-то говорил об архангельских мечах, превосходящих остальные ангельские мечи, если могут получить их уважение?

Я опускаю взгляд, чтобы посмотреть на клинок в моих руках.

Это ты, Мишка Пуки?

Пейдж бежит ко мне, все еще держа крылья. Она неуверенно зарывается лицом мне в ребра, как раньше, когда после кошмара нуждалась в объятии.

Я обнимаю ее. Клянусь, ее плечи еще тоньше, чем когда-либо были. Но эта мысль заводит меня в темные места, где я не хочу оказаться, поэтому игнорирую ее. Судя по стене из воинов вокруг нас, ее голод больше не будет проблемой.

Я тяну ее с собой, пока осторожно подхожу к Раффи. Все еще находятся в состоянии шока, поэтому никто не пытается остановить меня, хотя я теперь убийца ангела. Я стою спиной к спине с Раффи, зажимая Пейдж и отрезанные крылья между нами.

Я знаю, что сейчас Пейдж смертельно опасна. Но это не меняет того факта, что она не перенесет это лучше чем мы. И я знаю, есть еще одна вещь, чего не следует делать ребенку ее возраста, это сражаться за свою жизнь, пока ее старшая сестра поблизости.

Я надеюсь, что последние ее несколько минут наполнены осознанием того, что она была в окружении тех, кто пытался защитить ее.

Мы должно быть зрелищно выглядим. Раффи в своей красной маске и крыльями демона развернутыми с острыми лезвиями на краях во всем своем великолелии. Тощая человеческая дочь-подросток, размахивающая мечом архангела. И маленькая девочка со швами, кажущаяся и поступающая как ведьма, сжимающая пару крыльев ангела.

Мои волосы развеваются, и я осознаю, что гудение крыльев скорпионов перерастает в рев. Они, должно быть, летали кругами и снова возвращаются. Это ощущается как зарождающийся шторм, когда они рядом.

Воины преодолевают шок и двигаются на нас с голыми руками. Только сейчас, больше наступают на меня, чем Раффи. Я полагаю, они имеют что-то против девушек, убивающих одного из них. Или они хотят попытаться посягнуть на мой меч.

Я ударяю клинком ангела подошедшего слишком близко. Он пригибается и пытается схватить меня за волосы. Я бью его в живот.

Насколько я могу судить, воинов — бесконечное количество. Исход очевиден. Это не будет длиться долго. Мы это знаем. Они это знают. Но мы продолжаем сражение.

Я бью мечом воина в доспехах, целясь ему в горло, когда что-то сбивает его с ног.

Это скорпион.

На мгновение их крылья и жала путаются, катаясь по утопанной траве. На самом деле скорпион не борется с ангелом. Я думаю, он просто пытается подняться и улететь. Но ангел не собирается позволить этому случиться.

Другой скорпион врезается в противника Раффи. Они валяются в грязи, кувыряясь в мешанине конечностей и крыльев. Еще три скорпиона неуклюже врезаются в ангелов.

Мне требуется время, что бы сообразить, что происходит на самом деле.

Рой над нами полетела вниз, опускаясь и кружась как облако ос. Когда они опускаются ниже, скорпионы, что находятся в нижней части стаи, врезаются в ангелов. Столкновение сбивает воинов как скошенную траву.

Я не сомневаюсь, что ангел может победить скорпиона, а не сражаться в поту. Но скорпионов гораздо больше, чем ангелов, и они ведут себя как глупые животные, врезающиеся в тела.

Даже сейчас, некоторые из них в последнюю секунду уворачиваются, пытаясь избежать

фатального столкновения, кажется, они не могут остановить собственную группу мгновенно, поэтому они врезаются в ангелов.

Мощь их тел, неоднократно врезающаяся в толпу, сбивает их всех на газон.

Всех, то есть, кроме меня, Раффи и Пейдж.

Рой раскалывается вокруг нас, сбивая все на своем пути, но оставляя нас нетронутыми.

Ветер, вызванный взмахами их крыльев, заставляет меня отступить назад, наткнувшись на Пейдж, все еще зажатую между Раффи и мной. Я протягиваю ей руку. Ее миниатюрная ручка крепко хватается за меня.

Раффи раскрывает свои крылья, что бы прикрыть нас, таким образом, что его крылья защищают наш тыл с обеих сторон.

Док, должно быть, ошибался в чувствах Пейдж к Велиалу, но я убеждаюсь, он был прав в том, что в Пейдж есть что-то особенное. Что бы то ни было, то, что Док втайне сделал с ней, придает ей какую-то связь со скорпионами. Они роятся вокруг нее, защищая своими телами.

Они продолжают прибывать. Некоторые из них жалятся, некоторые нет, словно скорпионы не уверены, что они должны делать. Но даже те, кто не жалит, не задерживаются. Это больше похоже на ударь-и-беги, как будто они чувствуют, что у них будут большие неприятности, если они останутся.

Рой поднимается, покидая газон, усеянный ангелами, стоящими на коленях и лежащими ничком. Все смотрят в небо, наблюдая, что же произойдет дальше. Мы одни все еще на ногах.

Рой поворачивает и описывает круг, собираясь на еще один заход. Ангелы, стоящие на коленях, ныряют наземь, прикрывая головы руками.

Может, они могли бы использовать свои мечи, изменяя развитие событий. Но, кажется, никто не хочет рисковать, даже, если это одна битва, чтобы его меч отрекся от владельца.

Я осматриваюсь, пытаюсь понять, что нам делать. Так как они не нацелены на нас, прятаться в укрытие не имеет особого смысла.

Рой возвращается. Мощный порыв ветра щиплет мои глаза и почти сбивает меня с ног.

Но они, как и раньше, раскалываются вокруг нас, позволяя нам оставаться в вертикальном положении, пока остальные прижимаются к земле.

Все еще держа сложенные крылья, Пейдж проскальзывает между нами и накрывает собой Велиала. Крылья с мягким оперением, зажатые между ними, развиваются на ветру.

Велиал усохший и почти неузнаваемый, лежит как мертвый лицом вниз. Крылья, покрывающие его спину, тем не менее, выглядят контрастно полные жизни, когда они свисают с него как белое одеяло.

Скорпион парит над Пейдж, пытаюсь поднять ее, но она не хочет оставлять Велиала.

Моя кожа покрывается мурашками, при виде его изогнутого хвоста с жалом, таким близким к моей сестре. Я испытываю желание отрезать его. Но Раффи выставляет руку, останавливая меня, будто бы зная, как я хочу поступить.

— Убери его, — шепчет он, кивая на мой меч.

Я сомневаюсь, обдумывая причины, почему я не должна использовать свой клинок. Но вытираю с него кровь о свои штаны и вставляю обратно в ножны на бедре. Сейчас не время для споров.

Все больше скорпионов замедляются и парят над Пейдж. Четверо из них берут Велиала за подмышки и ноги, пока двое других тянут его за пояс. Они поднимают демона с Пейдж,

крепко держащейся за него, как принцесса, на носилках из демона.

Я тянусь к ней, желая стащить ее.

Раффи хватает меня за руку и бежит за ними, когда последний из роя пролетает мимо.

Он поднимает меня и тащит на руки.

Я держу его так сильно, насколько позволяют мои дрожащие мышцы.

Несколько ускоренных шагов, и мы прыгаем со скалы в воздух.

Ангелы немедленно вскочили с мест и принялись гоняться за нами. Некоторые выглядят вяло, но слишком многие смогли встряхнуться. Крылья Раффи разворачиваются во всю мощь, едва мы взлетаем над грохочущими волнами.

Позади нас, стая ангелов взлетает со скалы.

Оглушающий звук скорпионьих крыльев становится громче, когда рой поворачивает и возвращается назад.

Скорпионы летят так близко, что их крылья почти касаются моей головы, когда они ныряют в сторону ангелов.

Я искоса наблюдаю за полетом насекомообразных тел. Выглядывая из-за плеча Раффи, мое поле зрения ритмично сужается и расширяется, когда Раффи машет крыльями.

Рой проваливается вниз, сталкиваясь с ангелами позади нас.

Титанические столкновения сбивают ангелов, и все что я вижу, это жала и крылья насекомых. Не один ангел не проникнет в эту массу. Я полагаю, это не совсем то, что Уриил имел в виду, когда создавал скорпионов.

Скорпионы ныряют и возвращаются к нам без единого ангела в поле зрения. Мы в рое.

Тела летят над, впереди и под нами. Позади нас множество жал и крыльев настолько плотное, что образует стену из гигантских насекомых.

Мы нервно оглядываемся, до тех пор, пока не проходит достаточно времени, что бы мы прекратили волноваться о том, собираются ли они на нас напасть.

Рядом со мной моя сестра, восседает на том, что осталось от Велиала. Ее ноги обхватили его талию, и она прижимает отрезанные крылья Раффи к нему своим телом. Кончики белоснежных крыльев свисают, развиваясь на ветру.

Велиал представляет собой ужасную картину со свисающей вниз головой. На нем не хватает кусков кожи, и он все еще кровоточит. Его кожа и мышцы сморщенные и выпиты досуха, заставляя его выглядеть хрупким и давно мертвым.

Их несут шесть монстров-скорпионов, махая своими радужными крыльями и это безумно странное зрелище. Пейдж поворачивается ко мне и одаривает застенчивой улыбкой, которая обрывается, когда швы на ее щеках слишком сильно растягиваются.

Однажды папа сказал мне, что моя жизнь усложнится, когда я вырасту. Я думаю это не то, что он имел в виду. Но с другой стороны, мама согласилась с ним, и предполагаю, вещи такого рода — именно то, что она имела в виду.

Я свертываюсь калачиком в объятиях Раффи. Наш полет на одной волне с роем, как будто его инстинкты прекрасно отточены и упорядочены с полетом группы. Понятно, что он должен был быть неотъемлемой частью чего-то большего, чем он сам.

Раффи теплый и сильный, и чувствует себя как дома. Наши лица становятся на дюйм ближе, когда рой поворачивает.

На мгновение, я могу ощутить его дыхание на щеке.

Мы полетим туда, куда поведет нас рой, и мы приземлимся там, где и он. И когда мы прибудем, я не сомневаюсь, что должна быть полна энергии и готовой ко всему. До тех пор, я греюсь в осознании, что на данный момент моя семья в безопасности, и я снова с Раффи.

Солнце восходит, придавая темному океану свечение, что мерцает голубым, золотым и зеленым.

Это новый день в Мире После.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

notes

Рональд Макдональд — клоун, являющийся талисманом компании McDonald's.

Гамельнский крысолов, гамельнский дудочник — персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей.

Флоренс Найтингейл — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

Конфуций — древний мыслитель и философ Китая.

Хелен Адамс Келлер — американская писательница, лектор и политическая активистка.

Далай-лама — духовный лидер тибетского народа.

«О, благодать» — всемирно известный христианский гимн (в оригинале — «Amazing Grace»).

«Twinkle, Twinkle, Little Star» — популярная английская колыбельная.

Флэпперский стиль — стиль 20-х годов: платья с открытым верхом, заниженной талией, короткой длиной.